

ISSN (ONLINE): 2312-2757

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Язык и Текст Language and Text

INTERNATIONAL
ELECTRONIC JOURNAL

№3 (12) 2025

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

Международный научный журнал
«Язык и текст»

Редакционная коллегия

Дергачева И.В. (Россия) – главный редактор

Ахмедов Г.И. (Германия), Бугаева И.В. (Россия),
Бурнакова К.Н. (Россия), Воропаев В.А. (Россия),
Ковпак Н.А. (Россия), Конявская Е.Л. (Россия), Крутова М.С.
(Россия), Леденева В.В. (Россия), Мазанаев Ш.А. (Россия),
Сафронова Е.Ю. (Россия), Селендили Л.С. (Россия),
Сейранян М.Ю. (Россия), Соболева Л.С. (Россия),
Фрейдина Е.Л. (Россия), Шилихина К.М. (Россия),
Шмелева А.В. (Россия), Щербакова М.И. (Россия),
Эрменехильдо Л.Г. (Испания), Капилупи С.М. (Россия),
Понтон Д.М. (Италия), Ван Сяоян (Китай), Абакумова О.В.
(Россия), Аннушкин В.И. (Россия), Бовшик А.С. (Россия),
Величкова Л.В. (Россия), Гребенюк В.П. (Россия),
Есаулов И.А. (Россия), Исакова З.З. (Россия),
Конурбаев М.Э. (Россия), Корнев В.А. (Россия),
Махмудова С.М. (Россия), Мурадян А.А. (Россия),
Мурашкина О.В. (Россия), Ужанков А.Н. (Россия),
Кавацца А. (Италия), Астутто Д. (Италия), Фарачи Е.Г.
(Италия), Маццоне С. (Италия).

Секретарь

Канель И.В.

Редактор и корректор

Канель И.В.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Московский государственный
психолого-педагогический университет»

Адрес редакции

123290, г. Москва, Шелепихинская набережная, 2А, стр. 2
Телефон: 8 (499) 256-87-50

E-mail: landlit@mail.ru

Сайт: <https://psyjournals.ru/journals/langt>

Индексируется:

ВАК Минобрнауки России, Российский индекс научного
цитирования (РИНЦ), Directory of Open Access Journals
(DOAJ), EBSCO, Google Scholar, Index Copernicus

Издается с 2014 года

Периодичность: 4 раза в год

Свидетельство о регистрации СМИ:

Эл № ФС77-67008 от 30 августа 2016 г.

Все права защищены. Название журнала, логотип, рубрики,
все тексты и иллюстрации являются собственностью ФГБОУ
ВО МГППУ и защищены авторским правом. Перепечатка
материалов журнала и использование иллюстраций
допускается только с письменного разрешения редакции.

© ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-
педагогический университет», 2025

International Scientific Journal
“Language and Text”

Editorial board

Dergacheva I.V. (Russia) – editor-in-chief

Akhmedov G.I. (Germany), Bugaeva I.V. (Russia),
Burnakova K.N. (Russia), Voropaev V.A. (Russia), Kovpak N.A.
(Russia), Konyavskaya E. L. (Russia), Krutova M.S. (Russia),
Ledeneva, V. V. (Russia), Mazanaev S.A. (Russia),
Safronova E.Y. (Russia), Selendili L.S. (Russia), Seiranyan M.Y.
(Russia), Soboleva L.S. (Russia), Freidina E.L. (Russia),
Shilikhina K.M. (Russia), Shmeleva A.V. (Russia),
Shcherbakova M.I. (Russia), Hermenegildo L.G. (Spain),
Capilupi S.M. (Russia), Ponton D.M. (Italy), Wang X. (China),
Abakumova O.V. (Russia), Annushkin V.I. (Russia),
Bovshik A.S. (Russia), Velichkova L.V. (Russia),
Grebennyuk V.P. (Russia), Esaulov I.A. (Russia), Iskhakova Z.Z.
(Russia), Konurbaev M.E. (Russia), Kornev V.A. (Russia),
Makhmudova S.M. (Russia), Muradyan A.A. (Russia),
Murashkina O.V. (Russia), Uzhankov A.N. (Russia), Cavazza A.
(Italy), Astuto G. (Italy), Faraci E.G. (Italy), Mazzone S. (Italy).

Secretary

Kanel I.V.

Editor and proofreader

Kanel I.V.

FOUNDER & PUBLISHER

Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE)

Editorial office address

Shelepikhinskaya Embankment, 2A, 2, Moscow, Russia, 123290
Phone: 8 (499) 256-87-50

E-mail: landlit@mail.ru

Web: <https://psyjournals.ru/en/journals/langt>

Indexed in:

Higher Attestation Commission under the Ministry of Education
and Science of the Russian Federation, Russian Science Citation
Index (RSCI), Directory of Open Access Journals (DOAJ),
EBSCO, Google Scholar, Index Copernicus

Published quarterly since 2014

The mass medium registration certificate:

El FS77-67008 number. Registration date 30.08.2016.

All rights reserved. Journal title, logo, rubrics, all text and images
are the property of MSUPE and copyrighted. Using reprints and
illustrations is allowed only with the written permission of the
publisher.

© MSUPE, 2025

Содержание

2025. Том 12. № 3

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Экспрессивность рекламного текста в контексте гендера <i>Кудрявцева М.В.</i>	5-16
Лингво-семиотические характеристики авторского термина (на материале терминологических единиц сферы межличностного интеллекта) <i>Манукян К.Г.</i>	17-26
Житие Александра Свирского в собрании Е.Е. Егорова <i>Соболева А.Е.</i>	27-36

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ

Журналистика Рисорджименто как отражение изменений в итальянском обществе <i>Канель И.В.</i>	37-47
Стихотворение М.Ю. Лермонтова «Соседка» (1840): текстологическая критика и интерпретация <i>Поташова К.А.</i>	48-63
Чувственное восприятие как способ создания образа в повести Пантелеймона Романова «Детство» <i>Сотникова И.В.</i>	64-76
Художественная специфика семейного дискурса в «Домострое» <i>Степанова М.С.</i>	77-85
Мотив говорящей головы в литературных предисловиях синодиков <i>Шадрина Е.С. (инокиня Мария)</i>	86-97

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

К проблеме определения понятий: военный подъязык, военная лексика, военная терминосистема <i>Великов М.С., Сафронова Е.Ю.</i>	98-110
Лексико-грамматические особенности Строевого устава Российской Федерации <i>Гладких И.А.</i>	111-121
Использование методов Digital Humanities в исследовании международного диалога России и Италии эпохи «великих реформ» и Рисорджименто <i>Дергачева И.В.</i>	122-131
Использование наглядности при обучении русскому языку иностранных студентов-метеорологов <i>Калугина Т.В., Романенков М.Г.</i>	132-142
Языковые аспекты кибербуллинга в студенческой среде <i>Шилин А.Ю., Бахчиева О.А.</i>	143-155

Contents

2025. Vol. 12. No. 3

GENERAL AND COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

Expressiveness of advertising text in the context of gender <i>Kudryavtseva M.V.</i>	5-16
Linguo-semiotic characteristics of the author's sign (based on terminological units in the sphere of "interpersonal intelligence") <i>Manukyan K.G.</i>	17-26
The Life of St. Alexander Svirsky in the collection of E.E. Egorov <i>Soboleva A.E.</i>	27-36

WORLD LITERATURE. TEXTOLOGY

Risorgimento journalism: reflecting changes in Italian society <i>Kanel I.V.</i>	37-47
Mikhail Lermontov's poem "The Neighbor" (1840): textual criticism and interpretation <i>Potashova K.A.</i>	48-63
Sensory perception as a way of creating an image in the story "Childhood" by Panteleimon Romanov <i>Sotnikova I.V.</i>	64-76
Artistic specificity of the family discourse in Domostroy <i>Stepanova M.S.</i>	77-85
The motif of the talking head in the literary prefaces of the synods <i>Shadrina E.S. (nun Maria)</i>	86-97

LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL BASIS OF LEARNING LANGUAGES AND CULTURES

On the problem of defining the concepts: military sublanguage, military lexicon, military terminology <i>Velikov M.S., Safronova E.Yu.</i>	98-110
Lexical and grammatical features of the Military Regulations of Russian Federation <i>Gladkikh I.A.</i>	111-121
Using Digital Humanities methods in researching the international dialogue between Russia and Italy during the period of the "great reforms" and the Risorgimento <i>Dergacheva I.V.</i>	122-131
Using visibility in teaching the Russian language to foreign meteorological students <i>Kalugina T.V., Romanenkov M.G.</i>	132-142
Language aspects of cyberbullying among students <i>Shilin A.Yu., Bakhchieva O.A.</i>	143-155

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ | GENERAL AND COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

Научная статья | Original paper

Экспрессивность рекламного текста в контексте гендера

М.В. Кудрявцева✉

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

✉ maria.karamazova2013@yandex.ru

Резюме

В данной статье исследуется экспрессивность рекламных текстов в контексте гендерных стереотипов. На основе анализа конкретных примеров рекламы, включая выборку из современных журналов, рассматриваются языковые средства, используемые для создания эмоционального воздействия на мужскую и женскую аудиторию. Исследование базируется на теоретических положениях, изложенных в работе А.В. Кириловой «Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации» и в работах З.З. Исхаковой, посвященных гендерным аспектам языка и коммуникации. **Результаты исследования** демонстрируют, что экспрессивность рекламного текста является важным инструментом формирования гендерно-ориентированных коммуникативных стратегий. **Цель исследования** — анализ экспрессивности рекламных текстов в контексте гендерных стереотипов, выявление языковых средств и стилистических приемов, направленных на эмоциональное воздействие на мужскую и женскую аудиторию, а также изучение гендерно-нейтральной рекламы как современной тенденции. **Объект исследования** — рекламные тексты из журналов «Glamour», «GQ», «Harpersbazaar», «Men's Health» и других изданий. **Предмет исследования** — языковые и стилистические средства экспрессивности (эмотивы-символы, индексы, образы), формирующие гендерные стереотипы или их преодоление. **Новизна** заключается в комплексном анализе гендерно-ориентированной и гендерно-нейтральной рекламы, классификации эмотивов и применении дискурс-анализа для выявления связи между языком рекламы и социальными нормами.

Ключевые слова: экспрессивность, рекламный текст, гендер, стереотипы, гендерно-нейтральная реклама

Для цитирования: Кудрявцева, М.В. (2025). Экспрессивность рекламного текста в контексте гендера. *Язык и текст*, 12(3), 5–16. <https://doi.org/10.17759/langt.2025120301>

Expressiveness of advertising text in the context of gender

M.V. Kudryavtseva✉

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

✉ maria.karamazova2013@yandex.ru

Abstract

This article examines the expressiveness of advertising texts within the context of gender stereotypes. Based on the analysis of specific advertising examples, including a sample from contemporary magazines, the linguistic means used to create emotional impact on male and female audiences are explored. The research is grounded in the theoretical frameworks presented in A.V. Kirilina's work "Gender Studies in Linguistics and Communication Theory" and in the works of Z.Z. Iskhakova dedicated to the gender aspects of language and communication. **The research findings** demonstrate that the expressiveness of advertising text is a significant tool for shaping gender-oriented communicative strategies. **The aim of the research** is to analyze the expressiveness of advertising texts in the context of gender stereotypes, to identify linguistic means and stylistic devices aimed at emotional impact on male and female audiences, and to study gender-neutral advertising as a contemporary trend. **The object of the study** is advertising texts from magazines such as "Glamour", "GQ", "Harpersbazaar", "Men's Health", and other publications. **The subject of the study** is the linguistic and stylistic means of expressiveness (emotives-symbols, indices, images) that form gender stereotypes or challenge them. **The novelty** lies in the comprehensive analysis of gender-oriented and gender-neutral advertising, the classification of emotives, and the application of discourse analysis to reveal the connection between advertising language and social norms.

Keywords: expressiveness, advertising text, gender, stereotypes, gender-neutral advertising

For citation: Kudryavtseva, M.V. (2025). Expressiveness of advertising text in the context of gender. *Language and Text*, 12(3), 5—16. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2025120301>

Введение

В современном медиапространстве реклама выступает не только как инструмент продвижения товаров и услуг, но и как значимый канал трансляции социальных норм и ценностей. Одной из наиболее заметных тенденций в этом контексте становится использование экспрессивных языковых средств, направленных на усиление эмоционального воздействия на аудиторию. Особенно актуальным является вопрос, каким образом экспрессивность рекламного текста коррелирует с гендерными установками общества, ведь реклама не просто отражает, но и формирует представления о мужском и женском.

Гендерные стереотипы, закрепляясь в рекламных сообщениях, проявляются как в выборе тем и визуальных образов, так и в специфике языковых конструкций. Рекламные тексты для мужчин и женщин демонстрируют значительные различия в экспрессивных стратегиях: одни

апеллируют к мужественности, силе и успеху, другие — к эмоциональности, заботе и эстетике. Одновременно с этим все большее распространение получают гендерно-нейтральные коммуникации, где акцент делается не на принадлежности к определенному полу, а на универсальных человеческих ценностях — индивидуальности, свободе выбора, комфорте и инклюзивности.

Настоящее исследование направлено на изучение экспрессивных средств, применяемых в рекламных текстах, с учетом их гендерной направленности или нейтральности. Особое внимание уделяется лексическим, стилистическим и семиотическим инструментам, способствующим эмоциональному вовлечению адресата и формирующим либо укрепляющим определенные социальные установки. В фокусе анализа находятся тексты из популярных журналов, рассчитанных как на мужскую, так и на женскую аудиторию, а также примеры современной нейтральной рекламы. Выявление закономерностей использования экспрессивных средств в гендерном контексте позволяет по-новому взглянуть на роль языка в медиатизированной культуре и предложить критический подход к оценке рекламных дискурсов.

Теоретические основы исследования

Язык рекламы представляет собой сложную коммуникативную систему, где лингвистические и стилистические средства используются не только для информирования, но и для манипулирования восприятием, эмоционального воздействия и формирования социальных установок. Одним из ключевых понятий в этой области является экспрессивность, под которой понимается совокупность языковых и внеязыковых элементов, обеспечивающих выразительность и эмоциональную насыщенность текста.

Экспрессивность рекламного текста проявляется в активном использовании эмотивов — лексико-стилистических средств, создающих эмоциональную окраску высказывания. Это могут быть метафоры, эпитеты, гиперболы, оксюмороны, риторические вопросы и восклицания, графические акценты (капслок, курсив, шрифт, цвет) и другие формы выразительности, ориентированные на эмоциональный отклик аудитории (Коноваленко, 2025, с. 34; Цветкова, 2020, с. 61). Как отмечает Е.В. Рубцова, экспрессивная функция рекламы тесно связана с социальной функцией, поскольку рекламные тексты воздействуют не только на поведение, но и на мировоззрение потребителя (Рубцова, 2020, с. 60).

Особое внимание в современной лингвистике уделяется гендерной маркированности рекламного дискурса. Гендер в данном контексте рассматривается как социально сконструированная категория, формируемая и воспроизводимая в языковых практиках. А.В. Кирилина подчеркивает, что язык не является нейтральным по отношению к гендеру: он активно участвует в репрезентации и поддержании гендерных ролей, норм и иерархий (Кузнецов, 2006, с. 118). Повторяемость определенных лексических и грамматических паттернов в текстах рекламы способствует формированию устойчивых ассоциаций, которые встраиваются в когнитивную модель потребителя и нормализуют представления о «мужском» и «женском» (Там же, с. 122).

3.3. Исхакова дополняет это наблюдение, акцентируя внимание на эмотивно-дейктических константах как на ключевых механизмах передачи эмоционального и гендерного содержания в рекламном дискурсе. По ее мнению, экспрессивные элементы функционируют в тексте не изолированно, а в рамках семиотической структуры, где каждый знак — будь то слово, образ

или шрифт — подчинен общей коммуникативной задаче: создать нужную интерпретацию у адресата (Исхакова, 2019, с. 85).

Стереотипизация — еще один важный аспект, связанный с экспрессивностью рекламы. Как показывают М. Айзенд и А. Мулдров в своем систематическом обзоре, реклама традиционно эксплуатирует устойчивые гендерные стереотипы, используя их как основу для таргетинга аудитории и усиления узнаваемости бренда (Eisend, Muldrow, 2023, p. 125). Женская аудитория чаще ассоциируется с эмоциональной, эстетической, заботливой и пассивной позицией, в то время как мужчины изображаются как рациональные, целеустремленные и доминирующие (Lee, 2022, p. 88). Это четко прослеживается и в лексике: в рекламе для женщин преобладают слова с эмоционально-положительной окраской, связанные с красотой, уходом и чувствительностью, тогда как в мужской рекламе доминирует лексика, связанная с технологичностью, эффективностью и силой.

Современные тенденции, однако, демонстрируют сдвиг в сторону инклюзивности и отказа от жесткой бинарной модели. Гендерно-нейтральная реклама стремится к универсализации образов и смыслов, подчеркивая индивидуальность и свободу выбора, независимо от пола. Исследование R. Gill и A. Kanaï показывает, что бренды все чаще прибегают к стратегии «неопрезентации» гендера, избегая прямых указаний на пол и минимизируя использование традиционной гендерной символики (Gill, Kanaï, 2023, p. 6). Это проявляется в слоганах, визуальном ряде и выборе моделей, а также в лексике, лишенной гендерной маркированности (Brown, 2022, p. 215).

Суггестивные коды рекламного текста — это методы внушения, которые используются для влияния на восприятие продуктов, брендов или услуг. Этот процесс может происходить как на сознательном, так и на бессознательном уровне, и часто используется для того, чтобы заставить человека думать или действовать определенным образом, не осознавая, что на него оказывают влияние.

В рекламе суггестия имеет особенно важное значение. Цель рекламного сообщения заключается не только в том, чтобы донести информацию о продукте, но и вызвать определенные ассоциации, эмоции, чувства, которые побудят потребителя к покупке. Суггестивная реклама — это способ внушения, который использует психологические механизмы для создания позитивного восприятия продукта и побуждения к действиям.

Реклама регулирует и меняет модели социального поведения, оказывая при этом эффективное воздействие на получателя информации. В этой связи особое значение приобретают вопросы речевого воздействия. Речевое воздействие — это воздействие на человека при помощи речи и сопровождающих речь невербальных средств для достижения поставленной говорящим цели.

Суггестивные коды рекламы представляют собой систему вербальных и невербальных маркеров, направленных на формирование подсознательных реакций аудитории. Их функциональность базируется на взаимодействии эмоциональных, когнитивных и поведенческих паттернов, активируемых через ассоциативные связи. Согласно теории 3.3. Исхаковой, эмотивы выступают дейктическими элементами, связывающими текст с социокультурным контекстом восприятия. Автор выделяет три категории эмотивов (Исхакова, 2019):

- Эмотивы-индексы — лексические единицы, акцентирующие исключительность продукта («революционный», «уникальный»);

- Эмотивы-образы — семиотические конструкции, создающие визуализируемые репрезентации («сияющий взгляд», «технология индивидуального бритья»);
- Эмотивы-символы — культурно-обусловленные знаки, транслирующие устойчивые социальные нормы («семейные ценности», «мужественность»).

Эмотивы-индексы оперируют превосходными степенями и оценочной лексикой, формируя установку на превосходство товара. Например, в рекламе мужской парфюмерии повтор прилагательных «легендарный» и «брутальный» актуализирует архетип маскулинности (Коноваленко, 2025). Эмотивы-образы используют метафоры и оксюмороны для визуализации преимуществ, как в случае с рекламой туши «распахнутый взгляд, излучающий сияние». Эмотивы-символы, согласно А.В. Кирилиной, закрепляют гендерные роли через повторяющиеся паттерны, такие как «добытчик» для мужчин и «хранительница очага» для женщин (Кузнецов, 2006).

Таким образом, экспрессивность рекламного текста в контексте гендера — это не просто средство усиления эмоционального воздействия, но и мощный инструмент формирования социального сознания. Язык рекламы, будучи медиатором между производителем и потребителем, выступает также в роли социокультурного регулятора, способного как укреплять существующие нормы, так и трансформировать их в соответствии с изменяющимися общественными установками.

Методология исследования

Для анализа экспрессивности рекламных текстов использовались методы дискурс-анализа. Исследование проводилось на материале рекламных сообщений, опубликованных в печатных и цифровых медиа. Особое внимание уделялось рекламе товаров, традиционно ассоциирующихся с мужской и женской аудиторией (косметика, автомобили, бытовая техника и т.д.). Посредством применения триединой знаковой системы языка и сплошной выборки текстов, произведен отбор эмотивов-символов, эмотивов-индексов, эмотивов-образов. В качестве источника данных также использовались журналы, такие как «Glamour», «GQ», «Harpersbazaar», «Men's Health», «Modaparahomens», «Woman.ru».

В рамках эмпирического анализа были изучены рекламные тексты из печатных и цифровых изданий, ориентированных на мужскую, женскую и универсальную аудиторию. Целью анализа стало выявление экспрессивных языковых средств, используемых в рекламе, с учетом гендерной маркированности или ее отсутствия. Методологической основой послужил дискурс-анализ, совмещенный с элементами семиотического подхода (Исхакова, 2019, с. 77; Коноваленко, 2025, с. 118).

1. Экспрессивность в рекламе для женщин

Анализ текстов, ориентированных на женщин, демонстрирует устойчивое использование лексики, апеллирующей к эстетике, эмоциональности и заботе. Так, в рекламе шампуня Head & Shoulders акцентируется внимание на ключевых эмотивных маркерах: «красивые волосы», «глубокое увлажнение», «мягкость», «эффективный и простой уход». В тексте активно используются эмотивы-символы и эмотивы-образы, создающие позитивный эмоциональный отклик.

Другой пример — реклама туши «Baby Doll» от Yves Saint Laurent. Здесь экспрессивность усиливается посредством таких стилистических приемов, как метафора («взгляд,

излучающий сияние»), оксюморон («обворожительная дерзость») и гипербола («сногшибательный эффект»). Эти элементы способствуют созданию визуально и эмоционально насыщенного образа продукта (Рубцова, 2020, с. 61; Исхакова, 2019, с. 89).

Рекламные тексты, ориентированные на женскую аудиторию, часто используют эмоционально окрашенную лексику, связанную с красотой, уходом и заботой. Примеры из женских журналов:

Косметика:

1. **«100 % КРАСИВЫЕ ВОЛОСЫ.** София Вергара уже подобрала шампунь для красоты своих волос. В твоей ванной стоят по крайней мере два-три шампуня для *глубокого увлажнения, гладкости и невероятного блеска...* ты мечтаешь о средстве, которое могло бы исполнить все твои *желания* одновременно? Теперь ты можешь подобрать шампунь, который подходит *именно* тебе... *Эффективный и простой* уход VS сложный и многоступенчатый? София сделала свой выбор» (Glamour, июль, 2015, с. 37).

Здесь используются эмотивы-символы, слова с положительной коннотацией (красивые, красота, глубокое увлажнение, гладкость и невероятный блеск, мечтаешь, желания, эффективный и простой), которые добавляют рекламе экспрессивности. Также делается акцент на графическом оформлении слогана, который побуждает к действию, а именно к покупке данного шампуня.

2. **«MASCARA VOLUME EFFECT FAUX CILS baby doll.** Обворожительная дерзость. Baby doll от Yves Saint Laurent. Невероятно *распахнутый взгляд, излучающий сияние...* Необыкновенно открытый взгляд, который привлекает внимание. *Неискушенная чувственность* в коллективном образе. *Сногшибательный эффект*» (Glamour, июль, 2013, с. 11).

В этом примере используются эмотивы-образы, акцент делается на эмоциональной привлекательности взгляда при помощи новой туши. В словосочетании «Обворожительная дерзость» используется оксюморон, сочетание противоположных по смыслу слов, создающих эффект неожиданности и выразительности. «Обворожительная» — очаровательная, привлекательная и «дерзость» — наглость, смелость, слова с сильным контрастным значением, которые вместе создают яркий образ для потребителя. «...распахнутый взгляд, излучающий сияние»: автор рекламы использовал метафору с использованием образных выражений, которые придают описанию эмоциональную выразительность и глубину. «Распахнутый взгляд» создает образ открытости и широты, а «излучающий сияние» подчеркивает яркость и притягательность взгляда. «Неискушенная чувственность...» — словосочетание с контрастным значением, создающее запоминающийся образ. В завершении «Сногшибательный эффект» используется гипербола, которая в данном случае используется для усиления выразительности и экспрессивности рекламного текста, что, несомненно, имеет эмоциональное воздействие на читателя.

2. Экспрессивность в рекламе для мужчин

В текстах, ориентированных на мужчин, прослеживается преобладание лексики, связанной с технологичностью, мощью и рациональностью. Примером может служить реклама электробритвы Braun Series 9, где используются эмотивы-индексы: «самая эффективная», «совершенный дизайн», «уникальная станция очистки», а также технические

характеристики, подаваемые через гиперболизированные и метафорические конструкции («шедевр немецкой инженерной мысли») (Рубцова, 2020, с. 62).

Реклама парфюма Hugo Boss Bottled акцентирует внимание на мужественности и целеустремленности через ассоциацию с актером Джерардом Батлером, воплощающим архетип брутального мужчины. Использование таких лексем, как «легендарный», «брутальный», «упорный», формирует устойчивый эмоционально-социальный образ продукта (Eisend, Muldrow, 2023, p. 126; Lee, 2022, p. 34).

Рекламные тексты для мужчин часто используют лексику, подчеркивающую силу, успех и технологичность. Примеры:

Электробритвы:

1. **«Braun Series 9 Самая эффективная бритва в мире для исключительно комфортного бритья. Бритье для мужчин, признающих только лучшее. Braun выпустил НОВУЮ бритву Series 9, которая соединяет в себе совершенный дизайн и новейшие технологии, рождающее идеальное сочетание формы и функциональности... А система Multi-HeadLock..., делаая бритье по-настоящему уникальным. Шедевр немецкой инженерной мысли. Инженеры Braun предлагают абсолютно новый подход. Технология индивидуального бритья позволяет определить плотность щетины... 160 раз в минуту! Надежный Li-ion аккумулятор обеспечит до 50 минут непрерывный работы... Она надежна в эксплуатации... Уникальная станция очистки ...».**

В данной рекламе используются эмотивы-индексы, а именно, повтор прилагательных «уникальный» и «надежный», словосочетания и слова в превосходной степени «самая эффективная, совершенный, новейший», графическое оформление высказывания посредством восклицательного знака, прописная форма прилагательного «новый», все это побуждает к покупке именно этой бритвы.

3. Парфюм

«HUGO BOSS BOTTLED ТЕБЕ 17, ТЕБЕ ОПЯТЬ 17 ЛЕТ... новым лицом ненового аромата BOSS BOTTLED стал актер Джерард Батлер, и это отличный повод поговорить о легендарном парфюме... Ну а чтобы лишний раз подчеркнуть мужественность этого классического парфюма, его новым лицом был выбран актер Джерард Батлер... куда уж брутальнее? «...Я считаю себя целеустремленным и упорным», - говорит Батлер... Ну и напоследок напомним, что в этом году аромату BOSS BOTTLED исполняется 17 лет – возраст более чем почтительный, наши поздравления». (Men's health, февраль, 2015, с. 140).

Этот пример иллюстрирует отличный рекламный ход, успешный и уверенный в себе актер выбирает классический парфюм. Привлекают читателя и эмотивы-символы, а именно, эмоционально-оценочные прилагательные: «легендарный, брутальный, целеустремленный, упорный». Полагается, что у читателя должна возникнуть ассоциация данного парфюма с образом мужественности, глядя на актера Джерарда Батлера.

4. Автомобили

Рекламные тексты автомобилей, таких как Mazda CX-9, также эксплуатируют мужские ценности через юмор, технологические метафоры и экспрессивные описания: «Mazda CX-9 соблазняет технологиями», «шины не визжат — не визжат и пассажиры». Эти примеры

демонстрируют использование эмотивов-образов, параллелизмов и стилистических метафор, ориентированных на рационально-ироничный тип восприятия (Исхакова, 2019, с. 90).

3. **«MAZDA CX-9 СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ.** ... Mazda CX-9 *соблазняет технологиями*...даже на большой скорости в поворотах шины не *визжат*. Не *визжат* и пассажиры: автомобиль движется плавнее и в нем меньше укачивает. **ТАБУН ПОРЕДЕЛ.** Наша версия слабее американской на 19 «лошадей». **АСФАЛЬТОВАЯ БОЛЕЗНЬ.** Полный привод работает только в автоматическом режиме... съезжать с асфальта можно, только взяв с собой лопату и телефон ближайшего тракториста».

Создатель этой рекламы вложил в нее немного юмора. А с использованием эмотивов-образов реклама становится наиболее экспрессивной. Во фразе «Mazda CX-9 соблазняет технологиями» используется олицетворение, создающее манящий образ бренда, который привлекает внимание технологическим преимуществом: «...шины не визжат. Не визжат и пассажиры...» в этой фразе сочетаются параллелизм, повтор и ирония. В эхо-фразах «Табун поредел», «Асфальтовая болезнь» используется такой стилистический прием как метафора. Таким образом, автор расположил читателей к покупке этой семейной машины.

5. Гендерно-нейтральная реклама

Анализ современных гендерно-нейтральных рекламных кампаний (Zara, H&M, Uniqlo) выявил сдвиг в сторону универсальных ценностей — свободы, комфорта, инклюзивности. Так, коллекция H&M «Denim United» сопровождается слоганом «Fashion should always be inclusive», в котором используется императивная модальность и повтор звуков (аллитерация), создающая акцент на значимости социальной идеи (Gill, Kanai, 2023, p. 3).

В кампании Zara используется неологизм «Ungendered», выступающий как эмотив-символ, указывающий на разрушение традиционной бинарной оппозиции. Описания, сопровождающие рекламу, подчеркивают свободу от гендерных ограничений, что отражает современный тренд к культурной инклюзии (Lee, 2022, p. 38).

Реклама технологий также демонстрирует переход к гендерной нейтральности. Примером служит инициатива Apple по внедрению гендерно-нейтральных эмоджи: «бородатые женщины и мужчины в свадебном платье» — яркий пример использования антитезы и культурной символики, направленной на переосмысление гендерных ролей¹.

В последние годы наблюдается тенденция к созданию гендерно-нейтральной рекламы, где экспрессивность используется для подчеркивания универсальных ценностей. Примеры гендерно-нейтральной рекламы можно встретить в различных сферах, особенно в тех, где бренды стремятся быть инклюзивными и учитывать разнообразие своей аудитории. Рассмотрим несколько таких примеров.

Одежда:

¹ Бородатые женщины и мужчины в свадебном платье: компания Apple анонсировала новые гендерно-нейтральные эмодзи // Woman.ru. URL: <https://www.woman.ru/news/borodatye-zhenshiny-i-muzhchiny-v-svadebnom-plate-kompaniya-apple-anonsirovala-novye-genderno-neitralnye-emoji-id568677/>

1. Бренды, такие как **H&M, Zara, Uniqlo**², часто используют гендерно-нейтральные кампании, продвигая унисекс-коллекции. Например, реклама, где модели разного пола носят одинаковую одежду, подчеркивая универсальность стиля.

1.1 “**OVERSIZED T-SHIRT. AIRism performance** with the look of cotton. A stylish cut with a relaxed feel.” [16].

«AIRism performance» - пример эмотива-образа. Автор использует капитализацию или аллюзию на бренд. Выделение корня «air» подчеркивает комфорт, создает ассоциацию с воздушностью изделия. Такой прием можно увидеть в рекламе для привлечения внимания к продукту.

1.2 “H&M Is Launching a Unisex Collection “**Fashion should always be inclusive**””

«H&M добавляет одежду, не соответствующую гендерным нормам, в свой уже обширный ассортимент. Бренд запускает унисекс-линию под названием «**Denim United**», которая как следует из названия, состоит из джинсовых изделий, таких как джинсы, комбинезоны и куртки...»³.

В данном примере используется несколько стилистических приемов, которые вместе образуют эмотивы-образы. «Denim United. Fashion should always be inclusive» - фраза слогана построена на призыве к инклюзивности в моде, также видна аллитерация, в данной случае, повторение звуков [d] в словах «**Denim**» и «**United**». Можно рассмотреть и игру слов в значении слова «United»: объединение людей через моду, а может быть и отсылка к идее единства. Далее, использование императива, в данном слогане – утвердительная форма «should» или «должна» создает ощущение обязательности, усиливающее убедительность фразы.

1.3 **Zara** запускает коллекцию одежды «**Без гендера**»!

«Zara поняла новое поведение потребителей и борьбу за равенство, которое мы наблюдаем в последние годы, и выпустила свою первую коллекцию «Без гендера». Коллекция, получившая название «Ungendered», предлагает одежду, которую могут носить как мужчины, так и женщины!»⁴.

Слоган бренда Zara содержит в себе неологизм «Ungendered», который подчеркивает идею коллекции, свободной от гендерных ограничений и выхода за рамки традиционных норм, что само собой инновационно. Слоган звучит лаконично и броско, экспрессивная пунктуация добавляет эмоциональности и делает акцент на ключевой идее. Данные стилистические приемы заключаются в эмотивах-символах передают читателю дух инклюзивности и актуальный тренд.

² <https://www.uniqlo.com/ph/en/special-feature/unisex>

³ H&M Launches Unisex Denim Line // Harper’s Bazaar. — URL: <https://www.harpersbazaar.com/fashion/trends/news/a21268/hm-unisex-collection/>

⁴ Zara’s First Gender-Neutral Collection // Modaparahomens — URL: <https://modaparahomens.com.br/zara-lanca-colecao-de-roupas-sem-genero/>

В этих рекламных текстах акцент делается на универсальных ценностях, таких как свобода и индивидуальность, что позволяет избежать гендерных стереотипов.

Технологии:

2. **«Бородатые женщины и мужчины в свадебном платье: компания Apple анонсировала новые гендерно-нейтральные эмоджи.** В новой версии миниатюрных картинок появятся заменители таких выражений, которые мы использовать не привыкли...эмоджи позволяют передать такие ощущение и ситуации, которые описывать словами было бы гораздо дольше... Разработчики стараются следовать за веяниями времени и потребностями владельцев гаджетов, чтобы понять, в каких эмоджи мир нуждается больше всего...»⁵.

Заголовок данной статьи построен на знаковой образности. Противопоставляется традиционные гендерные стереотипы и перечисление необычных образов «Бородатые женщины и мужчины в свадебном платье». Так, с помощью антитезы подчеркивается идея гендерной нейтральности, что ломает привычные установки и представление о гендере. Пропуск слов делает предложение динамичнее, что характерно для заголовков. Использование в заголовке известного бренда «Apple» создает рекламу, которая строится при помощи современной и актуальной темы. Экспрессивности тексту статьи добавляет описание новых смайлов-эмоджи, легкость и удобство их использования.

Таким образом, в рекламе, адресованной мужчинам и женщинам, экспрессивность реализуется через различные стратегии: эмоционально-эстетическая ориентация преобладает в женских текстах, технологически-рациональная — в мужских. Гендерно-нейтральные тексты отходят от бинарной модели и опираются на универсальные смыслы, что отражает актуальные социальные сдвиги. Эти тенденции подтверждают положения о социолингвистической функции языка рекламы, сформулированные в работах А.В. Кирилиной и З.З. Исаковой (Исакова, 2019, с. 90; Кузнецов, 2006, с. 123).

Заключение

Результаты исследования показывают, что экспрессивность рекламного текста играет ключевую роль в формировании гендерных стереотипов. Использование различных языковых средств для мужской и женской аудитории не только отражает существующие социальные нормы, но и способствует их закреплению. В то же время, появление гендерно-

⁵ Apple Introduces Gender-Neutral Emoji // Woman.ru. — URL: <https://www.woman.ru/news/borodatye-zhenshiny-i-muzhchiny-v-svadebnom-plate-kompaniya-apple-anonsirovala-novye-genderno-neitralnye-emodzhi-id568677/>

нейтральной рекламы свидетельствует о постепенном изменении общественных представлений о гендерных ролях. Как отмечает А.В. Кирилина, язык является не только отражением, но и инструментом конструирования гендерных идентичностей. З.З. Исакова подчеркивает, что рекламные тексты часто используют гендерно-маркированную лексику для создания эмоционального воздействия, что подтверждается анализом рекламных сообщений.

Экспрессивность рекламного текста является мощным инструментом воздействия на аудиторию, который активно используется в контексте гендерных стереотипов. Анализ рекламных сообщений, включая выборку из журналов, показывает, что языковые средства, направленные на создание эмоционального отклика, варьируются в зависимости от целевой аудитории. В условиях меняющихся социальных норм важно учитывать эти особенности для создания более инклюзивной и этичной рекламы. Работы А.В. Кирилиной и З.З. Исаковой предоставляют важную теоретическую основу для понимания роли языка в формировании гендерных стереотипов.

Список источников / References

1. Исакова, З.З. (2019). *Эмотивно-дейктическая константа в семиосфере*. Флинта.
Iskhakova, Z.Z. (2019). *Emotive-deictic constant in the semiosphere*. Flinta. (In Russ.).
2. Кузнецов, А.М. (2006). 03. 004. Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации. - М.: РОССПЭН, 2004. - 252 с. - библиогр.: С. 234-251. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: Реферативный журнал*, (3). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2006-03-004-kirilina-a-v-gendernye-issledovaniya-v-lingvistike-i-teorii-kommunikatsii-m-rosspen-2004-252-s-bibliogr-s-234-251>
Kuznetsov, A.M. (2006). 03. 004. Kirilina A.V. Gender studies in linguistics and communication theory. - Moscow: ROSSPEN, 2004. - 252 pp. - bibliogr.: pp. 234-251. *Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 6, Linguistics: Abstract Journal*, (3). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/2006-03-004-kirilina-a-v-gendernye-issledovaniya-v-lingvistike-i-teorii-kommunikatsii-m-rosspen-2004-252-s-bibliogr-s-234-251> (In Russ.).
3. Коноваленко, М.Ю. (2025). *Реклама и связи с общественностью. Введение в профессию* (2-е изд., перераб. и доп.). Издательство Юрайт.
URL: <https://urait.ru/bcode/557868>
Konovalenko, M.Yu. (2025). *Advertising and public relations. Introduction to the profession* (2nd ed., rev. and enl.). Yurayt Publishing House. Retrieved from <https://urait.ru/bcode/557868> (In Russ.).
4. Рубцова, Е.В. (2020). Особенности современной рекламы: социально-психологическое воздействие. *Карельский научный журнал*, 9(1(30)), 60.
Rubtsova, E.V. (2020). Features of modern advertising: Socio-psychological impact. *Karelian Scientific Journal*, 9(1(30)), 60. (In Russ.).

5. Цветкова, О.Л. (2020). Репрезентация гендера в рекламе: Стратегии, стереотипы, средства. *Верхневолжский филологический вестник*, (4(23)), 34-43.
Tsvetkova, O.L. (2020). Representation of gender in advertising: Strategies, stereotypes, means. *Verkhnevolzhsky Philological Bulletin*, (4(23)), 34-43. (In Russ.).
6. Brown, L. (2022). *The language of persuasion: Gender and emotional appeal in advertising*. Palgrave Macmillan.
7. Eisend, M., & Muldrow, A.F. (2023). Gender stereotypes in advertising: A systematic literature review. *Journal of Advertising*, 52(1), 119–137.
<https://doi.org/10.1080/00913367.2022.2150306>
8. Gill, R., & Kanai, A. (2023). Gender neutrality and branding: A critical discourse analysis of contemporary advertising. *Feminist Media Studies*, 23(1), 1–18.
<https://doi.org/10.1080/14680777.2021.1992712>
9. Lee, K. (2022). Digital persuasion: New trends in advertising. *Journal of Media Linguistics*, 15, 34–51.
10. Smith, J. (2021). *Gender and advertising: A sociolinguistic perspective*. Routledge.

Информация об авторе

Мария Владимировна Кудрявцева, аспирант кафедры «Лингводидактика и межкультурная коммуникация», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-9217-8370>, e-mail: maria.karamazova2013@yandex.ru

Information about the author

Maria V. Kudryavtseva, PhD student, Department of Linguodidactics and Intercultural Communication, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-9217-8370>, e-mail: maria.karamazova2013@yandex.ru

Поступила в редакцию 02.06.2025
Поступила после рецензирования 28.08.2025
Принята к публикации 10.09.2025
Опубликована 25.09.2025

Received 2025.06.02
Revised 2025.08.28
Accepted 2025.09.10
Published 2025.09.25

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ | GENERAL AND COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

Научная статья | Original paper

Лингво-семиотические характеристики авторского термина (на материале терминологических единиц сферы межличностного интеллекта)

К.Г. Манукян✉

Московский педагогический государственный университет, Москва, Российская Федерация
✉digitronic8@gmail.com

Резюме

Контекст и актуальность. Актуальность исследуемой проблемы обусловлена необходимостью изучения авторского знака-термина, как реализации потенциала языка в его стандартных семиотических инструментах, в неологии и уникальности концептуализации знака в метаязыке науки. Проблема авторского семиозиса рассматривается в контексте современной семиотики языка и семиотики перевода, что проявляет ее значимость в аспекте популяризации научного знания и необходимости преодолевать сложности перевода авторского знака для корректной рецепции термина в инокультурном научном сообществе.

Цель. Определить лингво-семиотические характеристики авторского знака-термина, как детерминанты его интерпретации и разработки оптимальных стратегий и техники перевода. **Гипотеза.** Термино-элементы анализируемой терминологической микросистемы демонстрируют сложные типы семантико-синтаксических связей, проявляющие дифференциальные и базовые признаки актуализируемых знаком концептов. **Методы и материалы.** В основе исследования лингво-семиотический подход, предполагающий использование семантического анализа знака-термина, анализа дефиниций и дескрипций, семантико-синтаксического анализа атрибутивных многокомпонентных моделей, сравнительно-сопоставительного анализа коррелирующих терминологических единиц в исходном языке и языке перевода. **Результаты.** Внутрисистемные связи терминологических единиц классификационного и партитивного типа позволяют выделить оппозитивные признаки контрастных пар, таких, как *intrapersonal* и *interpersonal intelligence*. Семантико-синтаксический анализ выявляет концептуальные признаки, сложно сопряженные с центральным концептом *intelligences*: деятельность, рефлексия, взаимодействие, восприятие, эмпатия. **Выводы.** Интерпретация и перевод авторских знаков-терминов осуществляется на основе анализа его лингво-семиотических характеристик с учетом структурно-семантических и

Манукян К.Г. (2025)
Лингво-семиотические характеристики авторского термина (на материале терминологических единиц сферы межличностного интеллекта)
Язык и текст, 12(3), 17—26.

Manukyan K.G. (2025)
Linguo-semiotic characteristics of the author's sign (based on terminological units in the sphere of "interpersonal intelligence")
Language and Text, 12(3), 17—26.

функциональных особенностей знака, анализа глубинной синтаксической структуры многокомпонентного термина, что позволяет определить особенности моделируемого концепта знака.

Ключевые слова: авторский знак-термин, лингво-семиотический подход, множественный интеллект, межличностный интеллект, оппозитивная связь, эквонимические связи

Для цитирования: Манукян, К.Г. (2025). Лингво-семиотические характеристики авторского термина (на материале терминологических единиц сферы межличностного интеллекта). *Язык и текст*, 12(3), 17—26. <https://doi.org/10.17759/langt.2025120302>

Linguo-semiotic characteristics of the author's sign (based on terminological units in the sphere of "interpersonal intelligence")

K.G. Manukyan✉

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation

✉digitronic8@gmail.com

Abstract

Context and relevance. The relevance of the research problem is determined by the necessity of analyzing the author's term as the sign, realizing language potential in standard semiotic tools, as well as in neology and unique conceptualization in the metalanguage of science. The issue of author's semiosis is examined in the framework of modern semiotics of language and translation, revealing its significance in popularization of scientific knowledge and overcoming complexities in translation to ensure correct reception of the author's sign in inter-cultural community. **Objective.** It is necessary to determine linguo-semiotic characteristics of the author's sign, which determine its interpretation and designing efficient strategies and technique of translation. **Hypothesis.** Elements of the terms in the analyzed microsystem display complex semantic-syntactic correlations, revealing basic conceptual properties of the analyzed notions of the sign. **Methods and materials.** The core of the research is lingo-semiotic approach, with application of semantic analysis of the terminological signs, analysis of author's definitions and descriptions, semantic-syntactic analysis of multi-component attributive terminological structures, comparative analysis of correlated terminological units in the source language and target language. **Results.** Classifying and partitive relations of terminological signs in the analyzed microsystem reveal oppositive links of contrastive pair in the cluster *intrapersonal u interpersonal intelligences*. Semantic analysis specifies differential features in their complex correlation with the basic concept of *multiple intelligences*, i.e. concepts of activities, reflections, interaction, perception, empathy. **Conclusions.** Interpretation and translation of author's terminological signs is performed with regard to their linguo-semiotic characteristics with application of structural-semantic and functional analysis of the sign, analysis of its deep syntactic multi-component structure, providing for disclosing essentials of the represented concepts.

Манукян К.Г. (2025)
Лингво-семиотические характеристики авторского термина (на материале терминологических единиц сферы межличностного интеллекта)
Язык и текст, 12(3), 17—26.

Manukyan K.G. (2025)
Linguo-semiotic characteristics of the author's sign (based on terminological units in the sphere of "interpersonal intelligence")
Language and Text, 12(3), 17—26.

Keywords: author's terminological sign, linguo-semantic analysis, multiple intelligences, intrapersonal intelligence, interpersonal intelligence, oppositive relation, equonymic relations

For citation: Manukyan, K.G. (2025). Linguo-semiotic characteristics of the author's sign (based on terminological units in the sphere of "interpersonal intelligence"). *Language and Text*, 12(3), 17—26. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2025120302>

Введение

Современное развитие науки характеризуется активным формированием новых концепций, требующих точного языкового выражения. Одним из ключевых элементов научных инноваций становится авторский термин, выступающий как языковой знак, фиксирующий новое понятие. Целью настоящего исследования является анализ лингво-семиотических особенностей формирования авторских терминов концепции *multiple intelligences* - *множественного интеллекта* Говарда Гарднера и разработка методологических основ перевода авторских терминов с английского языка на русский.

Авторские термины стали предметом интенсивных исследований метаязыка науки (Анисимова, Косарина, Федотова, 2021; Кухно, 2019; Табанакова, 2013; Сложеникина, Растягаев, Кухно, 2018; Манукян, 2025). Наиболее важным представляется сам процесс создания знака, фиксирующего новое понятие, отражение и закрепление в знаке процессов концептуализации и категоризации при формировании новых концептов и баз знаний. Особую значимость приобретают терминосистемы, в которых авторский знак-термин является центром новой моделируемой автором лингво-семиотической системы. Такие системы более объемно отражают особенности индивидуального авторского научного мышления, особенности концептуализации понятия и процессов категоризации. Очевидно, что центром исследования авторского знака должен стать авторский семиозис, как отражение лингво-ментальных процессов формирования новой базы знаний и принципов «организации когнитивных способностей человека в единый ментальный механизм» (Кубрякова, 2004, с. 8-9). Именно такой подход позволяет осуществлять корректное декодирование и интерпретацию авторского знака-термина, проанализировать лингво-ментальные процессы при восприятии, осмыслении и познании действительности в сложившихся семиотических формах их ментальных репрезентаций (Попова, Стернин, 2006, с. 9).

Материалы и методы

В основе исследования лежит лингво-семиотический подход, предполагающий анализ авторского термина как искусственно созданного на основе термино-элементов знака (Лотте 1961, с. 44), обладающего номинативно-дефинитивной функцией и являющегося компонентом специальной семиотической системы метаязыка науки, как семиотического инструмента закрепления результатов научного познания.

Семиотический подход к анализу языка (Лотман, 2010) позволяет рассматривать авторский термин, как особый знак: конструирование такого языкового знака подчинено задачам автора в процессе познания специальной области. Исследование авторских терминов требует анализа их семиотической природы с целью раскрыть механизмы их конструирования и интеграции в терминосистеме.

Концепция *multiple intelligences* - *множественного интеллекта* Говарда Гарднера (Gardner, 2024) занимает особое место в сфере исследований психологии личности. Термин *multiple intelligences* и сопряженные видовые термины представляют собой убедительный пример осознанного семиотического конструирования. Концептуальная эвристика таких терминов требует глубокого лингво-семиотического анализа (Шуверова, 2024 с. 138). Перевод авторских терминов сталкивается с трудностями, связанными с отсутствием прямых эквивалентов и новизной актуализируемых понятий. В связи с этим важным при анализе введенных автором понятий становится использование концептуального анализа как метода, позволяющего реконструировать его при рецепции и переводе термина. Он предполагает анализ «общих концептов, подведённых под один знак» (Кубрякова, 2004, с. 88).

При изучении рецепции и при переводе важным является сравнительный анализ значений исходных и переводных терминов для выявления эквивалентности перевода и полноты передачи понятийного содержания. Важным в этом плане представляется понимание значения знака, как «факта сознания» (Данези, 2010) и его свойств «индуцировать тождественные или сходные значения», а также «аналогичные информационные процессы» (Никитин, 1988, с. 16). Исходным является структурно-семантический анализ многокомпонентного субстанционального словосочетания (Манерко, 1998, с. 330) и анализ словообразовательных моделей авторских знаков-терминов системы *multiple intelligences*. Системный подход определяет логико-понятийные, когнитивно-языковые и лингво-семиотические параметры авторской терминосистемы. Именно выявленные лингво-семиотические характеристики авторского термина-знака в исходном тексте и тексте перевода позволяют осуществить его корректную интерпретацию и на этой основе оценку качества перевода.

Результаты

Терминосистема Говарда Гарднера представляет собой сконструированную автором лингво-семиотическую микросистему, состоящую из связанных эквонимической связью терминов, основанную на единой словообразовательной атрибутивной модели многокомпонентного термина, центральным термином-элементом которой является *intelligence*. Микросистема включает: *logical-mathematical intelligence* – *логико-математический интеллект*, *visual-spatial intelligence* – *визуально-пространственный интеллект*, *bodily-kinesthetic intelligence* – *телесно-кинестетический интеллект*, *linguistic intelligence* – *лингвистический интеллект*, *musical intelligence* – *музыкальный интеллект*, *naturalistic intelligence* – *натуралистический интеллект*, *intrapersonal intelligence* – *внутриличностный* и *interpersonal intelligence* – *межличностный интеллект*. (Gardner, 2024, p. xii)

В самом названии концепции номинация *intelligences* - *интеллекты* заставляет задуматься о таком видении структуры человеческого интеллекта, как множественного интегрального образования. В этой интерпретации концепт интеллект определен не количественными шкалами, на основе тестов, определяющих коэффициент интеллектуального развития (IQ). В эпистемной конструкции *multiple intelligences* актуализировано понятие человеческого *интеллекта*, как ментальных, когнитивных способностей, многомерная структура которых

коррелирует различным образом с деятельностью человека, ее объектами, ментальными и поведенческими аспектами личности при взаимодействии с окружающим миром.

Словообразовательная модель, используемая в исследуемой терминосистеме *multiple intelligences* едина – это атрибутивная модель двухкомпонентных и трех-компонентных терминологических единиц (Авербух, 2006) с единой центральной номинацией *intelligence*. Атрибуты выявляют разные типы свойств и отношений, начиная с таких способностей, как сенсорные, кинетические, языковые, музыкальные, и завершая типам социальных отношений, такими как межличностные и внутриличностные. Таким образом, атрибутивная модель знака позволяет выделить в понятийной структуре термина различные концептуальные признаки, а именно: параметры рефлексии ментальных способностей и их корреляции с видами и объектами человеческой деятельности, а также формы закрепления концептуальных признаков множественного интеллекта. Так, атрибуты *mathematical*, *bodily-kinesthetic* и другие, актуализируют дифференциальные признаки, раскрывающие специфику каждого типа интеллекта. Это и модели, реализующие направленность деятельности человека на внешний объект *musical intelligence* и на внутренние присущие субъекту психические процессы *emotional intelligence* и другие типы сложных семантико-синтаксических неоднозначных связей.

Центральным является терминологический элемент *intelligences*, который представляет *интеллект*, как дискретное множество, и в микросистеме осуществляется его структурирование в соответствии с дифференциальными признаками. Англоязычный термин *intelligence* и соответствующая терминологическая единица *интеллект* в русском языке – слова, имеющие единую греко-латинскую морфосемантическую базу, восходящую к номинации сходного в понимании концепта *знания, познания, понимания*, безусловно абстрактного понятия, не предполагающего дискретизации.

Термин *intelligences* претендует на иную интерпретацию *интеллекта*, как *системы мыслительных способностей*, и ненормативное использование множественного числа соответствует заданной цели авторского семиозиса. Форма знака изоморфно выступает как рефлексия дискретного множества в концептуализации *интеллекта*. Концептуализация знака – один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, осмысления информации, «приводящей к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу, психике человека» (Кубрякова, 1996, с. 93).

Выбор многокомпонентного термина автором для закрепления понятия обусловлен достаточной прозрачностью семантики терминологических элементов, значимостью формальных атрибутивных и глубинных семантико-синтаксических связей субстантивного словосочетания, распространенностью атрибутивной словообразовательной модели и привычностью процедур декодирования многокомпонентного термина.

Моделируемый автором концепт соответственно предоставляет «те образы содержания знаков, единицы сознания, которые составляют часть общей концептуальной модели мира» (Кубрякова, 1991, с. 87), фрагмент научной картины мира. Основным в репрезентации концепта выступают способ концептуализации мира в семантике лексемы и соответствующая ей концептуальная модель – чаще всего основанная на классификационных связях (Никитин, 2004, с. 89), среди которых традиционно выделяют видо-родовые и партонимические. Очевидно и то, что фиксация терминологическими единицами концептуальной информации определена не столько языковой формой, сколько «структурами мира и структурами

деятельности людей в мире, отложившимися в их голове как концептуальные структуры сознания» (Никитин, 2004, с. 53).

Термины микросистемы образуют плотные кластеры, в котором выделяются контрастивные пары, такие как *intrapersonal - interpersonal intelligence*, представляющий семантически оппозитивные и видовые по отношению к существующему в психологии личности термину *social intelligence* – *социальный интеллект*. Согласно авторским дефинициям, *interpersonal intelligence* - *межличностный интеллект* определяет способность к эмпатии, социальную осведомленность, адаптивность и способность к социальной адаптации, умение эффективно работать в команде, лидерские качества, способность эффективно разрешать конфликты. Иначе определены характеристики *intrapersonal intelligence* – *внутриличностного интеллекта*, как высокого уровня само-осведомлённости, чувства интуиции, определения четко сформулированных личных целей и самооценки, разработки действий на основе собственной пирамиды ценностей, обучения на основе прошлого опыта. (Gardner, 2024, p. 253).

Авторская терминосистема Говарда Гарднера своеобразно, по-новому описывает и структурирует мыслительные способности человека и конструирует особую научную картину на основе авторского научного метаязыка. В ней очевидна попытка перехода количественной оценки интеллекта к многомерной, качественной не-скалярной модели. Концепт *multiple intelligences* предполагает переосмысление самого феномена *интеллекта* как множественного и дифференцированного. (Гарднер, 2007, с. 11).

Обсуждение результатов

Выявленные результаты анализа уже в первом приближении указывают на необходимость лингво-семиотического анализа авторского термина-знака в рамках авторской терминосистемы как особой новой системы знаков и авторского метаязыка науки.

Концептуальная сфера *множественного интеллекта* представлена сложным образом переплетающимися элементами мыслительных, эмоциональных и волевых структур, при этом на первый план выходят структурные характеристики *интеллектов* за счет выдвижения дифференциальных признаков в атрибутивном термино-элементе.

Перевод данных терминов на русский язык осуществляется преимущественно калькированием, что позволяет передать первичные значения термино-элементов, но не позволяет полностью актуализировать понятие. Транскрибирование совсем не решают проблему семантической прозрачности термино-элемента и термина в целом.

Применяемый переводчиком анализ авторских дефиниций, дескрипций и последующий концептуальный анализ позволяет интерпретировать базовые понятия, лежащие в основе каждого термина: деятельность, рефлексия, взаимодействие, восприятие, эмпатия. И поскольку каждый тип *интеллекта* соотносится с определённым видом человеческой деятельности, формой познания мира, отношениями в социуме, эмоционально-чувственными, кинетическими реакциями, их знаковая природа сложна.

Перевод анализируемых многокомпонентных терминов с английского на русский язык и создание знака в языке перевода выстраивается традиционно на основе семантико-синтаксического анализа с учетом структурно-семантических и функциональных характеристик знака-термина (Лейчик, 2006). Это позволяет моделировать концептуальное

поле термина, так как простое соположение атрибутов поликомпонентного словосочетания не создает ограничений для построения аналогичного определительного терминологического словосочетания в русском языке. Традиционная конверсия атрибутов в прилагательные осуществляется на основе соответствий или калькирования при переводе.

Лингво-семиотические особенности авторского знака-термина выступают детерминантой перевода термина, выбора оптимальной стратегии и техники перевода, как основы корректной концептуализации и освоения термина в иноязычной культуре. Перевод данных терминов при помощи заимствующих приемов перевода, таких как транскрибирование, транслитерация, полное иностранное заимствование не проясняет понятийного содержания знака, не обеспечивает понимания системных связей термина в рамках формирующейся терминологической системы. Калькирование также не полностью раскрывает значение термина и соответствующее понятие. Для того чтобы избежать ошибок и добиться эквивалентности перевода необходим в дополнение к лингвистическому анализу системный анализ особенностей концептуализации термина в новой предметной сфере.

Заключение

Концептуальный анализ авторского терминологического знака предполагает поиск общих и дифференциальных признаков, определение классификационных связей в терминологической микросистеме. Процедуры концептуального анализа в полной мере отвечают сущности авторского термина, как особого семиотического продукта, как результата создания знака, функции которого - когнитивные, познавательные, основное семиотическое предназначение – номинация нового концепта в соответствии с задачами автора. При формировании модели концептуального анализа знака важно определить подходы и схемы анализа новых концептов, разработать типологические характеристики концептов, структурно-семантические методы анализа знака и методы описания концептосфер. При этом единицы терминосистемы охватывают маркированное поле специальной области знания (Новодранова, 1997, с. 175).

Таким образом, авторский знак-термин представляет собой особый тип знака, который отражает особенности познания и концептуализации объекта. Исследование авторских знаков и знаковых систем нацелено на анализ способов актуализации нового понятия, а также его закрепления в знаковой системе, исследование технологий формирования и интерпретации знаков, а также на понимание знаковых отношений в терминосистеме.

Авторскую терминосистему следует рассматривать как лингво-семиотическую, то есть сознательно конструируемую, формируемую на основе концептуализации и категоризации при соблюдении логико-понятийных, когнитивно-языковых, дискурсивных и терминологических требований (Манерко, 1998, с. 330). К особенностям авторских терминосистем следует отнести такие параметры как эвристику, закреплённость оригинальной научной концепцией, авторский семиозис.

Список источников / References

1. Анисимова, А.Г., Косарина, А.А., Федотова, А.Е. (2021). Функционирование авторских терминов социальных наук в профессиональном дискурсе. *История, педагогика, филология*, 27 (1), 136–141.

Манукян К.Г. (2025)
Лингво-семиотические характеристики авторского термина (на материале терминологических единиц сферы межличностного интеллекта)
Язык и текст, 12(3), 17—26.

Manukyan K.G. (2025)
Linguo-semiotic characteristics of the author's sign (based on terminological units in the sphere of "interpersonal intelligence")
Language and Text, 12(3), 17—26.

- Anisimova A.G., Kosarina, A.A., Fedotova, A.E. (2021). Functioning of Authors' Terms of Social Sciences in Professional Discourse. *History, Pedagogy, Philology*, 27 (1), 136–141. (In Russ.).
2. Авербух, К.Я. (2006). *Общая теория термина*. М.: Изд-во МГОУ.
Averbukh, K.Ya. (2006). *General Theory of the Term*. Moscow: MGOU Publishing House. (In Russ.).
3. Гарднер, Г. (2007). *Структура разума: теория множественного интеллекта*. Пер. с англ. М.: И. Д. Вильямс.
Gardner, H. (2007). *Frames of Mind: The Theory of Multiple Intelligences*. Translated from English: Moscow: P.H. Williams. (In Russ.).
4. Данези, М. (2010). *В поиске значения. Введение в семиотическую теорию и практику*. Новосибирск. Новосибирский государственный университет.
Danezi, M. (2010). *In Search of Meaning. Introduction into Semiotic Theory and Practice*. Novosibisk: Novosibirsky State University. (In Russ.).
5. Кубрякова, Е.С. (2004). *Язык и знание*. М.: Языки славянской культуры.
Kubryakova, E.S. (2004). *Language and Knowledge*. Moscow: Languages of Slavic Culture. (In Russ.).
6. Кубрякова, Е.С. (1991). Об одном фрагменте концептуального анализа слова память. *Логический анализ языка. Культурные концепты*, 85–91.
Kubryakova, E.S. (1991). On a Fragment of the Conceptual Analysis of the Word "Pamyat" (Memory). *Logical Analysis of Language. Cultural Concepts*, 85–91. (In Russ.).
7. Кубрякова, Е.С., Демьянков, В.З., Панкрац, Ю.Г., Лузина, Л.Г. (1996). *Краткий словарь когнитивных терминов*. М.: Филол. фак. МГУ.
Kubryakova, E.S., Demyankov, V.Z., Pankrats, Yu.G., Luzina, L.G. (1996). *A Brief Dictionary of Cognitive Terms*. Moscow: Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University. (In Russ.).
8. Кухно, И.Ю. (2019). *Авторский термин и авторская терминология Льва Николаевича Гумилева*. Самара: СФ МГПУ.
Kuhno, I.Yu. (2019) *Author's Term and Author's Terminology of Lev Nikolaevich Gumilev*. Samara: SF MPGU. (In Russ.).
9. Лейчик, В.М. (2006). *Терминоведение: Предмет, методы, структура*. М.: КомКнига.
Leichik, V.M. (2006). *Terminology Science: Subject, Methods, Structure*. Moscow: KomKniga. (In Russ.).
10. Лотте, Д.С. (1961). *Основы построения научно-технической терминологии*. М.: Наука.
Lotte, D.S. (1961). *Fundamentals of Building Up Scientific-Technical Terminology*. Moscow: Science. (In Russ.).

Манукян К.Г. (2025)
Лингво-семиотические характеристики авторского термина (на материале терминологических единиц сферы межличностного интеллекта)
Язык и текст, 12(3), 17—26.

Manukyan K.G. (2025)
Linguo-semiotic characteristics of the author's sign (based on terminological units in the sphere of "interpersonal intelligence")
Language and Text, 12(3), 17—26.

11. Лотман, Ю.М. (2010). *Семиосфера*. СПб.: Искусство-СПБ.
Lotman, Yu.M. (2010). *Semiosphere*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB. (In Russ.).
12. Манерко, Л.А. (1998). Семантика сложноструктурных субстантивных словосочетаний. *Семантика языковых единиц*, 1, 330–332.
Manerko, L.A. (1998). Semantics of Complex Structural Substantive Phrases. *Semantics of Linguistic Units*, 1, 330–332. (In Russ.).
13. Манукян, К.Г. (2025). Методы исследования способов вербализации концепта «межличностный интеллект» при переводе научно-популярного текста с английского языка на русский. *Язык и действительность*, 10, 37–41.
Manukyan, K.G. (2025). Methods of studying the ways of verbalizing the concept of "interpersonal intelligence" in the translation of popular science texts from English into Russian. *Language and Reality*, 10, 37–41. (In Russ.).
14. Никитин, М.В. (1988). *Основы лингвистической теории значения*. М: Высшая школа.
Nikitin, M.V. (1988). *Fundamentals of Linguistic Theory of Meaning*. Moscow: Vysshaya Shkola.
15. Никитин, М.В. (2004). Развернутые тезисы о концептах. *Вопросы когнитивной лингвистики*, 1 (001), 53–64.
Nikitin, M.V. (2004). Extended Theses on Concepts. *Issues of Cognitive Linguistics*, 1(001), 53–64. (In Russ.).
16. Никитина, С.Е. (2014). *Семантический анализ языка науки: на материале лингвистики*. М.: Либроком.
Nikitina, S.E. (2014). *Semantic Analysis of the Language of Science: Based on Linguistics*. Moscow: Librokom. (In Russ.).
17. Новодранова, В.Ф. (2003). Проблемы терминообразования в когнитивно-коммуникативном аспекте. *Лексикология. Терминоведение. Стилистика*, 150–155.
Novodranova, V.F. (2003). Problems of Terminological Formation in Cognitive-Communicative Approach. *Lexicology. Terminology. Stylistics*, 150–155. (In Russ.).
18. Попова, З.Д., Стернин, И.А. (2007). *Когнитивная лингвистика*. Москва: АСТ: Восток-Запад.
Popova, Z.D., Sternin, I.A. (2007). *Cognitive linguistics*. Moscow: AST: Vostok-Zapad. (In Russ.).
19. Сложеникина, Ю.В., Растягаев, А.В., Кухно, И.Ю. (2018). Авторский термин: к определению понятия. *Онтология проектирования*, 8 (1/27), 49–57.
Slozenikina, Yu.V., Ratiagaev, A.V., Kuhno, I.Yu. (2018) Author's Term: Definition of Concept. *Ontology of Designing Projects*, 8 (1/27), 49–57. (In Russ.).

Манукян К.Г. (2025)
Лингво-семиотические характеристики авторского
термина (на материале терминологических единиц сферы
межличностного интеллекта)
Язык и текст, 12(3), 17—26.

Manukyan K.G. (2025)
Linguo-semiotic characteristics of the author's sign
(based on terminological units in the sphere of
“interpersonal intelligence”)
Language and Text, 12(3), 17—26.

20. Табанакова, В.Д. (2013). *Авторский термин: знаю, интерпретирую*. Тюмень: Издательство ТюмГУ.
Tabanakova, V.D. (2013). *Authorial Term: I Know, I Interpret*. Tyumen: Tyumen State University Publishing House. (In Russ.).
21. Шуверова, Т.Д. (2024). *Семиотические преобразования при переводе: референциальные аспекты*. *Язык и перевод*. Москва: ООО «Издательство "Спутник+"».
Shuverova, T.D. (2024). *Semiotic Transformations in Translation: Referential Aspects*. *Language and Translation*. Moscow: ООО “Izdatelstvo Sputnik+”. (In Russ.).
22. Gardner, H. (2024). *Frames of Mind: The Theory of Multiple Intelligences*. New York: Basic Books.

Информация об авторе

Манукян Карине Генриковна, лингвист, переводчик, аспирант кафедры теории и практики перевода и коммуникации, институт иностранных языков, Московский педагогический государственный университет (ФГБОУ ВО МПГУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-3593-4361>, e-mail: digitronic8@gmail.com

Information about the author

Karine G. Manukyan, Linguist, Translator and Interpreter, PhD student, Department of Theory and Practice of Translation and Communication, Institute of Foreign Languages, Moscow State Pedagogical University (MPGU), Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-3593-4361>, e-mail: digitronic8@gmail.com

Поступила в редакцию 01.08.2025
Поступила после рецензирования 28.08.2025
Принята к публикации 10.09.2025
Опубликована 25.09.2025

Received 2025.08.01
Revised 2025.08.28
Accepted 2025.09.10
Published 2025.09.25

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ | GENERAL AND COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

Научная статья | Original paper

Житие Александра Свирского в собрании Е.Е. Егорова

А.Е. Соболева✉

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Российская Федерация
✉ aleksandra_soboleva@list.ru

Резюме

В статье подробно рассматриваются те сборники слов и житий собрания рукописей Е.Е. Егорова, в которых обнаружено Житие Александра Свирского. Устанавливаются ближайшие родственные рукописи по текстовым, языковым и палеографическим особенностям. К примеру, последние листы рукописи РГБ ф. 98 № 44 написаны тем же писцом, что и рукопись РГБ ф. 209 № 331 и РНБ собрание Волкова № 49. На это указывает близость инициалов, почерка и переплетов. С высокой вероятностью один мастер работал над этими тремя списками, находящимися сейчас в разных древлехранилищах. Особенностью текстов жития РГБ ф. 98 № 1805 является нехарактерная композиция, благодаря которой также удастся установить наиболее близкие к ней тексты. В точности такая же ситуация наблюдается в списке РГБ ф. 277 № 279 и в Житии из Мезенского собрания, Пушкинского Дома, № 2. Новый вариант Жития на основе Минейной редакции записан в Егор. 1795, также с высокой вероятностью выговской по происхождению.

Ключевые слова: Житие Александра Свирского, агиография, выговские рукописи, проложная редакция

Для цитирования: Соболева, А.Е. (2025). Житие Александра Свирского в собрании Е.Е. Егорова. *Язык и текст*, 12(3), 27—36. <https://doi.org/10.17759/langt.2025120303>

The Life of St. Alexander Svirsky in the collection of E.E. Egorov

A.E. Soboleva✉

V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

✉ aleksandra_soboleva@list.ru

Abstract

The article examines in detail those collections of words and hagiographies of E.E. Egorov's manuscript collection, that contain the Vita of St. Alexander Svirsky. The closest related manuscripts in terms of textual, linguistic and palaeographic peculiarities are established. For example, the last leaves of the manuscript of RSL f. 98 No. 44 are written by the same scribe as the manuscript of RDL f. 209, No. 331 and RPL Volkov Collection No. 49. This is indicated by the proximity of initials, handwriting, and bindings. It is highly probable that one master worked on these three copies, which are now in different repositories. The peculiarity of the texts of the hagiography RSL f. 98 No. 1805 is the uncharacteristic composition, thanks to which it is also possible to identify the texts closest to it. Exactly the same situation is observed in the RGB f. 277 No. 279 and in the Mezensk collection, No. 2. A new version of the Life is presented in Egor. 1795, also with a high probability of Vyg.

Keywords: Life of St. Alexander Svirsky, hagiography, Vygotsky manuscripts, abridged edition

For citation: Soboleva, A.E. (2025). The Life of St. Alexander Svirsky in the collection of E.E. Egorov. *Language and Text*, 12(3), 27—36. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2025120303>

Материалом статьи послужили все сборники слов и житий, служебные минеи и торжественники, обнаруженные в собрании РГБ ф. 98. Использовались данные новых Каталогов славяно-русских рукописных книг из собрания Е.Е. Егорова (1–4 выпуски) (Анисимова, 2017), и прямой просмотр рукописей собрания, не вошедших в 4 выпуска Каталога.

Житие Александра Свирского (далее также Житие), на данный момент известное в более чем 315 списках, хранится в десятке древлехранилищ и музеях как российских, так и зарубежных. Данные многолетнего исследования позволяют для многих рукописей установить круг наиболее близких по оформлению и текстовым особенностям в совокупности. Целью данной статьи стало представление списков Жития в собрании РГБ ф. 98 (собрание рукописей Е.Е. Егорова, далее также Егор.) в их связи с установленными для них родственными списками. Все датировки для рукописей № 1–399 даются по существующим Каталогам рукописей собрания (вып. 1–4), датировки 400–499 были любезно предоставлены в.н.с. РГБ Т.В. Анисимовой, остальные датировки автора статьи.

Просмотр сборников позволил сделать следующие заключения. Тексты собрания, прославляющие святого, представляют собой полный репертуар гимнографических и агиографических текстов, их можно сгруппировать так.

Памяти: № 8, служебная минея, л. 516–523, 50-е гг. XVI в.; № 51, евангелие, л. 347, сер. XVI в.; № 342, святцы с миниатюрами, л. 186, сер. XIX.

Службы: № 157, Сборник житий, слов и служб Антонию Римлянину, Александру Свирскому и Зосиме и Савватию Соловецким, л. 56–80, посл. четв. XVI в.; № 247, Трефолой, л. 267 об.–279, втор. четв. XVII в.; № 321, л. 447–463 об., 60–70-е гг. XVI в.; № 365, Трефолой, л. 50 об.–69, перв. четв. XVII в.; № 407, сборник служб, л. 208–227, нач. XVII в.; № 454, сборник канонов, л. 257–262, сер. XVII в., № 1213, часослов, л. 461–467, кон. XVI в.;

№ 1316, сборник служб, XVII в. № 1531, Трефолой, кон. XVI в.; № 1805, сборник Житий и служб Зосимы и Савватия Соловецких и Александра Свирского, л. 185–213 об., 30–40 XVII в.

Похвальное слово: № 73, сборник избранных статей из годового Пролога и Торжественника, л. 413–420 об., 60–80 гг. XVII в.; № 1805, сборник Житий и служб Зосимы и Савватия Соловецких и Александра Свирского, л. 326–353, нач. XVII в.

Житие: № 44, сборник житий и слов, л. 868–953, 50–70-е гг. XVII в.; № 157, Сборник житий, слов и служб Антонию Римлянину, Александру Свирскому и Зосиме и Савватию Соловецким, л. 81–177, посл. четв. XVI в. № 365, Трефолой, 69–151 об., перв. четв. XVII в.; № 643, л. Сборник житий, л. 181 об.–187, проложное Житие, л. 187–280 и Минейная редакция, трет. четв. XVI в.; № 882, сборник житий, л. 633–666, отрывок Жития, трет. четв. XVI в.; № 1501, сборник житий, л. 1–113, Житие без начала и конца, конец XVI в.; № 1795, Житие и сказание об обретении мощей, нач. XIX в.; № 1805, Сборник, л. 214 об.–326, нач. XVII в.

Далее объектом внимания будут только агиографические тексты. Здесь хотелось бы сразу упомянуть рукопись № 1274, как когда-то весьма вероятно содержащую тексты Жития. Это сборник митрополита Корнилия, 1674–1695 гг.¹ В оглавлении рукописи значится служба и житие прп. Александру, но по факту их нет. Поскольку эти тексты, как правило, располагались в конце рукописей (память 30 августа), следует думать, что утратились они к моменту повторного переплета рукописи вместе с текстами на 31 августа, которые тоже имеются в оглавлении, но отсутствуют в рукописи. Переплет поздний, второй четверти XIX в. А.С. Алексеева упоминает, что составитель сборника вносил существенную правку в текст жития святителя Моисея Новгородского (Алексеева, 2018). Остается только сожалеть, что тексты жития Александра Свирского из этого сборника утрачены.

Все списки, кроме Егор. 1795, содержат Минейную редакцию Жития Александра Свирского, с незначительными отклонениями от основного варианта, с разным набором чудес (Соболева, 2016а). Однако в Егор. 643 эта редакция сопровождается редким текстом 1 Проложной редакции (Соболева, 2016б). Поэтому остановимся на том, чтобы вписать эту рукопись в круг близких ей. Всего списков 1 Проложной редакции Жития (далее также 1ПР) мне известно 17, все они сер. XVI–XVII вв. Несмотря на свой малый объем и относительно узкую распространенность по спискам, с самого начала распространения в тексте возникло важное разночтение, связанное с именем наставника прп. Александра во иночестве в Валаамском монастыре: «Имѣаше себѣ наставника по Бозѣ мниха нѣкоего свѣщенноинока Лаврентіа именем, духовнаго старца, в том же манастири пострижение имуща, и от сего навѣкъ, ꙗко от искусна вожда, всему иноческому житію»² (РНБ Q.I.317, л. 363 об., 1549 г.). Никакого сообщения о духовном наставнике преподобного в тексте Минейной редакции не встретится. Списки 1ПР делятся на три группы. Имя «Лаврентий» читается в рукописях РНБ Q.I.317, РГБ Овч. 281; имя «Сергий» – в РГБ Рум. 397, Шиб. 168, ЯМЗ 14966, Львов 1263, Львов 2716, РНБ Соф. 419, Михайлов. 223, РГАДА ф. 187, № 144; а в списках РГБ Троиц. 629, ГИМ Барс. 1263, Син. 808, РНБ Погод. 861, Погод. 851 имя наставника опущено. В рукописи РНБ F.I 495 редакция представлена лишь начальными и конечными листами,

¹ См. об этой рукописи, например, (Алексеева, 2018).

² Здесь и далее в статье текст цитируется в орфографии указанного списка, но выносные внесены в строку без дополнительного обозначения.

поэтому данных для нее нет. Литературным источником упоминания о наставнике стало Житие Никона Радонежского: «и пакы приходитъ къ блѣжену Сергію, и ѿ сего навѣкъ, ꙗко ѿ искусна вожда, всему иночьскому житію» (РГБ, ф. 304/І, № 116, л. 415). Думаю, чтение Сергей попало в пролог из него, имя Лаврентий в таком случае может оказаться действительно именем наставника преподобного. В списке Егор. 643 имя наставника — Лаврентий. Значит, самые близкие к нему тексты содержатся в рукописях РНБ Q.I.317, 1549 г. и РГБ Овч. 281, трет. четв. XVII в. Список Овчин. 281 текста Минейной редакции не содержит, а вот Q.I.317, древнейший датированный по выходной записи писца список Жития, также содержит Минейную редакцию Жития с ранним набором чудес, как и Егор. 623 (5 прижизненных и 11 посмертных). В орфографии рукописи Егор. 623 очень много следов так называемого второго южнославянского влияния, в особенности использования ж. В списке Q.I.317 такое написание единично (в хижж свою, л. 398об). Отмечу еще важную опisku в Егор. 643. Имя матери прп. Александра искажено и в 1ПР и в Минейной редакции (все три раза) — Васиса. Тогда как по рукописям имя варьируется: Васса или Василиса. Чтение Васиса, очевидно, является искажением одного из этих имен, однако его же мы находим в 1ПР РНБ Погод. 851, сер. XVI в. Все три этих списка ранние, велика вероятность, что восходят они к одному протографу. Учитывая графические особенности рукописи Q.I.317, я предположу, что писцы и Егор. 643, и Погод. 851 (хотя в нем и пропущено имя наставника) могли иметь перед собой именно этот список Q.I.317. Имя Васса в нем записано с острым ударением и паерком над первой буквой с, что вместе очень напоминает выносную букву «и» (см. иллюстрацию).

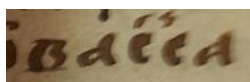

Рис. 1. Q.I.317, л. 362.

Fig. 1. Q.I.317, l. 362.

Вполне возможно прочесть это написание как Васиса при беглом прочтении, учитывая, что имя Васса не самое распространенное. В Минейной редакции Q.I.317 имя представлено дважды как Василиса и единожды как Васса.

Сборник житий и слов Егор. 44 написана несколькими писцами в разное время (40–80-е гг. XVII в.), содержит в основном переводные тексты из четиих миней и торжественника. Рукопись испещрена глоссами, а конечные ее тексты восстанавливались выговскими книжниками. Окончание Жития (с 4 прижизненного чуда о явлении Богородицы на основании церкви, посмертные чудеса, тексты об обретении мощей и похвальное слово) было утрачено. Начиная с л. 916 житие Александра написано на бумаге конца XVIII в. характерным красивейшим почерком, выдающим профессиональную руку. Текст продолжает фразу, оборванную на л. 915 об., что говорит о намеренном восстановлении текста сборника по имеющейся у писца или владельца рукописи. Мы можем установить узкий круг рукописей Жития, которые содержат тот же вариант текста, что и на листах 916–953, и которые могли послужить образцом для восстановления. Житие в Егор. 44 имеет 7 прижизненных и 14 посмертных чудес, а послесловие составителя Жития, игумена Иродиона, по ошибке названо «чюдо прѣдбнаго, такожде и о списавшем житие сѣго до zde сказует повесть о святем». Мне известны следующие списки с полным набором этих редких

особенностей, из них первые три выговские³: РГБ ф. 209 № 331, нач. XIX в. (далее Овчин.331), РНБ ОСРК О.І, 144, XVIII в., НСРК, Q.209, кон. XVIII в., РГБ ф. 924, № 18, вт. пол XIX в., РНБ Волк., 49, кон. XVIII—нач. XIX в.

Сравнение оформления всех этих списков с оформлением Егор. 44. выявило близость с рукописями Овчин. 331 и Волк. 49. Во-первых, каждая глава открывается мастерски выполненными инициалами с тонким стилизованным растительным орнаментом. Инициалы по всем восстановленным текстам Егор. 44 выполнены практически в точности так же, как и в Овчин. 331, и Волк. 49.

РНБ, Волков 49

РГБ Овчин. 331

РГБ Егор. 44

Во-вторых, каллиграфические почерки этих трех списков обнаруживают высокое сходство: одинаково написаны буквы ж, ъ, ѓ, ѿ с усеченной верхней частью.

В-третьих, переплеты рукописей Волк. 49 и Егор. 44 имеют одинаковые клейма (кроме средника).

РГБ Егор. 44

РНБ Волк. 49

Все эти признаки в совокупности красноречиво говорят о том, что выполнены они в одной мастерской. С высокой вероятностью один мастер работал над этими тремя списками, находящимися сейчас в разных древлехранилищах.

Что касается части Жития до л. 916, то есть того текста, что написан на бумаге в 50–70-е гг. XVII в., то здесь также можно сузить круг близких рукописей, опираясь на текстовые особенности Минейной редакции. В Егор. 44 имеется яркий признак — дополнительный подзаголовок пространной главы «Се же о взыскании блаженного отрока». Глава повествует

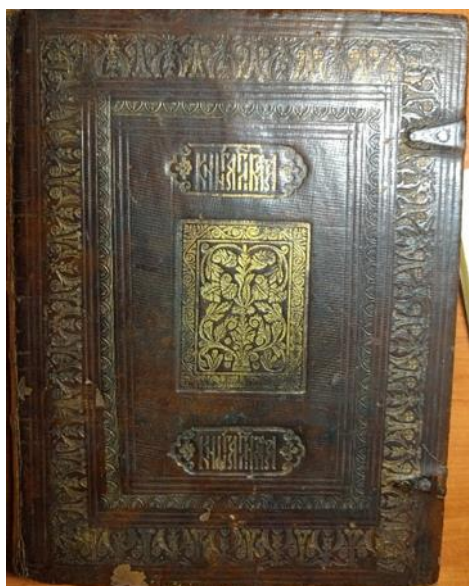
³ Здесь я хотела бы поблагодарить заведующего сектором изучения особо ценных фондов ЦИПР РГБ Ю.С. Белянкина за подробнейшую консультацию.

не только о розыске родителями тайно ушедшего в монастырь преподобного Александра (как заявлено в заглавии), но и о конфликте между его отцом и игуменом монастыря, о преставлении родителей, о его подвизании в монастыре, о Божественных указаниях, сопровождавших его уход в пустынь. Писец Егор. 44 отделяет фрагмент об уходе из Валаамского монастыря в пустынь заголовком «О исходе с валаамского монастыря». Точно такое же решение отмечено в списках Жития: РГБ ф. 228 № 107, РНБ, собрания Титова, № 302, № 4343; Колобова, № 186; Эрмитажное, № 6; Александро-Свирского монастыря, № 83; ОСРК Q.I.919; ОСРК Q.I.1334; ОСРК Q.XVII.35; ОЛДП Q.208; ОЛДП F.194; БАН, собрание Археографической комиссии, № 103; собрание Успенского монастыря № 20, № 82; собрание Национального архива Карелии, № 47; собрание Новгородского музея, КР № 99, собрание ИРЛИ, Оп. 24. № 76; в частном собрании М. С. Бывшева (ранее рукопись находилась в частной коллекции Д. В. Пересторонина). Краткий вариант этого названия — «Об исходе с Валаама» — в списке РНБ ОСРК Q.XVII.212 и слегка «окниженный» вариант заголовка — «О исхождении святого с Валаамского мнѣстры» находится в списке из Новгородского музея, КР 81, а в списке ГИМ, собрание Уварова № 381, тот же фрагмент текста называется иначе — «О видении знамения преподобнаго Александра» (Соболева, 2024).

Особенностью текстов жития Егор. 1805 является не характерная для Жития композиция, благодаря которой также удастся установить наиболее близкие к ней тексты. Как правило, блок посмертных чудес не разбивается дополнительными сопровождающими текстами. Однако здесь после 13 посмертных чудес записано Похвальное слово, и сразу после него еще два посмертных чуда, 14 и 15 раннего варианта. В точности такая же ситуация наблюдается в рукописях РГБ ф. 277 № 279, 30–40 XVII в. и в Мезенском собрании, № 2, нач. XVIII в., древлехранилища Института русской литературы (далее ИРЛИ).

В списках Егор. 882 и Егор. 1501 сохранились неполные тексты. Егор. 882 содержит корпус новгородских текстов (Житие Иоанна архиепископа Новгородскаго, Преставление Иосифа Волоколамскаго, Житие и подвизи вкратце старца Касиана Иосифова монастыря, Житие Савватия Соловецкаго, Житие Варлаама Новгородскаго, свт. Никиты Новгородскаго), в который включено Житие Александра. Текст его обрывается на середине главы «О произведении воды», окончание рукописи утрачено. В Егор. 1501, напротив, утрачено только начало Жития, предисловие автора, сам текст Минейной редакции сохранился, содержит 13 посмертных чудес. Каких-либо выделяющих его из списков редакции признаков не имеет.

На тексте из Егор. 1795 хотелось бы остановиться подробнее. Рукопись содержит комплект текстов, посвященных одному святому. Житие сопровождается полным комплектом чудес (7 прижизненных и 15 посмертных), текстом об Обретении мощей (на данный момент списков с этим текстом всего 67 при 315 списках Жития). Переплет рукописи однозначно указывает на старообрядческую традицию, близкой эпохи рукописи (см. иллюстрацию). Такой же переплет, например, обнаруживается в рукописи Канонника перв.четв. XVII в., здесь он выполнен в начале XIX в. или на рубеже веков (хранится в частном собрании М.С. Бывшева, Москва). Почерк носит характерные каллиграфические черты выговских мастеров.

РГБ Егор. 1795

частное собрание М. С. Бывшева

В основе текста Егор. 1795, безусловно, лежит Минейная редакция Жития. Однако она существенно переделана. Появляются авторские заголовки, пока не находящие аналогов в других рукописях. В первой главе, повествующей о рождении отрока, о родителях, об обучении, тайном уходе из дома на Валаам, вводится важный для писца заголовок «О пришествии прѣдбнаго Александра к родителема и о прошении бл҃гословения и отпущении его». Обширная глава «О взыскании блаженнаго отрока» делится на две части, в ней заголовком выделен рассказ «О увещании бл҃женнаго отрока, дабы видети родителеи». В главе «О приходе к преподобному Александру Андрея Завалишина» как самостоятельная часть оформляется рассказ прп. Александра о его аскетичной жизни в течение семи лет в пустыне — «О исцелении прѣбнаго Александра от болезни»

В отличие от упомянутых выше рукописей с дополнительными подзаголовками, появление которых никак не влияло на текст Жития. В Егор. 1795 внедрение заголовка сопровождается редактированием текста. Рассмотрим приемы правки в сравнении с традиционным текстом Жития Минейной редакции. (В качестве контрольного списка выбран ранний представитель редакции, РНБ Q.I. 317, сначала приводится текст Жития по нему, далее через «—» текст из Егор. 1795 и комментарий)

«И то<ж> ѿѣ его Стефанъ слышавъ, ꙗко снѣ его в манастирь ѿше<д> и пострижесѧ, и ни мало помедливъ, ни длѣготы пути не оубоѣсѧ и в пре<д>ре<ч>нныи манастирь ѿходить на взысканіе снѧ своего. И прише<д>шу же ему в манасти<р> тои, ищущи снѧ своего, и повѣдаша ему етери, ꙗко в манастири семъ снѣ твои пострижень е<с>. Сѡн же вше<д> в манастирь и прїиде къ игоумену и припаде к ногама его и ре<ч>: бл<с>ви ма, ч<с>тныи ѡ<ч>, се бо ꙗко видиши ма поуть многъ трожшасѧ, прїидохъ убо помолитисѧ ст҃му Сп҃су и оу тебе бл<с>витисѧ» (л. 388 об.) — «Тойже Стефанъ слышавъ сѣ, ꙗко снѣ его в мнѣстѣрѣ ѿиде и пострижесѧ тамо. [Заголовок] Посемъ прїиде оцѣ его в мнѣстѣрѣ ко игумену и повѣда все, ꙗже ѡ немъ» (л. 24). Устраняются пространные фрагменты, повествующие о приходе Стефана, отца Александра, на Валаам (см. подчеркнутый фрагмент). Сделана синтаксическая правка:

оборот «дательный самостоятельный» заменен на простое предложение: «И прише<д>шу же ему в манасти<р> тои». — «Посемъ прїиде оцѣ его в мнѣтырь ко игумену». Опускается как избыточный подробный рассказ о беседе Стефана с игуменом монастыря: «Потом же игоумень повелѣ ему сѣсти. И сѣдшима има вкоупѣ, и начат же ко игоумену простирати бесѣду многу, послѣди же и вину вбави, еа же ради прїиде. Глѣше же: молю ти<сѣ>, вѣе, повѣж ми, аще здѣ е<сѣ> снѣ мои, мно<гѣ>о бо си жалю его ра<ди>, не вѣдуши, аще живѣ е<сѣ>. Игоумен же помысливѣ, ꙗ<кѣ> просто в семь вопрошаетъ его, и глѣше к нему, ꙗко з<дѣ>ѣ е<сѣ> снѣ твои, и не жали его ра<ди>, се бо живѣ е<сѣ>. Тогда же внѣ к нему глѣше: то почто, вѣе, еже не вижю его, многѣ бо поуть шествовахѣ ѣго ради, и того ради прїидохѣ во вбитель сїю, токмо да виж<дѣ>оу снѣ моего, и тако <да> възвращоуся в домѣ свои. (л. 389) — В Егор. 1795 находим предельно краткое: «...ко игумену и повѣда все, яже в нем» (л. 24). Таким образом основным приемом правки данного фрагмента является пересказ и опущение незначимых (с точки зрения редактора) подробностей. Второй новый заголовок «О исцѣлении прѣбнаго Александра от болѣзни» появляется в главе, рассказывающей о том, как боярин Андреи Завалишин, погнавшись на охоте за олень, обнаружил в глуши прп. Александра. Он и рассказывает Андрею о семи годах отшельнической жизни, об исцелении от телесных недугов, дарованном ему. Текст также сопровождается правкой, сходной с разобранный выше (вместо причастного оборота отдается предпочтение личным формам глагола). «Молащу же ми са всаческы мл<сѣ>рдому Бѣгу вдрѣжащаа ма тогда болѣзни срѣдчныа избавити» (л. 403об). — «Молахса ко всемлѣрдому Бѣгу и творахѣ пѣнїе мое, дабы избавилъ ѿ одержащїа ма болѣзни срѣдчныа» (л. 38).

Не весь текст Жития правлен, поэтому повременем пока говорить о новой редакции. Но есть дополнения и в наиболее стабильную по рукописям от правки главу Жития о видении Свт. Троицы. Редактор Егор. 1795 вводит в повествование о необычайном явлении Свт. Троицы в образе трех Ангелов, комментарии о их внешности: «и лицемъ же лѣпы зѣло». Кроме этого текст не избежал и ошибок прочтения: вместо подчеркнутого фрагмента «Не боиса, моужу желанїа, в немже изволи жити стѣи дхѣ, ч<сѣ>тоты ради сердѣца твоего» (л. 414) находим — «... что ты раделъ еси сердцемъ твоимъ» (л. 48 об). Странное деление текста *что ты радел еси* ‘ты желал сердцем твоим’, очевидно появилось из *ч<сѣ>тоты ради сердѣца* ‘из-за чистоты твоего сердца’.

Если говорить о том, какие рукописи наиболее близки текстологически к Егор. 1795 и могли стать основой текста, то здесь можно отметить четыре списка: Нац. Архив Карелии №57 (перв. пол. XVIII в.⁴), РНБ ОСРК Q.919 (вт. пол. XVII в.), ГИМ Увар. 535 (XVII в.), Син. 874 (XVII в.). Только в них во фразе «вной же жены оу гроба стѣго стоѣащи, и клачащи» (л. 460) ‘когда та женщина стояла у гроба святого, склонившись в поклонах’ наблюдается чтение «кричащи» вместо «клачащи». Учитывая состав сборников и варианты посмертных чудес, самым близким по тексту является рукопись из Нац. Архива Карелии первой половины XVIII в.

Подведем итоги. Житие Александра Свирского из выговской рукописи Егор. 1795 имеет очевидные стилистические изменения, вносимые редактором текста, что позволяет говорить если не о новой старообрядческой редакции Жития (правка проведена не по всему тексту), то о новом его варианте или подготовке нового текста, обновленного стилистически. Основные

⁴ Датировка д.ф.н. А.В. Пигина.

направления работы связаны с освобождением языка рукописи от избыточных подробностей и повторов, упрощением синтаксической структуры предложений. Еще одна рукопись, Егор. 44, восстановлена выговскими мастерами, и можно уверенно сказать, что писал и оформлял тексты ее с л. 916 тот же писец и каллиграф, что и рукописи Овчин. 331 и Волков 49. Рукопись Егор. 643, включающая 1 Проложную редакцию, предвещающую Минейную, с высокой вероятностью восходит к списку Q.I.317.

Список источников / References

1. Алексеева, А.С. (2018). Житие Моисея, архиепископа Новгородского, в сборнике митрополита Корнилия (РГБ. Ф. 98. № 1274). *Сборник тезисов международной конференции «Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды: опыт и перспективы»*, тр. и матер.: в 2 т. Е.А. Горобец, О.Ф. Жолобов, М.О. Новак (ред.), 2, 3-8.

Alekseeva, A.S. (2018). The Life of Moses, Archbishop of Novgorod, in the collection of Metropolitan Cornelius (Russian State Library No. 98, No. 1274). *Collection of abstracts of the international conference "Linguistic and cultural studies of the development of the Russian language in a multiethnic environment: experience and prospects"*, tr. and mater.: in 2 vol. E.A. Gorobets, O.F. Zholobov, M.O. Novak (ed.), 2, 3-8.. (In Russ.).

2. Анисимова, Т.В. (2017). Каталог славяно-русских рукописных книг из собрания Е.Е. Егорова. *Российская государственная библиотека. Центр по исследованию проблем развития библиотек в информационном обществе*, 1-100.

Anisimova, T.V. (2017). Catalog of Slavic-Russian handwritten books from the collection of E.E. Egorov. *The Russian State Library. Center for Research on Library Development in the Information Society*, 1-100. (In Russ.).

3. Соболева, А.Е. (2016). Житие Александра Свирского: от Великих Миней Четых до первого печатного издания. *Сборники Президентской библиотеки. Серия «Документы и материалы»*. Выпуск 3. «Свято-Троицкий Александрo-Свирский монастырь в российской истории и культуре: к 510-летию со дня основания обители. Сборник научных трудов, документов и материалов», 65-82.

Soboleva, A.E. (2016). The Life of St. Alexander of Svir: from the Great Menaion Reader to the first printed edition. *Collections of the Presidential Library. The series "Documents and materials". Issue 3. "The Holy Trinity Alexander Svir Monastery in Russian History and Culture: on the 510th anniversary of the monastery's founding. Collection of scientific papers, documents and materials"*, 65-82. (In Russ.).

4. Соболева, А.Е. (2016). Проложное житие Александра Свирского: реконструкция ранних этапов истории текста. *Slověne*, 1, 148-183.

Soboleva, A.E. (2016). The Synaxarion redaction of the Life of St. Alexander Svirsky: a reconstruction of the early stages of the text history. *Slověne*, 1. 148-183 (In Russ.).

5. Соболева, А.Е. (2024). «Чудо вельми ужасно»: именование житийных глав как писцовое творчество. *Сборник трудов Международной научно-практической конференции «Румянцевские чтения»-2024*, 3, 91-97.

Соболева А.Е. (2025)
Житие Александра Свирского в собрании Е.Е. Егорова
Язык и текст, 12(3), 27—36.

Soboleva A.E. (2025)
The Life of St. Alexander Svirsky in the collection of
E.E. Egorov
Language and Text, 12(3), 27—36.

Soboleva, A.E. (2024). “This miracle is a horrific one”: naming hagiographic chapters as a means of scribal creative expression. *Proceedings of the International scientific and practical conference "Rumyantsev readings"-2024*, 3, 91-97. (In Russ.).

Информация об авторе

Александра Евгеньевна Соболева, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9983-2602>, e-mail: aleksandra_soboleva@list.ru

Information about the author

Aleksandra E. Soboleva, Candidate of Science (Philology), Leading Research Associate, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9983-2602>, e-mail: aleksandra_soboleva@list.ru

Поступила в редакцию 29.01.2025
Поступила после рецензирования 28.08.2025
Принята к публикации 10.09.2025
Опубликована 25.09.2025

Received 2025.01.29
Revised 2025.08.28
Accepted 2025.09.10
Published 2025.09.25

Журналистика Рисорджименто как отражение изменений в итальянском обществе

И.В. Канель✉

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

✉ qwarran@gmail.com

Резюме

Контекст и актуальность. В статье рассматривается роль итальянской прессы в период Рисорджименто, а также подчеркивается ее влияние на социальные, политические и культурные преобразования в стране. **Цель.** Выявить, как журналистика Рисорджименто отражала изменения в итальянском обществе и способствовала формированию национального самосознания. **Гипотеза.** Итальянская пресса не только освещала события Рисорджименто, но и активно формировала идейно-политические течения, способствуя консолидации общества вокруг идеи национального единства. **Методы и материалы.** Исследование основано на анализе исторического контекста и ключевых событий Рисорджименто, изучении эволюции демократического и умеренного течений и их влияния на прессу. В качестве материалов использованы данные о периодических изданиях того времени («Gazzetta italiana», «Rivista Europea», «Politecnico»), а также цитаты и взгляды ключевых политических деятелей (Джузеппе Мадзини, Камилло Кавур, Массимо Д'Адзельо и др.). Применялся описательный и сравнительный анализ для выявления особенностей различных направлений журналистики и их роли в общественной жизни. **Результаты.** В ходе исследования выявлено, что журналистика Рисорджименто была многогранным явлением, отражающим противостояние идейно-политических течений. Демократическое направление, возглавляемое Мадзини, активно использовало прессу для пропаганды революционных идей. Умеренное направление, представленное Кавуром, выступало за реформы и конституционную монархию, также активно используя печатное слово. Показана роль литературы и искусства, тесно связанных с журналистикой, в формировании национального самосознания. Выявлены международные связи и влияние Рисорджименто на европейскую журналистику. **Выводы.** Журналистика Рисорджименто стала неотъемлемой частью процесса объединения Италии, являясь зеркалом общественных изменений и мощным инструментом формирования национальной идентичности.

Канель И.В. (2025)
Журналистика Рисорджименто как отражение изменений в
итальянском обществе
Язык и текст, 12(3), 37—47.

Kanel I.V. (2025)
Risorgimento journalism: reflecting changes in
Italian society
Language and Text, 12(3), 37—47.

Ключевые слова: Рисорджименто, журналистика, Джузеппе Мадзини, Камилло Кавур, свобода прессы, либерализм, национальное объединение, XIX век, романтизм, итальянская литература

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 24-28-00479, <https://rscf.ru/project/24-28-00479/>.

Для цитирования: Канель, И.В. (2025). Журналистика Рисорджименто как отражение изменений в итальянском обществе. *Язык и текст*, 12(3), 37—47. <https://doi.org/10.17759/langt.2025120304>

Risorgimento journalism: reflecting changes in Italian society

I.V. Kanel✉

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

✉ qwarran@gmail.com

Abstract

Context and relevance. The article explores the role of the Italian press during the Risorgimento period and emphasizes its influence on social, political and cultural changes in the country. **Objective.** To investigate how Risorgimento journalism reflects changes in Italian society and contributes to the formation of a national identity. **Hypothesis.** The Italian press not only reported on the Risorgimento events, but also played an active role in shaping ideological and political currents, contributing to the society's consolidation around the idea of national unity. **Methods and materials.** The research is based on an analysis of the historical background and key events that took place during the Risorgimento. It studies the evolution of democratic and moderate movements, as well as their influence on the press at the time. The materials used include data from periodicals such as *Gazzetta Italiana*, *Rivista Europea*, *Politecnico*, as well as quotes and opinions from prominent political figures like Giuseppe Mazzini, Camillo Cavour, Massimo D'Azeglio etc. Descriptive and comparative analysis is used to identify the characteristics of different areas of journalism and their significance in public life during this period. **Results.** The study revealed that Risorgimento journalism was a multifaceted phenomenon reflecting the opposition of ideological and political trends. The democratic movement, led by Mazzini, actively used the press to promote revolutionary ideas. The moderate movement represented by Cavour advocated reforms and a constitutional monarchy, also actively using the printed word. The role of literature and art, closely related to journalism, in the formation of national identity is shown. International relations and the influence of Risorgimento on European journalism are revealed. **Conclusions.** Risorgimento journalism has become an integral part of the Italian unification process, being a mirror of social change and a powerful tool for shaping national identity.

Keywords: Risorgimento, journalism, Giuseppe Mazzini, Camillo Cavour, press freedom, liberalism, national unification, 19th century, romanticism, Italian literature

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation, project number 24-28-00479, <https://rscf.ru/en/project/24-28-00479/>.

For citation: Kanel, I.V. (2025). Risorgimento journalism: reflecting changes in Italian society. *Language and Text*, 12(3), 37—47. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2025120304>

Период Рисорджименто был временем значительных социальных, политических и культурных преобразований в Италии. Объединение страны стало результатом сложного переплетения различных движений и идеологий, и итальянская пресса сыграла в этом процессе ключевую роль. Пресса не была беспристрастным наблюдателем — она активно участвовала в политической борьбе, отражая и формируя взгляды различных политических сил. Данный факт обусловил постановку *цели* нашей статьи — выявить, как журналистика Рисорджименто отражала изменения в итальянском обществе и способствовала формированию национального самосознания. Заметим, что пресса того времени не только информировала, но и мобилизовывала население, выступая в качестве мощного инструмента пропаганды и идейного влияния (Alessi, Jossa, 2019).

Рисорджименто, или «Возрождение», было сложным процессом, охватывающим большую часть XIX века — от наполеоновских войн до присоединения Рима к Итальянскому королевству в 1870 году. Важную роль в этом процессе сыграло стремление к независимости от Австрийской империи, которая контролировала значительные территории на севере Италии, а также от папской власти, державшей под своим контролем Центральную Италию. Идеи Просвещения, Французской революции и романтизма вдохновляли итальянских патриотов на борьбу за свободу и единство.

В XIX веке в ходе движения Рисорджименто происходило становление идейно-политических течений: *либерального, католического* и только зарождавшегося *социалистического*, которые заложили основу для развития политической журналистики (Урина, 2018). Как мы ранее отмечали в статье «От Санкт-Петербурга до Неаполя: исторический анализ российско-неаполитанской дипломатии в период Рисорджименто» (Канель, 2024), российская дипломатия, находясь вдали от эпицентра событий, тем не менее внимательно следила за процессами, происходящими в Италии, и даже вступала в диалог с Неаполитанским королевством. Это указывает на то, что политические процессы в Италии имели значение и для внешних игроков, а их отражение в прессе имело более широкое международное значение, чем кажется на первый взгляд.

Вернемся к исследованию объединения Италии. Стоит отметить, что изначально доминировали два основных направления освободительного движения:

а) *Демократическое* направление, идейным вдохновителем которого был Джузеппе Мадзини. Мадзинизм базировался на идее национального единства и создания демократической республики путем революционных преобразований. Мадзини был не только мыслителем, но и активным организатором, основав в 1831 году тайное общество «Молодая Италия» (*La Giovine Italia*), целью которого было объединение Италии в единую республику. Он верил в «мысль и действие» (*pensiero e azione*), считая, что только через просвещение и последующие восстания можно достичь свободы. Мадзини придавал огромное значение пропаганде своих идей, широко используя публикации, брошюры и книги. Его журнал «Молодая Италия» (регулярно выходивший только в 1832-1834 гг.), несмотря на короткий срок существования, был довольно известен. Мадзини рассматривал

газету как *un atto di sacerdozio* («акт священства») и *un'opera di apostolato* («проповедничество»), подчеркивая ее миссионерскую роль в формировании национального самосознания. Распространение его печатной продукции как среди итальянцев за рубежом, так и внутри страны, демонстрирует стремление к широкому охвату аудитории. После временного отступления Мадзини продолжил свою деятельность, основав в 1840 году «Союз итальянских рабочих» и газету «Апостолато пополаре» (*Apostolato popolare*), что свидетельствует о его неослабевающей вере в силу печатного слова.

б) **Умеренное** направление, в русле которого формировалась либерально-конституционная идеология. Это течение стремилось к объединению, основанному на реформах и согласии между правителями и народами, в отличие от революционера Мадзини. Одним из представителей этого направления был Камилло Бенсо ди Кавур, премьер-министр Сардинского королевства (Пьемонта). Он выступал за объединение Италии под эгидой Савойской династии. Кавур делал ставку на «реалистичную» политику, основанную на укреплении Сардинского королевства как экономического и военного центра. Его внешнеполитическая стратегия включала участие Сардинского королевства в Крымской войне, что позволило ему поднять «итальянский вопрос» на Парижском конгрессе 1856 года и заручиться поддержкой Франции и Великобритании.

Эти два направления, демократическое и умеренное, несмотря на свои различия в методах и конечных целях, были объединены общей идеей создания независимого итальянского государства. Влияние этих идеологий на формирование Рисорджименто было ключевым, определяя как внутреннюю политику, так и внешние связи (Андрианов, Тайгильдин, 2024).

Итальянская пресса эпохи Рисорджименто была пестрым полотном, где каждый голос отстаивал свою точку зрения. Например, либеральные издания, часто выходившие тайно или за границей, были рупором идеи единой и независимой Италии. Они критиковали австрийское господство и поддерживали таких лидеров, как Мадзини, Гарибальди и Кавур. Их статьи были полны патриотических призывов, героических историй и аналитических материалов, направленных на мобилизацию населения. При этом использовался весь арсенал журналистских средств: от репортажей до сатирических карикатур. Именно в это время зародилась политическая карикатура как мощный инструмент сатиры и критики власти, что особенно проявилось в таких изданиях, как «Il Papagallo» (1876)¹. Консервативные же издания, связанные с папством или монархией, представляли события в совершенно ином свете. Они критиковали революционные методы, отстаивали постепенные реформы, подчеркивая риски дестабилизации и угрозу традиционным ценностям. Некоторые даже открыто выступали за иностранное вмешательство ради сохранения стабильности. Это противостояние идеологий в прессе отражало глубокие разногласия внутри итальянского общества относительно будущего страны, ее формы правления и методов достижения независимости. Исторические исследования показывают, что именно в этот период женские персонажи в литературе и прессе также играли значительную роль в формировании национального самосознания, часто символизируя саму Италию как женщину, за которую сражались патриоты (Alessi, Jossa, 2019).

¹ Papagallo (II) | Le Perroquet | The Parrot | Storia e Memoria di Bologna. URL: <https://www.storiaememoriadibologna.it/archivio/organizzazioni/papagallo-il-le-perroquet-parrot#:~:text=Schede,Sala%20Borsa%20%2D%20Cronologia%20di%20Bologna> (дата обращения: 10.07.2025)

С развитием прессы менялась и ее структура. Ранее, в 1820-1830-х годах, общетальянским центром распространения либеральных взглядов стала Флоренция и сам регион Тоскана, где на протяжении двенадцати лет издавался журнал *L'Antologia*; Антонио Грамши отмечал, что этот журнал освещал «*важнейшие проблемы, интересовавшие передовых людей того времени, такие как школа и народное образование, сельскохозяйственное производство, литература и историческая наука*» (Della Peruta, цит. по: Ковальская, 1981).

На смену прежним газетам приходили издания, ориентированные на более широкую аудиторию. Это привело к росту профессионализма журналистов и развитию новых форм подачи материала, таких как фельетоны, очерки, интервью. Журналистика постепенно становилась доступной для представителей разных слоев общества, а не только для элиты. Расцвет прессы в период Рисорджименто способствовал формированию гражданского общества и публичной сферы, где обсуждались вопросы национального будущего. Возникновение новых газет и журналов, таких как *Il Conciliatore* (1818-1819) в Милане (хотя тот и был быстро закрыт австрийскими властями) и *La Patria* (1847) во Флоренции, свидетельствовало о стремлении итальянцев участвовать в политической жизни. Эти издания не только знакомили аудиторию с происходящими в стране событиями, но и формировали общественное мнение, собирая воедино разрозненные итальянские государства.

Камилло Кавур, один из видных деятелей Рисорджименто, считал свободную прессу «главным средством цивилизации и прогресса народа» и утверждал, что без нее «современные общества, каким бы ни был их строй, оставались бы неподвижными, более того, шли бы вспять» («*la libera stampa è il mezzo principale di civiltà e di progresso di un popolo e senza di essa le società moderne, qualunque fossero i loro ordinamenti, riamarrebbero stazionarie, e anzi indietreggerebbero*») (Cherubini, 2012). Эта цитата ярко демонстрирует понимание Кавуром центральной роли прессы в развитии общества.

В эпоху Рисорджименто свобода прессы стала не просто целью, но и основополагающим фактором формирования национального общественного мнения. С 1848 года она способствовала усилению влияния Сардинского королевства. Периодическая печать прошла через две фазы: сначала появились «более открытые» культурные журналы, а затем, в 1847-1848 годах, повсеместно распространились политические газеты. Однако после «второй Реставрации» многие из них были закрыты, за исключением сардинских.

На европейском уровне распространялся романтизм, возводя в ранг святыни идеал национальности и родины, а также устанавливая новые, прямые отношения между творцом и народом. В творчестве Алессандро Мандзони, автора эпического романа «Обрученные» (*I promessi sposi*), который считается одним из величайших произведений итальянской литературы и оказал огромное влияние на развитие итальянского языка и национального самосознания, Уго Фосколо и Джакомо Леопарди явно выражены характерные черты романтизма, обозначенные политиком Массимо Д'Адзельо. Фосколо, яркий представитель неоклассицизма и предромантизма, в своих произведениях, таких как «Последние письма Якопо Ортиса», выражал глубокие патриотические чувства и разочарование в политической реальности, что находило отклик у читателей, стремящихся к свободе. Джакомо Леопарди, один из величайших поэтов Италии, в своем творчестве, несмотря на пессимистические настроения, также обращался к темам итальянского величия и трагической судьбы нации, вдохновляя на размышления о будущем Италии. Например, в стихотворении «К Италии» (*All'Italia*) он пишет: «*O patria mia, vedo le mura e gli archi e le colonne e i simulacri e l'erme*

torri degli avi nostri, ma la gloria non vedo... Piangi, che ben hai donde, Italia mia, le genti a vincer nata e nella fausta sorte e nella ria» («О родина, я вижу колоннады, ворота, гермы, статуи, ограды и башни наших дедов, но я не вижу славы... Плачь, плачь! Но побеждать всегда — пускай наперекор судьбе, — Италия моя, дано тебе!» — перевод Анны Ахматовой)². Однако есть мнение о выраженной неприязни Леопарди к романтизму; для него писатели романтического склада чужды итальянцам как нации, глубоко чужды итальянскому мировосприятию (Арефьев, 2025, с. 22). Романтики, по Леопарди, — это немцы и англичане, носители «варварских» традиций (Арефьев, 2025, с. 23).

Винченцо Джоберти, Чезаре Бальбо, Карло Каттанео и Джузеппе Мадзини в 1830-1840-е годы демонстрировали, как «история и литературная критика стали предпосылкой воинственного перечитывания, так сказать, истории Италии и Европы, сделанного во времена Реставрации. И не только политической истории; более того, история и литературная критика были опорными структурами сугубо политического видения Рисорджименто, то есть, прежде всего итальянской независимости» (Cherubini, 2012).

Литература и искусство того времени активно способствовали формированию национального самосознания, создавая мифы и образы, которые вдохновляли итальянцев на борьбу за свою независимость. Поэзия, драматические произведения и эссе того времени часто содержали скрытые или явные призывы к единству и свободе, используя исторические аллюзии и героические сюжеты для поднятия духа нации. Театр также играл важную роль: пьесы, наполненные патриотическим пафосом, обходили цензуру и передавали идеи Рисорджименто широкой публике. Например, трагедии Джованни Баттиста Никколини и оперы Джузеппе Верди, такие как «Набукко» (одним из гимнов Рисорджименто стал фрагмент этой оперы, «Va, pensiero, sull'ali dorate» — его слова являются парафразом псалма 136 «На реках вавилонских») и «Эрнани» (финал третьего акта воспринимался как чествование Папы Римского Пия IX (Стаматов, 2021)), наполненные аллегориями и символами, стали гимнами свободы и национального самоопределения. Помимо этого, глубокое влияние на формирование национального самосознания и культурного единства оказала фигура Данте Алигьери, чье творчество воспринималось как предвестник итальянской государственности и духовного величия (Канель, 2022). Творчество Данте, особенно его концепция универсальной монархии, способствовало формированию национального чувства и политического единства, что было актуально для Рисорджименто (Schön, 2024).

Процесс формирования умеренного течения, которое стремилось выработать иную линию поведения, нежели мадзинианскую, и объединиться вокруг реформистской программы, основанной на соглашении между князьями и народами, начался после кризиса первой «Молодой Италии». Этот процесс ускорился после публикации «Primato» Джоберти (1843) и, особенно, после провала восстания в Романье в сентябре 1845 года. С этого момента кризис мадзинианского и демократического движения усугубился, усилились благоприятные условия для более быстрого роста умеренной волны, укоренения неогвельфского мифа и консолидации либерально-реформистской тенденции. Винченцо Джоберти в своем труде «О нравственном и гражданском первенстве итальянцев» (*Del primato morale e civile degli*

² Джакомо Леопарди «К Италии» в переводе Анны Ахматовой. URL: <https://www.tania-soleil.com/giacomo-leopardi-all-italia/> (дата обращения: 20.07.2025)

Italiani) предложил идею федерации итальянских государств под руководством Папы Римского, что нашло отклик у части умеренных националистов (неогвельфизм).

Еще до событий в Романье умеренные взгляды и градуалистские ориентации — позже выраженные в работе «Последние случаи в Романье» (*Degli ultimi casi di Romagna*), где Массимо д'Адзельо вывел эффективную формулу «заговора при свете ясного дня» — получили важный инструмент для объединения: *Gazzetta italiana*. Это была трехнедельная газета, начавшая выходить в Париже 15 мая 1845 года по инициативе политического эмигранта Марино Фалькони. Массимо Д'Адзельо, помимо своей политической деятельности, был также известным писателем и художником. Его роман «Эttore Фьерамоска» (*Ettore Fieramosca*) и исторические сочинения способствовали формированию национального самосознания и прославлению итальянского прошлого, что было важной частью культурного фундамента Рисорджименто.

Парижская газета, ставшая отправной точкой для этапа итальянской журналистики, которая сопровождала и стимулировала либеральное движение перед революцией 1848 года, вначале мало кому была известна из-за жесткой цензуры внутри страны. Однако в июле, после ее приобретения Кристиной Тривульцио Бельджойозо³ (главным акционером товарищества с ограниченной ответственностью, которому перешла собственность на газету), *Gazzetta* поддержала не только лично ломбардская княгиня, но и ряд видных эмигрантов, таких как Пьер Сильвестро Леопарди, Джузеппе Массари и Филиппо Канути.

Несмотря на разные позиции ее вдохновителей (Бельджойозо, например, не разделяла энтузиазма по поводу идей Джоверти и неогвельфов, ориентируясь на пьемонтское направление в духе Адзельо и Чезаре Бальбо), газета стала выразителем интересов умеренных эмигрантов и ориентиром для различных либерально-реформистских групп внутри страны. Это нашло наиболее яркое выражение в статье Леопарди «Новая и мирная оппозиция в Италии» (17 июля 1845 г.). В этой статье изгнанник осудил использование насильственных средств, которые, по его мнению, оказались губительными для страны, «сделав иностранный протекторат приемлемым для князей». Он заявил, что настало время для оппозиции «*столь же мирной, сколь и справедливой, столь же откровенной, сколь и искренней, столь же трудолюбивой, сколь и умеренной*» (Cherubini, 2012), которая должна была рассеять недопонимание между государями и народами и установить взаимную гармонию.

Стоит также упомянуть два миланских периодических издания: *Rivista Europea* и *Politecnico*. Карло Каттанео, издатель *Rivista Europea*, был выдающимся мыслителем-федералистом, выступал за создание федеративной Италии, где регионы сохраняли бы свою автономию. Его идеи были отличны от централистских взглядов Мадзини и Кавура.

Решающим поворотным моментом стали законодательные нововведения, прокатившиеся по итальянским государствам в 1847-1848 годах. После десятилетий «официальных» газет и журналов политические периодические издания и ежедневники стали возвращаться, постепенно укрепляя панораму умеренной или демократической периодической прессы.

³ Кристина Тривульцио Бельджойозо (1808 — 1871) была известной аристократкой, писательницей, журналисткой и политическим деятелем, активно участвовавшей в Рисорджименто. Ее салон в Париже был центром сбора итальянских эмигрантов и интеллектуалов. Княгиня основала также журнал *Ausonio*; Сандро Фортунати создал сайт, посвященный Кристине Тривульцио Бельджойозо: <https://www.cristinabelgiojoso.it/wp/>

Увеличилось не только количество изданий, но и их тиражи, что свидетельствует о растущем интересе населения к политическим событиям и формировании широкой читательской аудитории. Появились новые форматы, сочетавшие оперативность новостей с глубокой аналитикой и литературными материалами. Это позволяло охватить разные сегменты читателей и предлагать им более разнообразный контент.

События 1848 года привели к бегству великого герцога, созданию триумvirата в составе Джузеппе Монтанелли, Джузеппе Маццони и Франческо Доменико Геррацци, а затем и к полному наделению последнего всеми полномочиями. Однако вскоре последовали негативные итоги войны и возвращение Леопольда II. Решающий и окончательный перелом произошел только в Пьемонте, с Мартовским Статутом 1848 года и последующим Эдиктом о печати. Была отменена превентивная цензура, и оба этих документа затем присутствовали в законодательстве Итальянского королевства вплоть до эпохи фашизма. Эдикт папы Пия IX «*Disposizioni sulla revisione delle opere da pubblicare colla stampa*» от 15 марта 1847 года смягчал и облегчал цензуру. Его последствия были очевидны: только в Риме количество политических изданий возросло до двадцати (Урина, 2018). Однако, несмотря на смягчение цензуры, власти продолжали использовать различные методы давления на прессу, включая судебные преследования за клевету или подстрекательство, что вынуждало журналистов проявлять осторожность и использовать эзопов язык.

Альбертинский Статут, хотя и был далек от Римской конституции и повторял французские монархические конституции (вся его вводная часть была посвящена королевским прерогативам), оставался в силе и после 1848 года. Он позволял существовать различным политическим газетам, способным распространять национальные идеалы, в первую очередь умеренным «Рисорджименто» самого Кавура и «Конкордии» либерал-демократа Лоренцо Валерио.

После 1849 года Сардинское королевство стало «не только единственным государством в Италии, обладавшим военной силой и наиболее подходящими союзами в кругу европейских держав, а также материальными ресурсами и надежным административным аппаратом для достижения столь далеко идущей цели. Кроме того, это было единственное государство, имевшее конституционную хартию, парламентский режим и свободную прессу» (Cherubini, 2012). В течение десятилетия до Второй войны за независимость 1859 года происходило чередование патриотических требований и военно-дипломатических решений. Национальное общество стало центральной точкой опоры для многих бывших демократов (таких как его основатели, сицилиец Джузеппе Ла Фарина и защитник Венецианской республики Даниэле Манин), а Массимо Д'Адзельо налаживал связи по всей стране (его статьи распространялись, как это происходило и с его литературными и политическими трудами). Джузеппе Гарибальди, один из ключевых деятелей Рисорджименто, также широко использовал прессу для популяризации своих идей и мобилизации добровольцев для борьбы за объединение Италии. Его героический поход «Тысячи» в 1860 году, который привел к освобождению Южной Италии, активно освещался в прессе, создавая образ народного героя и вдохновляя массы. И.Е. Эман подчеркивает, что падение Королевства Обеих Сицилий в 1860 году и последующее вхождение Южной Италии в состав объединенного государства были одним из самых противоречивых этапов Рисорджименто, сопровождавшихся серьезными социально-экономическими последствиями, которые ощущаются до сих пор (Эман, 2023).

Многие писатели и поэты Рисорджименто, вдохновленные харизмой и самоотверженностью Гарибальди, создавали произведения, в которых не только прославляли его, но и призывали итальянцев к единству. Например, Джозуэ Кардуччи написал ряд од, посвященных героям Рисорджименто. В этих одах Кардуччи прославлял жертвенность итальянцев и их стремление к свободе. В одном из своих стихотворений, «К Победе» (*Alla Vittoria*), он восклицает: «*O popoli, Italia qui giunse vendicando il suo nome e il diritto*». Еще одним из ярких примеров является «Гимн Гарибальдийцев» (*Inno di Garibaldi*) Луиджи Меркантини, написанный в 1858 году, призывавший к борьбе за свободу: «*Va' fuori d'Italia, va' fuori, o stranier!*» («*Иди прочь из Италии, иди прочь, о чужеземец!*»).

Рисорджименто имело и международные отголоски. Поэт-боец Шандор Петефи посвятил Италии знаменитую лирику (стихотворение «Италия» 1848 года в переводе Леонида Мартынова (Петефи, 1963): «*Падет насилье, и восстанет снова Земля в красе расцвета своего. О, как прекрасны вольности солдаты! Дай счастья им, свободы божество!*»).

Ломбардийско-венецианское ядро приняло участие в венгерском восстании 1848-1849 годов. Венгерский легион почти двадцать лет участвовал в итальянском Рисорджименто и вместе с Иштваном (Стефано) Тюрром присоединился к войскам Гарибальди.

Помимо венгров, в Рисорджименто участвовали и добровольцы из других стран, что говорит о широкой международной поддержке итальянского дела. Это также отразилось на страницах европейской прессы. Например, британская периодическая печать активно освещала события в Италии в период 1861-1862 годов; это свидетельствует о значительном международном интересе к процессу объединения (Гелла, 2021).

Таким образом, журналистика Рисорджименто не только отражала внутренние изменения, но и способствовала формированию международного общественного мнения в поддержку итальянского национального движения. Литература, тесно переплетаясь с журналистикой, выполняла функцию мощного идеологического оружия, содействовавшего мобилизации общества на достижение заветной цели — объединения Италии.

Список источников / References

1. Андрианов, А.С., Тайгильдин, А.В. (2024). К характеристике идеологии Рисорджименто: исторические корни и особенности формирования. *Современная научная мысль*, 5, 20-25. <https://doi.org/10.24412/2308-264X-2024-5-20-25>
Andrianov, A.S., Taygildin, A.V. (2024). On the characteristics of the Risorgimento ideology: Historical roots and formation peculiarities. *Modern Scientific Thought*, 5, 20–25. <https://doi.org/10.24412/2308-264X-2024-5-20-25> (In Russ.).
2. Арефьев, Д.А. (2025). «Vedi il mio discorso sui romantici»: классицизм и романтизм в сознании Дж. Леопарди и ранняя литературная теория в его «Дневнике размышлений». *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение*, 1, 9-27. <https://doi.org/10.31249/lit/2025.01.01>
Arefev, D.A. (2025). «Vedi il mio discorso sui romantici»: classicism and romanticism in G. Leopardi's conscience and early literary theory in his *Zibaldone*. *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies*, 1, 9-27. <https://doi.org/10.31249/lit/2025.01.01> (In Russ.).

3. Гелла, Т.Н. (2021). Итальянские сюжеты на страницах британских периодических изданий в начале 1860-х годов. *Исследования зарубежной истории: сборник статей по материалам конференции, посвященной памяти С.Б. Семенова* (Самара, 13-14 мая 2021 года), 2, 136-145. <https://doi.org/10.55000/MCU.2021.43.92.018>
Gella, T.N. (2021). Italian plots on the pages of British periodicals in the early 1860s. *Studies in Foreign History: Collection of Articles based on the Conference Materials Dedicated to the Memory of S.B. Semenov* (Samara, May 13-14, 2021), 2, 136–145. <https://doi.org/10.55000/MCU.2021.43.92.018> (In Russ.).
4. Канель, И.В. (2022). Данте Алигьери и эпоха Рисорджименто: религиозный аспект исторической связи. *Язык и текст*, 9(4), 44-51. <https://doi.org/10.17759/langt.2022090405>
Kanel, I.V. (2022). Dante Alighieri and Risorgimento: religious aspect of historical connection. *Language and Text*, 9(4), 44–51. <https://doi.org/10.17759/langt.2022090405>
5. Канель, И.В. (2024). От Санкт-Петербурга до Неаполя: исторический анализ российско-неаполитанской дипломатии в период Рисорджименто. *Язык и текст*, 11(3), 82-89. <https://doi.org/10.17759/langt.2024110309>
Kanel, I.V. (2024). From St. Petersburg to Naples: A historical analysis of Russo-Neapolitan diplomacy during the Risorgimento period. *Language and Text*, 11(3), 82–89. <https://doi.org/10.17759/langt.2024110309> (In Russ.).
6. Ковальская, М.И. (1981). *Италия в борьбе за национальную независимость и единство. От революции 1831 г. к революции 1848-1849 гг.* М.: Наука.
Kovalskaya, M.I. (1981). *Italy in the struggle for national independence and unity. From the revolution of 1831 to the revolution of 1848-1849.* Moscow: Nauka. (In Russ.).
7. Урина, Н.В. (2018). *Очерки истории итальянской журналистики.* М.: Факультет журналистики МГУ.
Urina, N.V. (2018). *Essays on the history of Italian journalism.* Moscow: Faculty of Journalism, Moscow State University. (In Russ.).
8. Шандор Петефи (1963). *Собрание сочинений в трех томах. Том 2. Стихотворения 1848-1849 гг. Поэмы.* Перевод с венгерского. Составитель Агнесса Кун. Будапешт: Изд-во «Корвина».
Petőfi, S. (1963). *Collected works in three volumes. Vol. 2. Poems 1848-1849. Poetic works* (A. Kun, Comp.; Translated from Hungarian). Budapest: Corvina Publishing House. (In Russ.).
9. Стаматов, П.А. (2021). Оперы Верди, Рисорджименто и идеология интерпретирующего активизма. *The Beacon: Journal for Studying Ideologies and Mental Dimensions*, 1.
Stamatov, P.A. (2021). Verdi's operas, Risorgimento and ideology of interpretive activism. *The Beacon: Journal for Studying Ideologies and Mental Dimensions*, 1. (In Russ.).
10. Эман, И.Е. (2023). Современные прочтения проблем завершающего этапа Рисорджименто в итальянской историографии. *Социальные и гуманитарные науки.*

Канель И.В. (2025)
Журналистика Рисорджименто как отражение изменений в
итальянском обществе
Язык и текст, 12(3), 37—47.

Kanel I.V. (2025)
Risorgimento journalism: reflecting changes in
Italian society
Language and Text, 12(3), 37—47.

Отечественная и зарубежная литература. Серия 5, История: информационно-аналитический журнал, 1, 44-67. <https://doi.org/10.31249/rhist/2021.01.03>

Eman, I.E. (2023). Modern interpretations of problems of the final stage of the Risorgimento in Italian historiography. *Social and Human Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 5, History: Information-Analytical Journal*, 1, 44-67. <https://doi.org/10.31249/rhist/2021.01.03> (In Russ.).

11. Alessi, S., Jossa, S. (2019). Italian Heroines: Literature, Gender, and the Construction of the Nation. *The Italianist*, 39 (3), 267-280. <https://doi.org/10.1080/02614340.2019.1682811>

12. Cherubini, D. (2012). Il Risorgimento italiano e la nascita di una opinione pubblica nazionale. *Italogramma*, 2, 7-21.

13. Della Peruta F. Op. cit., p. 359.

14. Schön, A.M. (2024). Dante's Italy: national sentiment and world government. *History of European Ideas*, 51 (3), 445-461. <https://doi.org/10.1080/01916599.2024.2378048>

Информация об авторе

Ирина Валерьевна Канель, аспирант кафедры «Лингводидактика и межкультурная коммуникация», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1851-3045>, e-mail: qwarran@gmail.com

Information about the authors

Irina V. Kanel, PhD student, Department of Linguodidactics and Intercultural Communication, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1851-3045>, e-mail: qwarran@gmail.com

Поступила в редакцию 25.07.2025

Поступила после рецензирования 28.08.2025

Принята к публикации 10.09.2025

Опубликована 25.09.2025

Received 2025.07.25

Revised 2025.08.28

Accepted 2025.09.10

Published 2025.09.25

Стихотворение М.Ю. Лермонтова «Соседка» (1840): текстологическая критика и интерпретация

К.А. Поташова✉

Государственный университет просвещения, Москва, Российская Федерация

✉ kseniaslovo@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Актуальность исследования связана с уточнением закономерностей художественного мышления Лермонтова, отраженных в аутентичном тексте 1840 года. **Целью** исследования является раскрытие пути создания художественного образа посредством изучения динамической поэтики стихотворения М.Ю. Лермонтова «Соседка» (1840). **Методы и материалы.** Материалом для исследования стала неперебеленная рукопись стихотворения «Соседка» (РО ИРЛИ. Ф. 524. оп. 1. № 15. л. 19), а также история публикации стихотворения. **Результатом** исследования явилась реконструкция аутентичного текста стихотворения. **Выводы.** в процессе творческой работы над стихотворением Лермонтов уточняет пространственные детали, заменяя буквальные их номинации ассоциативными цепочками. Посредством отказа от активного субъекта и его действия в пользу пассивного объекта и описания временных границ протекания этого действия поэт достигает большего психологизма образа лирического героя. Сюжетная незавершенность стихотворения рассмотрена как художественный прием, посредством которого раскрывается проблема антиномии мечты и действительности, проводится идея недостижимости полноты свободы в пределах земного существования. Обнаружены допущенные в традиции публикации стихотворения разночтения с автографов, что нуждается в исправлении.

Ключевые слова: М.Ю. Лермонтов, беловик, черновик, творческая история, аутентичный текст, поэтика мечты

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 24-28-00207 «Лирика М.Ю. Лермонтова 1840 года: текстология, аксиология, поэтика», <https://rscf.ru/project/24-28-00207/>

Для цитирования: Поташова, К.А. (2025). Стихотворение М.Ю. Лермонтова «Соседка» (1840): текстологическая критика и интерпретация. *Язык и текст*, 12(3), 48–63. <https://doi.org/10.17759/langt.2025120305>

Mikhail Lermontov's poem "The Neighbor" (1840): textual criticism and interpretation

K.A. Potashova✉

State University of Education, Moscow, Russian Federation

✉ kseniaslovo@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. The relevance of the research is related to clarifying the patterns of Lermontov's artistic thinking reflected in the authentic text of 1840. The **purpose** of the research is to reveal the way to create an artistic image by studying the dynamic poetics of M.Yu. Lermontov's poem "The Neighbor" (1840). **Methods and materials.** The material for the study was the unpublished manuscript of the poem "The Neighbor" (NOVEL. F. 524. op. 1. No. 15. l. 19), as well as the history of the poem's publication. **The result** of the research was the reconstruction of the authentic text of the poem. **Conclusions.** in the process of creative work on the poem, Lermontov clarifies spatial details, replacing their literal nominations with associative chains. By rejecting the active subject and his actions in favor of the passive object and describing the time limits of this action, the poet achieves a greater psychologism of the image of the lyrical hero. The plot incompleteness of the poem is considered as an artistic device through which the problem of the antinomy of dreams and reality is revealed, the idea of the unattainability of full freedom within the limits of earthly existence is carried out. Discrepancies from autographs have been found in the tradition of publishing the poem, which needs to be corrected.

Keywords: M.Yu. Lermontov, belovik, draft, creative history, authentic text, poetics of dreams

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation, project number № 24-28-00207, <https://rscf.ru/en/project/24-28-00207/>.

For citation: Potashova, K.A. (2025). Mikhail Lermontov's poem "The Neighbor" (1840): textual criticism and interpretation. *Language and Text*, 12(3), 48—63. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2025120305>

Введение

Б.М. Эйхенбаум отмечал, что стихотворение Лермонтова «Соседка» наряду с написанным тогда же в марте-апреле 1840 года в ордонанс-гаузе за дуэль с Э. де Барантом стихотворением «Пленный рыцарь», отличается отказом «от непосредственных форм лирики – поэту нужны специальные аксессуары, специальная обстановка или ситуация, чтобы лирическая тема приобрела характер фабулы» (Эйхенбаум, 1924, с. 114). Одной лишь констатации присущей стихотворению сюжетности не достаточно, наиболее рельефно механизмы ее достижения обнаруживаются при обращении к творческой истории, реконструкция которой, до сих пор в лермонтоведении не предпринималась. И хотя в академических собраниях сочинений Лермонтова под редакцией Б.М. Эйхенбаума (1935–1937) и Н.Ф. Бельчикова (1954–1957)

были представлены черновые варианты стихотворения, однако они нуждаются в сверке с рукописью и исправлении, так же как и окончательный вариант, приводящийся с искажением авторской пунктуации. Актуальность исследования связана с уточнением закономерностей художественного мышления Лермонтова, отраженных в аутентичном тексте 1840 года.

Для достижения вышеуказанной цели необходимо решить следующие задачи: 1) составить транскрипцию автографа стихотворения Лермонтова «Соседка» с отражением черновых вариантов; 2) проследить историю публикации стихотворения и в сопоставлении с автографом выявить допущенные неточности при воспроизведении окончательного текста и вариантов; 3) раскрыть особенности поэтических механизмов создания художественного образа в стихотворении от черновика к беловику.

Материалом для исследования стала неперебеленная рукопись стихотворения «Соседка» (РО ИРЛИ. Ф. 524. оп. 1. № 15. л. 19), а также история публикации стихотворения. Для сопоставления привлекается первая публикация «Соседки» (Лермонтов М.Ю. Соседка // Отечественные записки, 1842, том XX, № 2, отд. I, с. 127—128), публикация стихотворения А. А. Краевским в сборнике произведений поэта (Стихотворения М. Ю. Лермонтова. СПб. Типография Ильи Глазунова и К°, 1842—1844, т. II), а также публикации в научных изданиях XX – XXI вв. (Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений: В 5 т. СПб., Изд. разряда изящ. словесности Имп. акад. наук, 1910—1913; Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений: В 5 т. М.; Л.: Academia, 1935—1937; Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954—1957; М. Ю. Лермонтов. Собр. соч.: в 4 т. СПб: Издательство Пушкинского Дома, 2014, т. 1).

Теоретическую базу для настоящего исследования составили статьи, посвященные изучению художественной системы стихотворения Лермонтова «Соседка». Хотя психологическая насыщенность образов, становление архитектоники текста оставались вне поле зрения лермонтоведения, стоит все же выделить единичные исследования, в которых попутно рассматривалась поэтика сюжета и стиля стихотворения, основанного на фольклорной традиции, отмечались особенности его стихотворной формы. Л.Я. Гинзбург отмечала принадлежность «Соседки» к реалистической лирике Лермонтова, в которой проявилась «бытовая конкретность, разговорность», близость стихотворения к «фольклорным и народно-бытовыми сюжетами» (Гинзбург, 1940, с. 189). Г.С. Виноградов проводил параллели «Соседки» с ранним лермонтовским «Узником», в котором «намечен “тюремный” мотив», повторяющийся в «Соседке», окрашенной «в фольклорные тона и принявшей характер разбойничьей песни» (Виноградов, 1941, с. 372). Л.В. Пумпянский выделил ряд характеристик «Соседки», в целом присущих лирики Лермонтова 1840–1841 гг.: «фольклорность, полусюжетность, полунovelлистичность, введение второго голоса <...> с предполагаемым простым сознанием, точный язык народной наблюдательности и зрительной меткости» (Пумпянский, 1941, с. 416).

Наиболее ценные замечания были высказаны Д.Е. Максимовым, предложившим рассматривать «Соседку» как «психологически насыщенную» балладу (Максимов, 1964, с. 33), образующую со стихотворениями «Сосед» (1830-1831) и «Сосед» (1837) своего рода трилогию, «объединяющуюся по своему содержанию в некий поэтический цикл» (1964), в котором главными действующими лицами являются лирический герой и сосед. Им же отмечена «ограниченность» соприкосновения стихотворения «с фольклорной и романтической традицией» (Максимов, 1964, с. 148), сменившиеся «условностью» (Максимов, 1964, с. 148), посредством которой раскрываются «мысли о современной жизни» (Максимов, 1964, с. 100). А.М. Гуревич, напротив, отмечает важность «народной среды», в

которой Лермонтов «находит родственные характеры и судьбы людей, рвущихся на волю, людей с буйными думами и неподдельными чувствами» (Гуревич, 1964, с. 156). Также рассматривая «Соседку» в контексте тюремного цикла, Э.Г. Герштейн обращает внимание на пейзажные элементы в черновой редакции стихотворения. Примечателен и сделанный ею вывод о «собирательном образе природы, возникающем в сознании узника» (Герштейн, 1985, с. 140), что сближает «Соседку» со стихотворением 1837 г. «Когда волнуется желтеющая нива...», тоже написанном в заключение.

Представленных замечаний недостаточно для понимания механизмов создания художественного образа, выявления особенностей авторского мышления, на что и направлен детальный анализ творческой работы поэта. Методология статьи базируется на познавательном подходе к художественному произведению, позволяющему раскрыть «явленную через текст поэтическую личность Лермонтова как яркую индивидуальность, опирающуюся на глубокое знание психологии и онтологии человека» (Киселева, Поташова, 2021, с. 124), а также на изложенных в статьях И.А. Киселевой основных принципах текстологического анализа, направленного на «углубление понимания лермонтовских шедевров» посредством «наблюдения и обобщения над изменениями текста от черновика к беловику» (Киселева, Поташова, 2020, с. 131).

Результаты

Стихотворение Лермонтова «Соседка» написано остро заточенным пером черными чернилами на отдельном листе, попавшим в коллекцию автографов А.А. Краевского и хранящимся ныне в составе тетради 15 наряду с другими произведениями 1840 – 1841 гг. Автограф содержит подчеркнутый заголовок, графический знак отчеркивания имеется после восьмой строфы, в правом нижнем углу листа имеется графическая зарисовка, которая может быть атрибутирована как пейзажный набросок. Стихотворение имеет четкое строфное деление с соблюдением равных интервалов между всеми девятью строфами. По всему тексту наблюдается многочисленная правка различного характера – в каждой строфе имеются графические знаки зачеркивания, восстановления и вставок, последняя девятая строфа была дописана и знаком вставки в сопровождении вспомогательной нумерации арабскими цифрами перенесена между седьмой и восьмой строфами.

Далее приведем автограф стихотворения «Соседка» (рис. 1), а также подготовленную на основе работы с рукописью (РО ИРЛИ. Ф. 524. оп. 1. № 15. л. 19) транскрипцию автографа (табл. 1), отражающую его правку:

Поташова К.А. (2025)
 Стихотворение М.Ю. Лермонтова «Соседка» (1840):
 текстологическая критика и интерпретация
 Язык и текст, 12(3), 48—63.

Potashova K.A. (2025)
 Mikhail Lermontov's poem "The Neighbor" (1840):
 textual criticism and interpretation
 Language and Text, 12(3), 48—63.

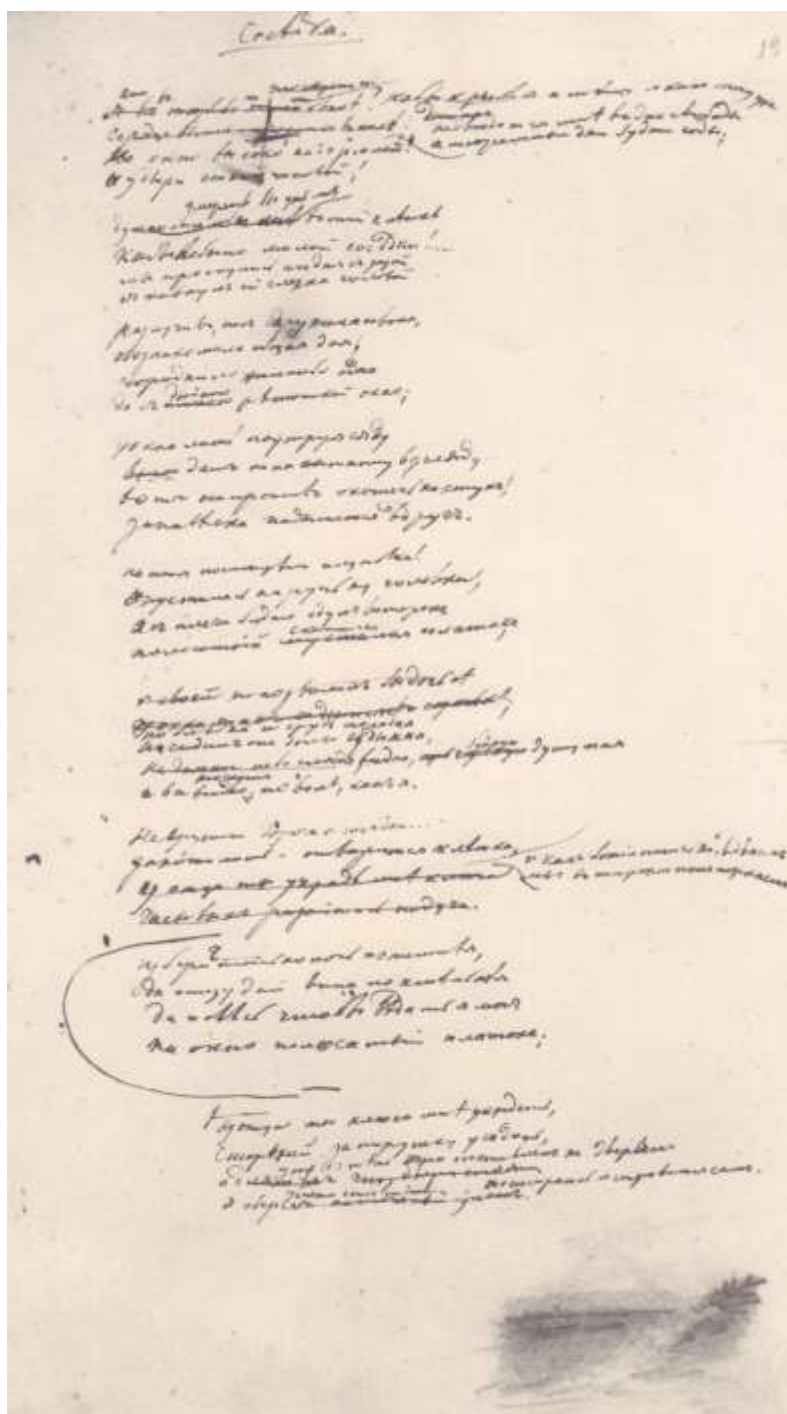

Рис. 1. Автограф стихотворения М.Ю. Лермонтова «Соседка».
 РО ИРЛИ. Ф. 524. оп. 1. № 15. л. 19
Fig. 1. The autograph of M.Yu. Lermontov's poem "The Neighbor".
 RO IRLI. F. 524. op. 1. No. 15. L. 19

Таблица / Table

Транскрипция стихотворения М. Ю. Лермонтова «Соседка»

Transcription of M. Y. Lermontov's poem "The Neighbor"

№ стиха	Окончательный текст	Варианты
1	Не дожидаться мне видно свободы,	а. Я в тюрьме и мечтаю о воле б. Кто в тюрьме не мечтает о воле? в. Кто в тюрьме не тоскует о воле? г. Кабы крылья имел я д. Я как птицы
2	А тюремные дни будто годы;	а. Сердце бьется и просится в поле. б. Начато: Дни про<ходят>
3	И окно высокó над землей!	Но окно высоко над землей!
4	И у двери стоит часовой!	А у двери стоит часовой!
5	Умереть бы уж мне в этой клетке,	Душно стало б мне в этой клетке,
6	Кабы не было милой соседки!....	
7	Мы проснулись сегодня с зарей,	
8	Я кивнул ей слегка головой.	
9	Разлучив, нас сдружила неволя,	
10	Познакомила общая доля,	
11	Породнило желание одно	
12	Да с двойною решоткой окно;	Да с плохою решоткой окно;
13	У окна лишь поутру я сяду,	
14	Волю дам ненасытному взгляду...	
15	Вот напротив окошечко: стук!	
16	Занавеска подымется вдруг.	
17	На меня посмотрела плутовка!	
18	Опустилась на ручку головка,	
19	А с плеча будто сдул ветерок,	
20	Полосатый скатился платок;	Полосатый спустился платок;
21	Но бледна ее грудь молодая,	Я своей не позволил бы дочке
22	И сидит она долго вздыхая,	а. У окна так садиться в сорочке; б. Но сидит она долго вздыхая
23	Видно, буйную думу тая,	а. На далекое небо глядя, б. Видно горькую думу тая,
24	Все тоскует по воле, как я.	Начато: И все видно,
25	Не грусти, дорогая соседка.....	
26	Захоти лишь — отворится клетка,	
27	И как божии птички, вдвоем	У отца ты украдь мне ключи,

28	Мы в широкое поле порхнем.	Часовых разойтись подучи.
29	У отца ты ключи мне украдешь,	
30	Сторожей за пирушку усадишь,	
31	А уж с тем, что поставлен к дверям,	а. А для тех, что у двери стоят б. А уж с тем, кто поставлен к дверям,
32	Постараюсь я справиться сам.	а. Я сберег наточенный булат. б. У меня есть надежный булат.
33	Избери только ночь потемнея,	
34	Да отцу дай вина похмельнея,	
35	Да повесь, чтобы ведать я мог,	
36	На окно полосатый платок.	

Знакомство с историей публикации стихотворения показывает, что при жизни Лермонтова оно не печаталось, не было включено и в состав первого сборника «Стихотворения М. Лермонтова» (1840), тогда как относящийся к этому же периоду «Пленный рыцарь» был включен в собрание. Первая публикация «Соседки» была сделана в журнале «Отечественные записки» за 1842 год и характеризуется многочисленными неоправданными пунктуационными менами, искажающими интонационный рисунок стихотворения. В сравнении с автографом в публикации были заменены запятыми восклицательные знаки в 3 и 6 стихах, точкой в 4 стихе, и, напротив, на месте многоточия в 25 стихе поставлен восклицательный знак, тем самым эмоционально наполненная первая строфа, задающая тон всему стихотворению, приобретает более ровный характер звучания, а событийная часть при этом, наоборот, становится более импульсивной. Обнаруживаются и смысловые искажения, допущенные переносом запятой или добавлением лишнего знака. Так, в 9 стихе перенос запятой нарушает постановку логического ударения и смысл фразы («Разлучив, нас сдружила неволя» – в автографе (Лермонтов, 1840, л. 19); «Разлучив нас, сдружила неволя» – в публикации (Лермонтов, 1842, с. 127)), что впоследствии тиражировалось вплоть до издания под редакцией Д. И. Абрамовича. Допущенная в 35 стихе мена запятой на точку в конце («Да повесь, чтобы ведать я мог, // На окно полосатый платок» – в автографе (Лермонтов, 1840, л. 19); «Да повесь, чтобы ведать я мог. // На окно полосатый платок» – в публикации (Лермонтов, 1842, с. 127)) разрушает фразовое членение, влекущее утрату смысла.

Еще в большей степени пунктуационная избыточность обнаруживается в следующей публикации стихотворения – в первом сводном собрании произведений поэта из четырёх частей (СПб. Типография Ильи Глазунова и К°, 1842–1844), подготовленном А. А. Краевским. В этой публикации помимо выше указанных неточностей появляются отсутствующее в автографе пунктуационное сращение в первом стихе, привносящее оттенок противопоставления по отношению ко второму стиху («Не дожидаться мне видно свободы, // А тюремные дни словно годы» – в автографе (Лермонтов, 1840, л. 19); «Не дожидаться мне видно свободы, – // А тюремные дни словно годы» – в публикации (Лермонтов, 1842–1844, с. 129)), тогда как для выражения этого противопоставления достаточно противительного союза «а» и необходимой запятой, как было в автографе.

Смысл искажает и используемое издателем пунктуационное сращение запятой и тире в 14 стихе на месте многоточия, поставленного самим поэтом. В результате этой мены в причинно-следственных отношениях оказываются 14 и 15 стихи («Волю дам ненасытному взгляду, – //

Вот напротив окошечко: стук!» – в публикации (Лермонтов, 1842-1844, с. 129)), таким образом получается, что присоединительным тире выражается здесь томление лирического героя именно по молодой девице, ожидание ее появления в окне. Не отрицая шуточного элемента в стихотворении, все же следует говорить о томлении лирического героя по воле, что отражено в поставленном самим поэтом многоточии как знака передачи состояния ожидания и обреченности, в котором и пребывал лирический герой, и которое прерывают мечтания, далее представленные в тексте. Аналогично и в издании под редакцией Б.М. Эйхенбаума, необходимое многоточие было заменено на точку, опять же не передающую искомую эмоцию мечтательного полета (Лермонтов, 1934-1937, с. 66). В 6 стихе, напротив, пунктуационное сращение восклицательного знака с шеститочием из автографа преобразуется А.А. Краевским в знак многоточия (Лермонтов, 1842-1844, с. 129), тогда как именно первичный знак концентрирует в себе необходимое состояние мечтательности, останавливает повествование в точке 'здесь', переключая регистр действительности на мечту. Начиная с издания 1935-1937 гг. при публикации 6 стиха было возвращено пунктуационное сращение восклицательного знака и многоточия (Лермонтов, 1935-1937, с. 66), однако же характерное для Лермонтова графическое прерывание мысли множеством точек (как в данной рукописи шестью точками) не воспроизводится, хотя для этого стиха оно значимо для обозначения символического перехода лирического героя в сферу мечтания.

В советских изданиях публикация стихотворения стала значительно очищенной от редакторской правки, 33 – 34 стихи стали публиковаться с передачей просторечной формы (потемнея – похмелея) (Лермонтов, 1934-1937, с. 66), хотя и в них есть искажения автографа Лермонтова. В издании под редакцией Б.М. Эйхенбаума не был восстановлен восклицательный знак в третьем стихе, поставленный только в издании 1954-1957 гг. и впоследствии уже не меняющийся, в этом же стихе не воспроизводился знак ударения, выделенный Лермонтовым в слове «высоко», в изданиях Краевского присутствующий, восстановленный в 1954-1957 гг. и вновь потерянный в издании 2014 года. Пунктуационная избыточность наблюдается и в связи с обособлением запятыми сравнительных оборотов в 20 и 27 стихах. И если пометка отсутствующей у Лермонтова запятой в 5 стихе грамматически оправдана и объясняется естественной конъюнктурой, то в 19 и 27 стихах необходимость в постановке запятых, вносящих лишние паузы, отсутствует, тем более, что в обоих стихах сравнительные обороты имеют значение образа действия («А с плеча будто сдул ветерок», «И как божии птички, вдвоем» (Лермонтов, 1954-1957, с. 154)), графическое обособление которых факультативно. Этой же пунктуационной избыточности придерживаются и в современном издании Лермонтова, подготовленном в 2014 году (Лермонтов, 2014, с. 321).

Отдельного внимания и развернутого текстологического комментария заслуживают черновые варианты стихов первой, третьей, пятой, шестой, седьмой и восьмой строф, приводящиеся только в двух изданиях – 1935-1937 гг. и 1954-1957 гг. с допущением неточностей, и здесь следует особенно подчеркнуть важность их верного воспроизведения, так как именно с их учетом можно понять процесс достижения Лермонтовым отточенного и цельного художественного образа.

Обсуждение результатов

Обращение к рукописи показывает многочисленную правку, сделанную в отношении первой и последней строфы, а также отдельные исправления в остальных строфах. Первый стих первой строфы претерпевает самые значительные и многочисленные изменения в стихотворении. Окончательному «Не дожидаться мне видно свободы» предшествуют пять

вариантов, последовательное появление и смена которых обусловлена отказом от активного субъекта и его действия в пользу пассивного объекта и описания временных границ, точнее, протекания действия во времени. Этот отказ усиливается с каждым новым вариантом стиха. Активный деятель присутствует лишь в первом черновом варианте: «*Я в тюрьме и мечтаю о воле*» – здесь и конкретизация местопребывания лирического героя, и точное определение его состояния, и постулирование значимого для стихотворения соотношения мечты и действительности, выраженное в противопоставлении пространства ‘здесь’ и в воображении лирического героя. И хотя от этого утверждения Лермонтов отказывается ввиду его излишне констатирующего характера, бытийная ситуация стихотворения, слагающаяся из череды возникающих образов и событий в мечтах лирического героя, подчинена раскрытию именно этого противоречия, что и достигается во всех последующих восьми строфах стихотворения.

Во втором и третьем вариантах первого стиха Лермонтов отказывается от активного субъекта, заменяет его неопределенно-личным обобщением «кто», по своей специфике скорее не указывающим на объект, а вносящим вопросительный элемент, дополненный вопросительным знаком, и образующий «идиоматическое вопросительное предложение» (Падучева, 2010, с. 235) не требующее ответа: «*Кто в тюрьме не мечтает о воле?*»; «*Кто в тюрьме не тоскует о воле?*». При воспроизведении этих вариантов в академическом собрании сочинений Лермонтова 1954-1957 гг. упускался поставленный поэтом в рукописи вопросительный знак, воспроизведенный в предыдущем издании. При этом второй вариант стиха в издании приводился вовсе без знака препинания, а третий вариант – с утвердительным знаком точки («б. Кто в тюрьме не мечтает о воле»; «в. Кто в тюрьме не тоскует о воле.»), тогда как в автографе явно просматривается один общий для этих вариантов вопросительный знак, появившийся при изменении первого варианта на второй и сохранившийся в третьем варианте, претерпевшим изменение только в части уточнения состояния лирического героя (мена глагола «тоскует» поверх зачеркнутого «мечтает»). Вопросительный знак в этих вариантах придает стиху лирико-эмоциональное звучание, связанное «с попыткой говорящего выразить свое убеждение» (Добровольский, Зализняк, 2025, с. 54), что в данном контексте сложно донести утвердительной интонацией. Если первый вариант стиха с активным «я» («*Я в тюрьме и мечтаю о воле*») представлял собой квант информации, то вопросительная семантика второго и третьего варианта стиха с обобщенным «кто», объединяющим и буквально находящегося в заточении лирического героя, и находящуюся физически на свободе, но тоскующей по жизни страстями молодую деву, аналогична возгласу. Идиоматический вопрос усиливает эмоциональный посыл суждения, оттого в этих вариантах наблюдается максимальная вербальная идентификация эмоции, которая буквально прямо называется и акцентируется логическим ударением в этих вариантах стиха.

Именно с уточнением эмоции связана творческая работа поэта от первого к третьему варианту стиха. Глагол «*мечтаю*» / «*мечтает*» в первом и втором вариантах по сравнению с глаголом «*тоскует*» в третьем варианте предполагает более активное действие, связанное с конкретным представлением о возможности изменения своего положения, тогда как новый вариант «*тоскует*» фокусирует внимание на состоянии субъекта здесь и сейчас, меной глагола изменяется и сама переживаемая эмоция, третий вариант утрачивает оптимистическую ноту, заложенную в первый и второй варианты с акцентированным мечтанием. Однако же глагол «*тоскует*» не передает суть того состояния, которое поэтизировано в стихотворении – в центре все же не тоска, а мечтание о свободе, не рефлексия лирического героя представлена дальше в событийной части произведения, а желаемое преобразование реальности, оттого Лермонтов и отказывается от этих рефлексизирующих вопросов в составе первой строфы.

Хотя, естественное для ситуации заключения чувство тоски поэтом все же называется в 24 стихе (*«Все тоскует по воле, как я»*) только уже в связи с образом заглавной героини, через душевные порывы которой Лермонтов раскрывает переживания самого лирического героя, неслучайно именно в них просматривается знаковый для поэта мотивный комплекс – поиск свободы, непонятость и тоска по родной душе. И здесь интересны варианты шестой строфы, в первоначально намеченных стихах которой звучит кажущаяся на первый взгляд игривая шутливость (*«Я своей не позволил бы дочке // У окна так садиться в сорочке»*), за которой скрывается целая палитра смыслов. Здесь и предостережение от своеволия и таящейся опасности любовных страстей, и акцент на важных для Лермонтова детскости и чистоте девичьего образа, и, вместе с тем, выражение одиночества героини, хотя и имеющей семью, но рисующуюся скорее во враждебных отношениях, что, как справедливо отмечает В.Н. Аношкина, является «вариацией сиротского мотива», определяющего «характер и судьбу литературных героев Лермонтова» (Аношкина, 2014, с. 103). В силу того, что этот мотив далее по тексту обрастает конкретной сюжетной ситуацией обмана отца, поэт отказывается от первичного варианта 21-22 стиха в пользу романтизирующего образа девы (*«Но бледна ее грудь молодая // И сидит она долго вздыхая»*). Ее образ создается в условной зеркальной перспективе, при всей непохожести образы лирического героя и героини похожи, оттого шестая строфа по отношению к первой оказывается своего рода зеркальным отражением. В своей мечте лирический герой представляет еще одну мечту – мечту девы по «обретению сердечного друга» (Аношкина, 2014, с. 103). При этом воображаемый героем мысленный экран героини скорее отвечает порывам самого героя, о чем говорят изменения 23 стиха, претерпевавшего трансформацию от портретной зарисовки (*«На далекое небо глядя»*) к изображению конкретного чувствования, также данного в вариантах. Первичная «горькая дума» (*«Видно, горькую думу тая»*), соответствующая девичьему образу и ее печали, заменена в окончательном варианте «буйной думой» (*«Видно, буйную думу тая»*), скорее отвечающей самому лирическому герою. Неслучайно поэтом выбрана характеристика, представляющая собой инвариант фольклорной формулы «буйна головушка», характеризующей молодецкую удаль (*«Его буйная головушка не тряхнется, // Его русые кудерки не шелохнутся»* [Киреевский, т. 6, с. 54]). В шестой строфе создается аналогичная первой строфе сцена, акцентирующая одиночество человека, некие социальные преграды, возникающие на пути достижения свободы в позитивном ее понимании, тоску по этой свободе воли и мечтание о достижении свободы. И в этом уникальность настоящей миниатюры, позднее развитая в архитектонике стихотворения «Сон» (1841), построенного из трех снов и акцентирующего через них «реальность изображаемого духовного мира» (Киселева, Поташова, 2020, с. 140). Аналогично и здесь, Лермонтов, преодолевает протекающее в пространстве реальности внешнее время миром внутренним, показывая через две действительные судьбы – лирического героя и героини – условность свободы и воли в земной, человеческой жизни.

Следующие два варианта первого стиха первой строфы и созвучная им седьмая строфа усиливают желательность и недостижимость мечты о свободе. Если в первом, втором, третьем вариантах первого стиха модальное значение желательности выражалось через сферу эмоционального переживания, переданную в эмотивных глаголах (мечтаю – мечтает – тоскует), то в четвертом и пятом вариантах средством ее выражения оказывается уподобление, заданное в характерном для романтизма уподоблении лирического я другому («я = другой...»), что является необходимым для «углубленной и объемной символизации мечты» (Смирнов, 2014, с. 45). Здесь появляется условие, при котором мечта о воле могла бы быть достигнутой, и связано оно с желаемым преображением собственных физических возможностей –

символизацией мечты оказываются крылья (четвертый вариант) и птицы (пятый вариант). Аналогичное преображение мы видим и в седьмой строфе, содержащей уподобление человеческой жизни птице в клетке, свободы – полету птиц. В четвертом варианте первого стиха («*Кабы крылья я имел...*») вновь появляется лирическое «я», и хотя на формальном уровне структура этого варианта не предполагает называния действия, а единственный глагол «имел» образует поссессивную конструкцию, необходимую для указания на предмет мечтаний и его возможного обладателя, но никак не собственно действие, в самом этом воображаемом предмете («крылья») скрыто желание стремительного движения – полета. И именно в этом неназванном прямо, но предполагаемом действии обнаруживается характерная для романтизма декларация противопоставления мира здесь и там, выражается суть взаимоотношений лирического героя и мира, маркером сложности которых у Лермонтова не раз является желание преодолеть земное притяжение и оказаться среди свободных небесных светил («*Только завидую звездам прекрасным, // Только их место занять бы хотел*»), уподобиться птице («*Туда долететь лишь степному орлу*»), в обоих случаях это стремление попасть туда, где физически не может оказаться заточенный в плоти человек.

В еще более сконцентрированном виде условие достижения мечты о воле называется в намеченном пятом варианте первого стиха, который прежде при воспроизведении вариантов и в издании 1935-1937 гг., и в издании 1954-1957 гг. подвергался конъюнктуре и приводился единой конструкцией с предыдущим вариантом. При этом во избежание повтора местоимение «я» из четвертого варианта опускалось, таким образом получалось цельное предложение: «*Кабы крылья имел я как птицы*». Однако же в рукописи явно просматривается местоимение «я» дважды, фраза «*кабы крылья я имел*» зачеркнута, далее в продолжении горизонтали строки зафиксировано начало новой фразы «*я как птицы*», в связи с чем целесообразно все же выделять это начало как набросок пятого варианта, принимая во внимание и то, что буквальное уподобление себя птице было типичным для литературной традиции. В этом размышлении поэт вновь возвращается к более активной позиции через выражение желаемого уподобления, отсылая читателя к пушкинскому «Узнику» (1822) («*Мы вольные птицы; пора, брат, пора!*») и своему раннему «Желанию» (1831) («*Зачем я не птица, не ворон степной // Пролетевший сейчас надо мной? // Зачем не могу в небесах я парить // И одну лишь свободу любить?*»). Намеченный пятый вариант первого стиха в сравнении с предыдущими в наибольшей степени выражает состояние мечтательности лирического героя, душевная устремленность и желание воли которого противопоставлены статичному, словно прикрепленному к земле часовому. И это противопоставление динамики и статики еще более ярко просматривается в черновом варианте четвертого стиха, открывающегося противительным союзом «а» («*А у двери стоит часовой*»), исправленном далее на союз «и». Аналогичное исправление союза обнаруживается и в предыдущем третьем стихе первой строфы, изначальный союз «но» («*Но окно высоко над землей!*»), вносящий в текст оттенок невозможности достижения мечты, заменен на «и», тем самым третий и четвертый стихи приводятся к единообразию и вкупе сообщают о тех пространственных преградах, которые обуславливают ассоциативную цепочку «крылья – птица – полет».

Примечательна в четвертом и пятом вариантах стилизация под волевое и энергичное народное повествование, проявившаяся как в обращении к орнитологической образности, использующейся в разбойничьих и удалых песнях о Степане Разине и Емельяне Пугачеве для создания образа волевой личности, так и в использовании разговорно-сниженной конструкции со сравнительным союзом «кабы», возвышенного утверждения с уже довольно редкой формой выражения обладания («*крылья я имел*»). Подкрепление сравнения с птицами разъяснением

желаемого сходства, которое могло бы открыть путь к воле, также приближено к былинному эпосу или казачьей удалой песне: «*Сердце бьется и просится в поле*». И здесь интересна поэтическая символизация жизни и воли, пространственные координаты которых связаны не с небом, что логично следовало бы из намеченного сравнения с птицами, а с полем, типичной эпической локацией как пространства, не знающего границ. Ассоциация воли с полем, то есть широким неограниченным пространством, и прежде встречавшаяся у Лермонтова («*И вот нашли большое поле // Есть разгуляться где на воле*»), в полной мере отвечает русской ментальности, понимающей простор как неотъемлемую составляющую русской души, неотъемлемое условие духовного бытия человека, живой жизни души, невозможность которой вне свободы не раз акцентируется поэтом и в черновых, и в беловых вариантах («*не дожидаться*», «*душино стало*», «*умереть бы*»). Если в фольклоре поле мыслится как вся русская земля, на защите которой стоит богатырь, наделенный таким же раздольным характером как широкое поле, то у Лермонтова поле приобретает дополнительные коннотации, связанные с пониманием его как места обиталища воли, априори возможной только в естественной природе. Такое пространство в противопоставлении тюремному заточению и миру действительному обнаруживает себя и в его раннем «Узнике»: «*Добрый конь в зеленом поле // Без узды, один, по воле // Скачет весел и игрив*». Смысловой нагрузкой это пространство наделяется и в 13–14 стихах, где поле хотя и не называется, но подразумевается как желаемое пространство, в которое всеми своими чувствованиями устремлен лирический герой («*У окна лишь поутру я сяду, // Волю дам ненасытному взгляду...*»), и в 27–28 стихах, где впервые применительно к лирическому герою названо конкретное действие, связанное с преодолением состояния душевной тесноты («*И как божии птички, вдвоем // Мы в широкое поле порхнем*»), а также в небольшой графической зарисовке в правом нижнем углу листа, изображающей поле с курганом.

Почему же все-таки Лермонтов отказывается от сравнения с птицами в первом стихе и сохраняет его в 27–28 стихах? Подобное начало стихотворения потребовало бы иного развития мотива одиночества, рефлексии собственного «я», тем самым раздробляя образное единство стихотворения, заявленное уже в самом заглавии. Заглавие «Соседка» появилось до создания окончательного текста и до рассматриваемой правки, о чем говорит его расположение по отношению к тексту: оно обозначено сверху по центру страницы с характерным для начала отступом от верхнего края и интервалом перед первой строфой, равным интервалу между строфами. Название стихотворения предполагает концентрацию внимания именно на представлении другого, в которых и разворачивается мечта лирического героя, потому рефлексизирующее начало могло бы сделать стихотворение более затянутым. Обращает на себя внимание и смысловая наполненность этого названия, суть которого видится в потребности обретения родственной души на эмоциональном уровне, проблеме понимания, особенно обострившихся в условиях заточения. Эта проблема поставлена и в первом, раннем «Соседе» 1830–1831 гг. («*И мнится мне, что мы друг друга понимаем // <...> // Что мы знакомы с давних лет*»), и в одноименном стихотворении 1837 г. («*Кто б ни был ты, печальный мой сосед, // Люблю тебя, как друга юных лет*»). Лишенная речи молодая дева существует в мечте лирического героя, череда событий с нею связанных рисуется в его субъективном восприятии, однако она «соседствует» с лирическим героем, и эта общность важна для него. Не случайно, работая над 27–28 стихами, Лермонтов отказывается от изначальных сюжетных стихов («*У отца ты украдь мне ключи // Часовых разойтись подучи*»), лишь частично перенеся их в следующую строфу, в пользу символического уподобления душ героев «божьем птичкам», снимающего ореол привлекательности и искушения,

просматривающихся в пятой и шестой строфах. Тем самым поэт не только подводит событийную часть к возможному достижению заветной мечты о воле при соблюдении далее названных бытовых условий («У отца ты ключи мне украдешь», «Сторожей за пирушку усадишь», «Избери только ночь потемнее», «Да отцу дай вина похмелее»), но и намечает более глубокую проблему тоски по родственной душе, с которой возможно подняться над суетным бытием, в единении с природой порвать с «былым, грешным существованием» (Гулин, 2023, с. 33). Здесь уже появляется уподобление не себя одного птицам, а их двоих «божьим птичкам», последующее за вниманием к созвучному эмоциональному состоянию («Все тоскует по воле, как я»), схожему взгляду в такое же бескрайнее пространство («На далекое небо глядя»).

Заключительные восьмая и девятая строфы совмещают в себе рациональное и иррациональное, здесь достигается максимальная событийность, в сравнении с предыдущими строфами именно в этой части используются многочисленные глаголы: «украдешь», «усадишь», «поставлен», «справиться», «избери» и т.д. Однако все перечисленные действия происходят в воображаемом пространстве, посредством инфинитивов и форм будущего времени достигается характерный для сюжетной лирики Лермонтова «специфический модус восприятия действительности» (Киселева, Поташова, 2021, с. 133), суть которого связана с передачей особого состояния героя, захваченного мечтой, показывающей «в которой человек действует в соответствии с состоянием души, грешным или детским» (Киселева, Поташова, 2021, с. 134). Если в предыдущих строфах состояние мечтательности граничило с глубокой думой, то здесь мечтательность уподобляется своей событийностью сну с присущей ему ночной таинственностью, эмоциональным порывом. Черновые варианты 32 стиха, зримо передающих эту мечту-сон, показывают готовность лирического героя совершить преступление (а. «Я сберег наточенный булат»; б. «У меня есть надежный булат»), при этом интересен последовательный отказ от возможного убийства. Первичная качественная характеристика булата – «наточенный» – очевидно несет коннотацию опасности, второй вариант – «надежный» – одновременно снимает остроту потенциальной ситуации, но предполагает и использование его раньше. В окончательном варианте Лермонтов отказывается от осуществления греха убийства («Постараюсь я справиться сам»), сохраняя при этом череду преступлений. Эта строфа в стихотворении появилось уже после его предполагаемого завершения, о чем свидетельствует графический знак подчеркивания в автографе после предшествующей строфы. При воспроизведении черновых вариантов в издании 1935-1937 гг. нет указаний на вставку этой строфы, в 1954-1957 гг. с ошибкой в нумерации зафиксировано, что «строфы 7 и 8 первоначально имели обратный порядок». При этом неверно говорить об обратном порядке строф, знаком вставки Лермонтов дополняет строфу, сообщающую о сложных, но достижимых условиях для совершения побега из темницы, ярким эпизод с преступлениями, которые необходимо совершить перед побегом. Вставка оказалась здесь необходимой не только для более логичной череды действий, но и выражения самой идеи – на протяжении всего стихотворения лирический герой искал утешение в мечте, теперь же эта мечта о воле очернена грехом. Такой финал стихотворения, на первый взгляд кажущегося не законченным, обрывающимся на самой кульминации, что в целом свойственно «лермонтовской прозаической художественности» (Маркович, 1997, с. 137), подводит нас к глубинным вопросам природы человека, совмещающего в своем бытии чистоту и греховную порчу.

Заключение

Сопоставление сохранившегося автографа стихотворения «Соседка» с его публикациями, как в дореволюционных изданиях, рассчитанных на массового читателя, так и научных изданиях, воспроизводящих черновую работу Лермонтова, демонстрирует целый ряд неточностей, связанных с несоблюдением авторской пунктуации, искажающей интонационный рисунок, логику членения фразы, расставленные автором смысловые акценты, неточным воспроизведением черновых вариантов, графических знаков. Тщательное изучение автографа открывает возможность исправить эти разночтения при дальнейшей публикации стихотворения, а также приблизиться к пониманию хода авторской мысли. Спецификой стихотворения Лермонтова «Соседка» является передача состояния мечтания лирического героя, данное через соотношение желаемого и действительного, что закладывается уже в первой строфе и о чем свидетельствует ее первичный максимально информативный вариант, содержащий указание на лирический субъект и его настроение. Мечта конкретизируется по всему тексту символическими деталями – птицы, поле, окно, платок, которые последовательно сопоставляются с различными обозначениями темницы, ставшей для лирического героя невыносимым бременем. Индивидуализированным воплощением мечты явилась и молодая дева, которая также полна жизни, как и лирический герой, испытывает те же чувства, что и лирический герой, и роднит их желание ощущения свободы. Однако финал стихотворения подводит читателя к мысли о невозможности достижения высокой мечты о воле, которая возможна только в естественной природе, что и сконцентрировано в ассоциации «поле-воля». Последовательное сопоставление черновых вариантов и окончательного текста показывает, что художественный образ развивался в стихотворении от экспрессивно-эмоциональной окрашенности к акцентированию эмоционально-психологического состояния.

Список источников / References

1. Аношкина-Касаткина, В.Н. (2014). Сиротский мотив в поэме М.Ю. Лермонтова "Мцыри" (об итогах творчества поэта). *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*, 3, 101—109.
Anoshkina-Kasatkina, V.N. (2014). The orphan motif in M.Y. Lermontov's poem "Mtsyri" (about the results of the poet's work). *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*, 3, 101—109. (In Russ.).
2. Виноградов, Г.С. (1941). Произведения Лермонтова в народно-поэтическом обиходе. *М.Ю. Лермонтов*. М.: Изд-во АН СССР.
Vinogradov G.S. (1941). Lermontov's works in folk-poetic usage. *M.Y. Lermontov*. (In Russ.).
3. Гуревич, А.М. (1964). Проблема нравственного идеала в лирике Лермонтова. *Творчество М.Ю. Лермонтова: 150 лет со дня рождения, 1814—1964*. М.: Наука, 149—171.
Gurevich, A.M. (1964). The problem of the moral ideal in Lermontov's lyrics. *M.Y. Lermontov's creative work: 150 years since his birth, 1814-1964*. Moscow: Nauka, 149—171. (In Russ.).
4. Максимов, Д.Е. (1964). Поэзия Лермонтова М.; Л.: Наука.
Maximov, D.E. (1964). *Lermontov's Poetry*. Moscow, Leningrad: Nauka. (In Russ.).

Поташова К.А. (2025)
Стихотворение М.Ю. Лермонтова «Соседка» (1840):
текстологическая критика и интерпретация
Язык и текст, 12(3), 48—63.

Potashova K.A. (2025)
Mikhail Lermontov's poem "The Neighbor" (1840):
textual criticism and interpretation
Language and Text, 12(3), 48—63.

5. Маркович, В.М. (1997). О значении незавершенности в прозе Лермонтова. *Пушкин и Лермонтов в истории русской литературы. Статьи разных лет*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 136—156.

Markovich, V.M. (1997). On the meaning of incompleteness in Lermontov's prose. *Pushkin and Lermontov in the history of Russian literature. Articles from different years*. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 136—156 (In Russ.).
6. Гинзбург, Л.Я. (1940). *Творческий путь Лермонтова*. Л.: Худож. лит.

Ginzburg, L.Ya. (1940). *Lermontov's creative path*. Leningrad: Art. lit. (In Russ.).
7. Герштейн, Э.Г. (1985). Об одном лирическом цикле Лермонтова. *Лермонтовский сборник*. Л.: Наука, 131—151.

Gerstein, E.G. (1985). About a lyrical cycle by Lermontov. *Lermontov collection*. Leningrad: Nauka, 131—151. (In Russ.).
8. Гулин, А.В. (2023). Небесный ангел Михаила Лермонтова (Духовный опыт как творческая категория). *Два века русской классики*, 1, 6—35. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-1-6-35>

Gulin, A.V. (2023). Mikhail Lermontov's Heavenly Angel (Spiritual Experience as a creative category). *Two Centuries of Russian Classics*, 1, 6—35. (In Russ.). <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-1-6-35>
9. Добровольский, Д.О., Зализняк, А.А. (2025). Риторический вопрос как коммуникативный акт. *Вопросы языкознания*, 1, 7—35. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2025.1.7-35>

Dobrovolsky, D.O., Zaliznyak, A.A. (2025). The rhetorical question as a communicative act. *Questions of Linguistics*, 1, 7-35. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2025.1.7-35>
10. Киселева, И.А., Поташова, К.А. (2021). Стихотворение М. Ю. Лермонтова "Свиданье" (1841): история текста, архитектоника, смысл. *Проблемы исторической поэтики*, 19 (1), 124—139. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2021.8422>

Kiseleva, I.A., Potashova, K.A. (2021). M.Y. Lermontov's poem "Rendezvous" (1841): the history of the text, architectonics, meaning. *Problems of Historical Poetics*, 19 (1), 124—139. (In Russ.). <https://doi.org/10.15393/j9.art.2021.8422>
11. Киселева, И.А. Поташова, К.А. (2020). Динамическая поэтика стихотворения М.Ю. Лермонтова "Утес". *Проблемы исторической поэтики*, 18 (2), 128—144. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2020.8162>

Kiseleva, I.A., Potashova, K.A. (2020). Dynamic poetics of M.Y. Lermontov's poem "The Cliff". *Problems of Historical Poetics*, 18 (2), 128-144. (In Russ.). <https://doi.org/10.15393/j9.art.2020.8162>
12. Киселева, И.А., Поташова, К.А. (2020). Динамическая поэтика в истории текста стихотворения М. Ю. Лермонтова "Сон". *Проблемы исторической поэтики*, 18 (1), 130—145. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2020.6742>

Поташова К.А. (2025)
Стихотворение М.Ю. Лермонтова «Соседка» (1840):
текстологическая критика и интерпретация
Язык и текст, 12(3), 48—63.

Potashova K.A. (2025)
Mikhail Lermontov's poem "The Neighbor" (1840):
textual criticism and interpretation
Language and Text, 12(3), 48—63.

Kiseleva, I.A., Potashova, K.A. (2020). Dynamic poetics in the history of the text of M.Y. Lermontov's poem "Dream". *Problems of Historical Poetics*, 18 (1), 130—145. (In Russ.).
<https://doi.org/10.15393/j9.art.2020.6742>

13. Падучева, Е.В. (2010). *Высказывание и его соотносительность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений)*. М.: Изд-во ЛКИ.

Paducheva, E.V. (2010). *The utterance and its correlation with reality (Referential aspects of the semantics of pronouns)*. Moscow: LKI Publishing House. (In Russ.).

14. Поташова, К.А. (2021). *Традиции и новаторство русской литературы конца XVIII – первой трети XIX века в аспекте усвоения опыта живописи*. М.: ФЛИНТА.

Potashova, K.A. (2021) *Traditions and innovation of Russian literature at the end of the XVIII – first third of the XIX century in the aspect of assimilation of the experience of painting*. Moscow: FLINTA. (In Russ.).

15. Смирнов, А.А. (2014). Символика романтической мечты в поэзии М.Ю. Лермонтова. *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*, 2, 39—47.

Smirnov, A.A. (2014). The symbolism of romantic dreams in the poetry of M.Y. Lermontov. *Bulletin of the Moscow University. Series 9: Philology*, 2, 39—47. (In Russ.).

16. Эйхенбаум, Б.М. (1924). *М. Лермонтов: Опыт историко-литературной оценки*. Л.: Гос. изд-во.

Eikhenbaum, B.M. (1924). *M. Lermontov: The experience of historical and literary assessment*. Leningrad: State Publishing House. (In Russ.).

Информация об авторе

Ксения Алексеевна Поташова, доктор филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, факультет русской филологии, Государственный университет просвещения (ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-3790-6183>, e-mail: kseniaslovo@yandex.ru

Information about the author

Ksenia A. Potashova, Doctor of Science (Philology), Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Russian Philology, State University of Enlightenment, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-3790-6183>, e-mail: kseniaslovo@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.08.2025
Поступила после рецензирования 28.08.2025
Принята к публикации 10.09.2025
Опубликована 25.09.2025

Received 2025.08.01
Revised 2025.08.28
Accepted 2025.09.10
Published 2025.09.25

Чувственное восприятие как способ создания образа в повести Пантелеймона Романова «Детство»

И.В. Сотникова✉

Государственный университет просвещения, Москва, Российская Федерация

✉ irensot14@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. В связи с возросшим интересом к творчеству недооценённого ранее Пантелеймона Романова, представителя лирико-психологической прозы, оказываются актуальны дальнейшие исследования художественного метода писателя. В контексте углублённого рассмотрения способов создания пространства в художественном произведении становится значимым изучение такого авторского приёма как чувственное отражение образа в сознании героя и читателя. **Цель.** Изучение чувственного восприятия образа как одного из приёмов художественного метода Пантелеймона Романова на примере повести «Детство». **Гипотеза.** В ольфакторное пространство «Детства» П. Романов заложил ценностное отношение. Писатель на уровне запаха изображает духовный путь героя, его нравственный выбор. Развитие ольфакторного пространства является способом раскрытия психологизма героя. Создание ольфакторного, осязательного, вкусового пространств вокруг объекта описания является одним из значимых художественных методов в повести «Детство». Воздействие на органы чувств при создании художественного образа позволяет автору быть лаконичным, не теряя при этом выразительности, а также добиваться более глубокого погружения читателя в художественное пространство. **Методы и материалы.** В исследовании были использованы биографический (для изучения связи физиологических особенностей писателя с реализуемыми им приёмами создания образа), описательно-функциональный (с целью изучения чувственно воспринимаемого образа как элемента художественного мира) и психологический (рассмотрение художественного образа через выявление психических процессов (эмоций, ассоциаций) в сознании автора и читателя) методы. Материалом для исследования выступает повесть Пантелеймона Романова «Детство» (1926) и архивные данные РГАЛИ. **Результаты.** Результатом исследования становится подтверждение мысли о том, что использование чувственного восприятия при создании образа является важным приёмом при описании пространства, позволяет П. Романову добиться яркости, зримости образа. Чувственное пространство становится способом

раскрытия психологизма героя, а также связующим элементом между произведением и читателем. **Выводы.** Обращение П. Романова к чувственному восприятию образа становится отличительной особенностью художественного метода автора при создании пространства и отражении внутреннего мира героев повести «Детство». Использование приемов, основанных на обонятельных, осязательных и вкусовых рецепторах, позволило П. Романову создать яркие художественные образы, близкие широкому кругу читателей. Это не только оживило само произведение, но и увеличило его художественную достоверность, а писателю позволило быть кратким, немногословным.

Ключевые слова: чувственное восприятие, ароматические оппозиции, ольфакторное пространство, ольфакторные, осязательные и вкусовые образы, ароматический ореол образа, художественный метод

Для цитирования: Сотникова, И.В. (2025). Чувственное восприятие как способ создания образа в повести Пантелеймона Романова «Детство». *Язык и текст*, 12(3), 64—76. <https://doi.org/10.17759/langt.2025120306>

Sensory perception as a way of creating an image in the story "Childhood" by Panteleimon Romanov

I. V. Sotnikova¹✉

¹ Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

✉ irensot14@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. Due to the increased interest in the work of the previously underestimated Panteleimon Romanov, a representative of lyrical and psychological prose, further research of the writer's artistic method is relevant. In the context of an in-depth consideration of ways of creating space in a work of art, it becomes significant to study such an author's technique as a sensual reflection of the image in the minds of the hero and the reader. **Goal.** The study of the sensory perception of an image as one of the techniques of the artistic method of Panteleimon Romanov on the example of the story "Childhood". **Hypothesis.** The impact on the senses when creating an artistic image allows the author to be concise, without losing expressiveness, as well as to achieve a deeper immersion of the reader in space. **Methods and materials.** The study used biographical (to study the connection between the physiological characteristics of the writer and the techniques of image creation implemented by him), descriptive-functional (to study the sensually perceived image as an element of the artistic world) and psychological (consideration of the artistic image through the identification of mental processes (emotions, associations) in the minds of the author and the reader) methods. The research is based on Panteleimon Romanov's novella "Childhood" (1928) and archival data of the Russian State Institute of Physics and Technology. **Results.** The result of the research is the confirmation of the idea that the use of sensory perception in creating an image is an important technique in describing space, which allows P. Romanov to achieve brightness and visibility of the image. Sensory space

becomes a way to reveal the hero's psychology, as well as a connecting element between the work and the reader. **Conclusions.** P. Romanov's appeal to the sensory perception of the image becomes a distinctive feature of the author's artistic method in creating space and reflecting the inner world of the heroes of the story "Childhood". The use of techniques based on olfactory, tactile and taste receptors allowed P. Romanov to create vivid artistic images that are close to a wide range of readers. This not only enlivened the work itself, but also increased its artistic authenticity, and allowed the writer to be brief and laconic.

Keywords: sensory perception, aromatic oppositions, olfactory space, olfactory, tactile, and gustatory images, aromatic halo of the image, artistic method

For citation: Sotnikova, I.V. (2025). Sensory perception as a way of creating an image in the story "Childhood" by Panteleimon Romanov. *Language and Text*, 12(3), 64—76. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2025120306>

Введение

Проведение анализа ольфакторных, осязательных и вкусовых образов в повести Пантелеймона Романова «Детство» позволит выявить особенности художественного метода автора. Проблема вербализации запахов и других чувственных восприятий в художественной литературе является одним из актуальных направлений современного литературоведения. Многие исследователи, как и автор настоящей работы, отмечают, что запахи в тексте выступают в качестве средства художественной выразительности, помогают понять глубинные смыслы произведения, часто имеют символическое значение. Зыховская Н.Л. в своей диссертации анализирует запахи как пространство, где соединяется духовное и материальное (Зыховская, 2016). Она отмечает, что мир запахов в русской литературе выступает как способ постижения духовности человека. Бельская А.А. рассматривает запахи в контексте женских образов в прозе И. Тургенева и обозначает запахи как важное изобразительно-выразительное средство, которое служит характеристике героинь, обогащает положительные или негативные оценки автора, воздействует на чувства читателя, инициирует ассоциации, вносит в текст метафорический или символический смысл (Бельская, 2017). Головачёва А.Г. анализирует художественное пространство повести «Степь» и рассказа «Ионыч» А.П. Чехова, взяв в качестве точки отсчета одорический образ (Головачёва, 2013). Исследователь разделяет топос на ряд локусов, с присущим каждому запахом. Она приходит к выводу, что одорические образы образуют систему, в которой происходят пространственные перемещения героев, что помогает глубже понять метаморфозы в поведении героев. Важной для настоящего исследования является работа Карасёва Л.В., в которой запахи и звуки рассматриваются как выразительный приём воздействия на читателя (Карасёв, 2013). Автор отмечает, что Чехов часто соединяет запахи и что-либо зримое, слышимое и осязаемое, а также дает частый акцент именно на двух запахах сразу. Карасёв Л.В. также обосновывает выбор Чехова. По Карасёву, упоминание двух заметно отличающихся друг от друга запахов делает пространственную картину объемной при минимуме изобразительных средств. Ануфриева А.А., также исследуя прозу Чехова, приходит к выводу, что запахи могут создавать сюжетное напряжение, как в рассказе-анекдоте «На гвозде», то есть запахи способны создавать динамику и выполнять сюжетную функцию (Ануфриева, 2024).

Как и в работах упомянутых исследователей, автор настоящей работы опирается на понимание чувственного восприятия как элемента символического, позволяющего понять скрытые от поверхностного взгляда смыслы произведения. Однако в приведённой работе представлено подробное исследование чувственного значения восприятия в повести Пантелеймона Романова «Детство», а также упоминаются физиологические возможности самого писателя Романова и его пристальное внимание к осязанию, обонянию, вкусу. Также автор настоящего исследования опирается в работе на созданные Романовым ароматические оппозиции как способ создания атмосферы художественного пространства.

Гипотезу исследования составляет предположение о том, что художественное пространство произведения можно проанализировать, выбрав в качестве точки отсчёта такой элемент поэтики, как ольфакторные, вкусовые и осязательные образы. Дополнительной гипотезой является мысль, что чувственно воспринимаемый образ становится символом, связанным с глубинным смыслом произведения. Цель исследования – рассмотрение чувственно воспринимаемых образов в повести П. Романова «Детство» в качестве элементов создания художественного пространства.

Материалы и методы

В работе использован текст повести Пантелеймона Романова «Детство», а также биографические факты, взятые из архивных материалов (РГАЛИ. Фонд 1281). Методологию исследования составили:

1. Описательно-функциональный метод – анализ художественных деталей с учетом их функций, роли в раскрытии смысла произведения и в создании пространства;
2. Психологический метод – рассмотрение художественного образа через выявление психических процессов (эмоций, ассоциаций) в сознании автора и читателя;
3. Биографический метод – анализ элементов произведения с учетом физиологических особенностей писателя и с опорой на архивные данные о его (писателя) методике работы.

С каждым годом все большее количество людей открывает для себя имя талантливого классика русской литературы, мастера художественного слова, чьими произведениями зачитывались в 20-30-х годы прошлого столетия. А после 1938 года имя Пантелеймона Романова подверглось искусственному забвению. И только в период перестройки, гласности были сняты многие запреты. Именно тогда читатель получил возможность познакомиться с этим писателем.

Одним из самых известных произведений Пантелеймона Романова является повесть «Детство», в которой герой вспоминает свою жизнь в традиционной патриархальной России и осознаёт жизненный путь от безгрешного детства к искушениям отрочества.

Писатель, широко известный при жизни не только в России, но и за ее пределами, проводил собственные исследования закономерностей художественного текста. Самыми важными для Пантелеймона Романова были исследования «Постановка зрения. Метод творческого развития» (РГАЛИ. Фонд 1281. Оп. 1. Ед. хр. 65–72) и «Наука зрения», которые так и остались незавершенными. «Наука зрения» была частично опубликована в издательстве «Совпадение» в 2007 году со вступительной статьей С.С. Никоненко. В книге отмечалось (Романов, 2007, с. 304), что «Наука зрения» публикуется по одному из нескольких вариантов рукописи писателя.

Одним из главных принципов художественного метода П. Романова было напоминание. Писатель считал, что для изображения нужно брать не исключительные вещи, а непременно то, что всем хорошо знакомо. В одном из своих исследований он писал: «...Главная тайна творческого изображения заключена не в умении хорошо, стилистически красиво обрисовать любой предмет, — она заключена в умении находить вещи, имеющие прочное, при определенных условиях, существование» (РГАЛИ. Фонд 1281. Оп. 1. Ед. хр.68. Л. 10). Только в этом случае читатель, если ему намекнуть на данную общеизвестную черту, сможет вспомнить весь предмет и все свои ощущения, связанные с ним. П. Романов акцентирует внимание на этих «намёках». Писатель вывел собственные приемы воздействия на органы чувств читателя и использовал это при создании художественного образа.

Стоит отметить, что П. Романов имел физический недостаток (отсутствие барабанных перепонок), который повлиял на его мировоззрение и творчество в целом. Его слух никак нельзя было назвать стопроцентным (по этой причине П. Романов не подлежал мобилизации ни на империалистическую, ни на гражданскую войны), хотя он играл на музыкальных инструментах, серьезно занимался вокалом, был великолепным исполнителем своих произведений. По мнению врачей, такие случаи имеют место в медицинской практике. Данные пациенты слышат. Они имеют так называемый «костный» слух. Колебания воздуха передаются через кость. У этих людей развивается внутренний слух. Как, например, у гениального, глухого от рождения, композитора Й.С. Баха. Как правило, по принципу компенсации у таких людей в большей степени развиты другие органы чувств. Я полагаю, что этим объясняется первая причина активного использования органов чувств в качестве приемов художественной выразительности. Второй является то, что П. Романов со школьной скамьи начал работать со словом, пытаясь научиться писать, как классики. Внимательно анализируя их тексты, он приходит к выявлению законов написания произведений: «...Я, к удивлению своему, в самом тексте нашел ключи к тому, чего тщетно искал. В течение пятнадцати лет я, шаг за шагом, проникал в эту темную среду. Я увидел, что так называемый талант отличается тем, что в каждом своем шаге сознательно или бессознательно выполняет тот или иной закон. Таким образом, творчество вовсе не является зыбкой, не поддающейся исследованию почвой, а, наоборот, от начала до конца подчинено вполне определенным законам, которые мы можем исследовать» (РГАЛИ. Фонд 1281. Оп.1. Ед.хр.69 л.1).

Особое внимание П. Романов уделял запахам как эффективному средству художественной выразительности. Все «Детство» построено на этом приеме. Запах трудно описать. Но человеческая память хранит определенные ассоциации, связанные с ним. Если он хорошо знаком, то писатель дает лишь его название: «душистое, свежее сено» (Романов, 1991, с. 139), «запах зрелого яблока» (Романов, 1991, с. 139), «пахнет морозом и дымом от затопленных печей» (Романов, 1991, с. 17) и т. д. Можно отметить, что одним из способов введения аромата как художественной подробности становится создание ароматических оппозиций: автор использует либо начальный и конечный запахи, чтобы передать многоэтапность процесса, либо противопоставляет определённые запахи, чтобы создать сложную образную систему.

Так как представление о запахах у большинства людей заложено в памяти на уровне образных ассоциаций, то задача писателя сводится к тому, чтобы лишь намекнуть, напомнить (с помощью «фокусных точек»). Далее читатель сам вспоминает условия возникновения аромата. Воображение создает необходимую картину. П. Романов отмечал: «Если читатель увидит картину, какую Вы нарисовали, то ему даже не нужно подсказывать чувство. Оно само появится у него» (РГАЛИ. Фонд 1281. Оп.1. Ед.хр.94 л.2). П. Романов использовал эти

ольфакторные включения (по Зыховской Н.Л., ольфакторный – «имеющий отношение к обонянию, восприятию запахов» (Зыховская, 2015, с. 85)), чтобы текст продолжался в ассоциативном восприятии читателя. Так автор сможет быть кратким, не упуская образности текста: «На пчельнике запахло дымом. Никифор в сетке, с большим ножом в руках, возится около ульев и достает к медовому спасу тяжелые рамки нового душистого меда» (Романов, 1991, с. 124). Всего два предложения, содержащие авторский способ акцентных художественных деталей – ароматических подробностей, заменяют длинное описание подготовки к забору меда и самого процесса. Пчеловоды используют дым при заборе меда, чтобы отпугнуть пчёл. Аромат дыма выступает стартовой «фокусной точкой» для передачи длительного процесса. Конечной точкой становится аромат меда, ассоциированный с образом православного праздника и знакомыми герою пейзажами. Стоит заметить, что запахи резко контрастируют между собой: запах дыма и запах душистого меда. Именно два сильно отличающихся запаха дают изображению объёмность и зримость при максимальной краткости.

Для того чтобы выразить менее знакомый запах, П. Романов поступает наоборот: он даёт условия, его вызывающие (с помощью «фокусных точек»), а далее у читателя подключаются память и воображение: «На дворе все побелело – крыши, навесы конюшни, сруб колодца, – всё покрылось свежим, пухлым слоем молодого снега. Висячие ветки березы перед окном, все осыпанные блестящим белым инеем, пригнулись еще больше книзу под его тяжестью. В комнатах стало по-зимнему светло, а от рам по-новому пахло зимой» (Романов, 1991, с. 15–16). Сложный, многокомпонентный запах зимы передан с помощью акцентов: свежести выпавшего снега, колкости морозного воздуха, который покрывает деревья инеем, и запаха вторых деревянных оконных рам, вставляемых на зиму. Через ряд ароматических подробностей создаётся образ зимнего обновления, свежести, нового этапа календарного года, отчего следует выделять ароматический ореол образа зимы.

Запах у П. Романова может передавать радость от полноты жизни, вкуса, молодости: «Подойдешь, пороешься, выберешь самое зрелое яблоко, обнюхаешь его со всех сторон и начинаешь есть с того места, где оно сильнее пахнет» (Романов, 1991, с. 138–139). Пребывая в таком состоянии, юный герой постоянно бегает «то в сад, то в подвал, чтобы принюхаться к свежему аромату только что снятых и сложенных яблок» (Романов, 1991, с. 139).

Надо отметить, что у П. Романова обоняние чаще всего используется не само по себе, а оно переплетено с другими органами чувств. В данном примере акцентируется внимание на зрении и можно даже сказать осязании (признак «пухлый» (о снеге) помимо зрительного имеет еще и осязательный оттенок). Общая функция использования различных ароматов, встречающихся в повести, – создание нужного образа или усиление впечатления от нарисованной картины. Запах является связующим элементом между авторским текстом и сознанием читателя.

Например, в двадцатой главе «Детства» дополняется утренний пейзаж: «И в лицо на шибкой рыси потянет медовым запахом луговых трав и ветерком летнего, почти безоблачного утра» (Романов, 1991, с. 89). Аромат летнего утра состоит из медовых, травянистых и влажно-свежих нот. Герой ощущает аромат, проносясь по лугу ранним утром. Последовательное введение компонентов утреннего запаха усиливает динамизм сцены и восторг героя.

Вернемся к тезису об использовании П. Романовым ароматических оппозиций с целью передачи образной системы художественного произведения. Ярким примером такому выступает созданное ольфакторное пространство чердака: «Мы взобрались по узенькой

крутой лестнице, на которой всегда пахнет голубями и кошками» (Романов, 1991, с. 79). Запах «голубей и кошек» ассоциирован с заброшенностью, с нежилым помещением, где хранятся ненужные в хозяйстве вещи. Это ярко контрастирует с общим запахом дома, в котором обычно пахнет едой, теплом, жизнью. Так акцент на чердачном запахе призван противопоставить заброшенность - уюту, пустоту – динамике жизни. Мы видим, что образы оказываются в оппозиции на уровне запаха, то есть автор противопоставляет не только сами помещения, но и их ароматические ореолы.

Условно запахи, встречающиеся в «Детстве», можно разделить на две категории: предметный и непредметный мир. Первый делится на принадлежащие живой природе (луговые травы, цветы, деревья, животные и птицы) и неживой (белье, мебель, предметы быта, материалы). Рассмотрим принадлежащий к последней группе «запах дома» (Романов, 1991, с. 37). Помимо вышеупомянутой функции художественной выразительности добавляется еще и символичность значения. Дом воспринимается главным героем как защита, крепость, где все отлажено, понятно и знакомо. «Милый, милый дом» (Романов, 1991, с. 141) – с такой нежностью думает о нем юный герой. Запах дома несет оттенок патриархальности, консервативности. Герою не хочется его покидать. Со щемящей тоской он наслаждается ароматами сирени и жасмина, которые передают «всю прелесть и роскошь летних утр, майских теплых вечеров» (Романов, 1991, с. 146).

Дом словно выправляет то греховное, наносное (общение с деревенским Васькой), которое привносится из пространства за его пределами, и то, что появляется в мальчике по мере взросления. Избавиться от состояния тяжести в душе, греховности помогает церковная жизнь, которая организует уклад дома, выстроенный в соответствии с крупными церковными праздниками и постами: «Когда наступали праздники и мы ходили причащаться и чувствовали себя безгрешными, это чувство было так хорошо, что я подумал: должно быть, мы стали святыми» (Романов, 1991, с. 76).

Кроме церкви, очищению способствует и баня с ее запахом «нагревшейся смолы» (Романов, 1991, с. 36). Хвоя очищает негатив на ментальном уровне. Стоит заметить, что после очищения в бане юный герой, возвращаясь в состояние безгрешности, может со всей полнотой почувствовать запах дома, получающий символическое значение. И этот аромат ему приятен: «Придя домой, я долго ходил и принюхивался к странному, приятному после бани запаху дома» (Романов, 1991, с. 37). У П. Романова в «Детстве» дом (двор тоже относится к образу дома) пахнет «дымом от затопленных печей» (Романов, 1991, с. 17) или на масленичной неделе «блинным чадом» (Романов, 1991, с. 65).

После бани (физического очищения) акцент делается на том, что дым, который является запахом дома, теперь смешивается с запахом свежести и начинает пахнуть «по-новому». Этот аромат приятен герою: «хорошо пахнет» (Романов, 1991, с. 17). Помимо элемента художественной выразительности текста, открывается новое понимание смысла произведения: в состоянии душевной чистоты (в воздухе пахнет свежестью, морозом) герой острее чувствует связь с домом. Аромат дома ему приятен. Он дарит спокойствие и защиту.

Ароматы непредметного мира — это то, что нельзя потрогать, можно только почувствовать (запахи зимы, весны, мороза, утренней прохлады, дыма). Для них еще в большей степени характерна символичность. Старшие братья и сестры, приехав на каникулы, привносят с собой элементы другой, незнакомой малышам жизни. Младшие дети «стали обнюхивать углы чемодана, от которого приятно пахло какой-то новизной» (Романов, 1991, с. 27). Такой же аромат был и раньше: «Помнишь, нам в прошлом году привезли подарки из Москвы: от них

точь-в-точь так же пахло» (Романов, 1991, с. 27). Аромат новизны ассоциируется с подарками из Москвы, поэтому у юного героя он вызывает радость, восторг. Первоначально аромат новизны манил главного героя своей загадочностью, подарками, ощущением, что в Москве старшие братья и сестры постоянно пребывают в состоянии счастья, «предвкушением новизны и приближением к миру больших» (Романов, 1991, с. 143). Но в дальнейшем он, как признак незнакомой взрослой жизни, приобретает оттенок «страха, печали, - оттого, что в первый раз приходится покидать родной дом, где было так хорошо» (Романов, 1991, с. 143).

Запах дома вобрал в себя аромат старины: «В буфетных ящиках всегда держится какой-то особенный, приятный запах. Когда приезжаешь после долгого отсутствия иходишь в дом, то, прежде всего с радостью чувствуешь этот буфетный запах. Пахнет чем-то старинным – давно лежащей там ванилью в пожелтевшей бумажке, чаем и еще чем-то удивительно приятным...» (Романов, 1991, с. 70). Этот аромат старины сопряжен с преемственностью традиций, с патриархальным укладом жизни в доме героя.

Нельзя оставить без внимания запах свежести. У него может быть уже знакомая нам функция «напоминания» в пейзажной зарисовке: «...Сидишь, прислушиваешься ко всем утренним звукам, вдыхаешь аромат свежести и росы» (Романов, 1991, с. 88). Аромат свежести чаще подмечается героем в детские годы (в начале повести), когда у него было меньше грехов. По мере взросления, при переходе из детства в отрочество (а время, описанное в «Детстве» – девять месяцев, выбрано неслучайно: столько созревает дитя в утробе матери и потому столько длится переход от безмятежного детства к отрочеству героя), запах свежести возникает только в период избавления от грехов, когда возвращается состояние безмятежной легкости и беспричинного счастья. А далее этот же запах свежести станет выполнять роль символа: «В саду так хорошо, стоит аромат яблоневого цвета, сырой земли, так напоено все весенней свежестью и радостью, что, если бы я не очистился от грехов, мне не было бы здесь места» (Романов, 1991, с. 80). Запах свежести ассоциирован с природой. Именно соприкосновение с ней дарит чистоту, выправляя человека: «Как хорошо небо после грозы, как хорош освеженный воздух и как чиста душа, как будто омылись все грехи, все дурное, что накопилось в ней за душный летний день» (Романов, 1991, с. 106). Надо отметить, что этот приятный герою запах свежести будет сопровождать его на протяжении всего произведения. К нему он будет так стремиться. Юный герой понимал, что «зло и грех постепенно омрачают всю радость жизни», делают человека «недостойным и неспособным с открытой душой наслаждаться всей прелестью мира божьего» (Романов, 1991, с. 106). Символично, что запах свежести появится в Великую субботу перед Пасхой (за время Великого поста произошло очищение человека): «Свежеющий воздух был чист, темнеющее небо ясно, а на душе так же счастливо и чисто, как в этом глубоком и высоком небе» (Романов, 1991, с. 72). Запах свежести возникнет и в Троицын день. Утро в этот праздник «было свежее» (Романов, 1991, с. 109). Свежесть будет появляться и во время молитвы. В молитве происходит воссоединение с Богом, а, значит, очищение: «Дядюшка только что умылся свежей ключевой водой и молился в зале у раскрытого в сад окна, - оттуда тянуло утренней прохладой» (Романов, 1991, с. 82). Интересно отметить, что пространство свежести окутывает человека во время молитвы. Он молится, значит, очищается, и свежесть доносится из раскрытого окна, из природы, так как соприкосновение с ней дарит чистоту.

Запах свежести сопровождает не только пейзажные зарисовки и состояния духовных исканий, но и после бани: «...Свежий морозный воздух как-то особенно хорошо пахнул после горьковатого банного духа» (Романов, 1991, с. 37). На Троицу в доме будет стоять запах

«свежескошенной травы», так как здесь живут люди воцерковленные, почитающие Бога: «Ходишь по комнатам и принимаешься к ее (березы) свежему запаху» (Романов, 1991, с. 110).

Безусловно, запах свежести будет и в церкви на праздник Святой Троицы: «...Стоит тот же приятный запах свежескошенной травы, березовых веток и кадильного дыма» (Романов, 1991, с. 110). Здесь акцент на фокусных точках – запахах травы, березовых веток и кадильного дыма. Запахи травы и веток образуют единый аромат, с которым контрастирует запах кадильного дыма. Такой прием, по наблюдениям Карасева Л.В., часто встречается у А.П. Чехова, использующего обычно не более двух контрастных запахов (Карасев, 2013, с. 147). А если запахов три, то, как правило, два из них смешиваются. Этот прием помогает дать более объемное изображение и моментально «напоминает» известный православный праздник и ощущения героя в этот день.

Обобщим рассмотренные примеры и составим систему запахов в произведении. В «Детстве» можно выделить три самых ярких запаха: запах свежести и травы (часто даются вместе как единый запах), запах меда и запах дыма. Так, запах травы и свежести ассоциируется с природным духом. Это пространство рая и Бога, где юный герой чувствует себя безгрешным, все лучшее и духовно чистое он черпает из этого запаха. И к нему всегда стремится: «Мы летаем от одной копны к другой и с разбегу бросаемся в душистое, свежее сено и тонем в нем» (Романов, 1991, с. 122). Так как это пространство связано с безгрешным состоянием героя и является нравственно очищающим, совершенным, потому что здесь нет людей с их страстями и грехами, то мы можем сделать вывод, что природа вокруг дома должна восприниматься как рай. Он может быть уничтожен человеческими грехами. Это и в буквальном смысле варварское разрушение природы: «избиение воробьев, лягушек» (Романов, 1991, с. 106) и в то же время потеря благостного состояния за счет душевной нечистоты.

Запах меда — это производное от запаха травы. Мед ассоциирован со сладостью жизни, с истинной чистой, безгрешной жизнью, с самыми яркими проявлениями блаженства. Например, он присутствует в райской природе в виде «запахов каши и цветущей медовой гречихи» (Романов, 1991, с. 13), в виде обсыпанных «желтой медовой пылью» сережек раkit (Романов, 1991, с. 80), в виде «свежего запаха первых яблок» (здесь запах свежести накладывается на запах меда), когда достают рамки душистого меда на пчельнике или выпивают рюмку медовухи в праздник и в других примерах.

Пространство дома ассоциировано с пространством дыма, блинного чада, что равнит его с пространством церкви, где пахнет кадильным дымом и запахом травы. Запах травы, переплетающийся с запахом березовых веток, — это райская природа. А дым становится символом жизни и труда, символом действий человека во славу Бога. Люди окуривают кадильным дымом пространство церкви. Так показан молитвенный труд в доме Бога. И такое же окуривание происходит в доме во время работы, когда топят печи или что-то готовится. Это запах труда, праведной человеческой жизни, угодной Богу. Такая жизнь сосредоточена в доме с патриархальным укладом. Дым в доме и кадильный дым в церкви можно рассмотреть и как нематериальное пространство, где идет духовная борьба человека со своими страстями. Дым на пчельнике — это символ жизни в труде у пчел. Образ дыма выступает соединяющим звеном между пространством Бога и пространством людей. Здесь люди соприкасаются с Богом. Так мы приходим к выводу, что патриархальный дом в повести Пантелеймона Романова «Детство» на уровне запаха и ассоциаций равен пространству церкви, т.е.

богоугодному дому. Пространства дома и церкви оказываются родственными пространствами.

Рассмотренные ранее дым на пчельнике и сбор душистого мёда тоже оказываются источниками к пониманию глубинного смысла произведения. От травы, которая ассоциирована с природой, с пространством рая, через труд, т. е. через дым, человек получает сладость жизни — мед. Нужно отметить, что смола (например, так пахнет в бане) — это квинтэссенция травяного духа, мед в какой-то степени тоже проявление травяного духа.

Очевидно, что Пантелеймон Романов трижды выдает схожую схему. В пространстве дома дым ассоциирован с трудом, а так как дом с патриархальным укладом, с русскими традициями почитания Бога, то труд еще воспринимается и как духовная работа над грехами. В церкви кадильный дым — это молитвенный труд и опять же духовная работа над грехами. Пчельник, где находятся ульи с медом, — это пространство пчел — Божьих тружеников. Здесь образ дыма передает мысль, что создание меда — дело богоугодное. Дым происходит от бесконечного богоугодного труда. Дым — это приготовление пищи (дом), молитва (церковь) и сбор урожая (пчельник). Дым, чад, кадильный дым — это праведный труд в пространстве рая (в природе и в патриархальном доме, где почитают Бога). Они связаны с богоугодным трудом, трудом праведной жизни. Такой праведный труд приносит прекрасные результаты — сладость жизни. Она ассоциирована с медом. Мед — это высшее проявление райской жизни. От природы исходит запах свежести, соприкосновение с природой очищает человека. Поэтому мальчик интуитивно старается больше бывать на природе: его манит все настоящее — природное. Например, аромат снятых яблок.

Таким образом, П. Романов в повести «Детство» часто выводит на уровень запаха отношение героя к жизни, обстановке, событиям. Он открывает для себя ольфакторное пространство как способ раскрытия психологизма героя.

П. Романов не мог не использовать при создании художественного текста и приемов, построенных на осязательных рецепторах: «...На деревне еще тишина, прохладная утренняя тень и обильная роса, которая держится даже на железных обручах водовозок, стоящих под ракетами» (Романов, 1991, с. 88). Цель использования такая же, как и у ранее упомянутых органов чувств — создание яркого зримого образа, вызывающего у читателя собственные ассоциации, что также увеличивает художественную достоверность текста, так как тогда читатель начинает верить не писателю, а самому себе. В этом случае опять «срабатывает» романовское «напоминание». В качестве примера рассмотрим, как дети чистили миндаль: «...Приятны его гладкие белые зерна. Его сначала обольют кипятком, чтобы отстала кожица, потом надавишь двумя пальцами, и миндалина выскакивает из отставшей шкурки. Через пять минут кончики пальцев, промывшиеся в теплой воде, стали у нас чистые и сморщенные, как из бани» (Романов, 1991, с. 71–72). Как правило, у автора «осязательные приемы» используются в сочетании с привлечением других органов чувств: «И шершавый ноздреватый ледок слышнее захрустел под ногами в тихом вечернем воздухе» (Романов, 1991, с. 72) (осязание и слух). В описании летнего полдня переплелись обоняние, осязание, слух и зрение: «...Вся природа разомлела от жары, от душного аромата вянущих трав, от раскалившихся замолкших дорог с пышной, горячей пылью, которую иногда подхватывают и крутят вихри. Даже в тени под деревьями нет прохлады, трава суха и в ней нет влаги». (Романов, 1991, с. 92). Сочетание в ореоле образа двух и более элементов чувственного восприятия позволяет добиться объёмности, выпуклости, насыщенности самого образа. Предмет или топос

становится более осязаемым, потому что начинает существовать в восприятии читателя сразу в нескольких пространствах, не только на уровне осязания или зримости.

В «Детстве» П. Романов обращается и к вкусовым рецепторам. Иногда это единичное упоминание: «...Под кустами лугового ивняка поставлены принесенные кувшины с кислым квасом, заткнутые сверху полотенцем или лопухом» (Романов, 1991, с. 122). Но чаще в повести встречается развернутое детальное описание: «В гостиной на большом столе всё время ставят всевозможные закуски в откупоренных с отогнутыми крышечками жестянках, на круглых и на узеньких длинных тарелках нарезанная кружочками копченая и вареная колбаса, огромный кусок сочного маслянистого сыра, красные, красиво наложенные краешками один на другой, ломтики семги, окорок ветчины и стопочка маленьких тарелочек» (Романов, 1991, с. 49). Романов обращается к вкусовым рецепторам, когда пишет о происходящей духовной работе над собой. В традиционном патриархальном укладе России заложено следование церковным традициям. Церковный календарь выступает организующим элементом быта. Например, Романов отмечает, что начало великого поста сразу же отразилось на общей атмосфере дома и трапезе всех членов большой семьи: «К чаю подают уже не сдобный хлеб и сливки, а вазу варенья и сухие баранки. Только и утешает одна халва» (Романов, 1991, с. 67). Обращение к вкусовым и зрительным рецепторам в данном случае активирует в памяти читателя воспоминания православных праздников (Рождества, Пасхи), а также пасхального поста и сбора урожая. Оно помогает читателю глубже погрузиться в прелесть мелкопоместного быта русской усадьбы. В целом же функции употребления данного приема аналогичны тем, которые обусловлены другими органами чувств.

Заключение

Подведем итоги исследования. В результате работы выяснилось, что особенно ярко «Детство» существует на уровне специфических запахов. Они составляют особое пространство, в которое автор заложил ценностное отношение. Существует отдельный мир запахов, который можно четко разделить на определенные ценностные элементы. Пантелеймон Романов на уровне запаха изобразил духовный путь героя, его нравственный выбор, осознание им истоков своей нравственности. Кроме того, развитие ольфакторного пространства является способом раскрытия психологизма героя.

Установлено, что насыщение ореола образа чувственно воспринимаемыми элементами, то есть создание ольфакторного, осязательного, вкусового пространств вокруг объекта описания, является одним из значимых художественных методов в повести «Детство». Так, использование приемов, основанных на обонятельных, осязательных и вкусовых рецепторах, позволило П. Романову создать яркие художественные образы, близкие широкому кругу читателей. Это не только оживило само произведение, но и увеличило его художественную достоверность, а писателю позволило быть кратким, немногословным.

Список источников / References

1. Ануфриева, А.А. (2024). Ольфакторная поэтика А.П. Чехова (проза 80-х гг.). *«Universon»: филология и искусствоведение*, 5(119), 16–18. <https://doi.org/10.32743/UniPhil.2024.119.5.17466>

Сотникова И.В. (2025)
Чувственное восприятие как способ создания образа в
повести Пантелеймона Романова «Детство»
Язык и текст, 12(3), 64—76.

Sotnikova I.V. (2025)
Sensory perception as a way of creating an image in
the story "Childhood" by Panteleimon Romanov
Language and Text, 12(3), 64—76.

- Anufrieva, A.A. (2024). Olfactory poetics of A.P. Chekhov (prose of the 80s). *"Universum": Philology and Art History*, 5(119), 16–18. (In Russ.).
<https://doi.org/10.32743/UniPhil.2024.119.5.17466>
2. Бельская, А.А. (2017). «Новь» И.С. Тургенева: одоропoeтика женских образов романа. *Ученые записки ОГУ. Гуманитарные и социальные науки*, 4(77), 44–54.
Belskaya, A.A. (2017). "Nov" by I.S. Turgenev: odoropoetics of female images of the novel. *OSU Scientific notes. Humanities and social sciences*, 4(77), 44–54. (In Russ.).
3. Бельская, А.А. (2015). «Ольфакторные коды» героинь романов И.С. Тургенева 1850-х годов. *Ученые записки ОГУ. Гуманитарные и социальные науки*, 6, 97–107.
Belskaya, A.A. (2015). "Olfactory Codes" of the heroines of I.S. Turgenev's novels of the 1850s. *OSU Scientific notes. Humanities and social sciences*, 6, 97–107. (In Russ.).
4. Головачева, А.Г. (2013). Поэтика запаха в творчестве А.П. Чехова: от «Степи» к «Ионычу». *Литература в школе*, 10, 17–20.
Golovacheva, A.G. (2013). The poetics of smell in the works of A.P. Chekhov: from "Steppe" to "Ionych". *Literature at school*, 10, 17–20. (In Russ.).
5. Зыховская, Н.Л. (2012). Запах женщины: эволюция ольфакторной темы от древнерусской литературы до 1830-х годов. *Челябинский гуманитарий*, 2(19), 48–52.
Zyhovskaya, N.L. (2012). The smell of a woman: the evolution of an olfactory theme from ancient Russian literature to the 1830s. *Chelyabinsk Humanities*, 2(19), 48–52. (In Russ.).
6. Зыховская, Н.Л. (2016). *Ольфакторий русской прозы XIX века*: дисс. ... докт. филол. наук. Екатеринбург.
Zyhovskaya, N.L. (2016). *Olfactory of Russian prose of the 19th century*: Diss. ... Dr. Sci. (Philology). Yekaterinburg. (In Russ.).
7. Зыховская, Н.Л. (2015). Ностальгия по прошлому через призму ольфакторной образности (на материале русской прозы XIX в.). *Вестник ЧелГУ*, 27 (382), 85–90.
Zyhovskaya, N.L. (2015). Nostalgia for the past through the prism of olfactory imagery (based on the material of Russian prose of the 19th century). *Bulletin of ChelSU*, 27 (382), 85–90. (In Russ.).
8. Карасев, Л.В. (2013). Запахи и звуки у Чехова: власть приема. *Новый мир*, 11, 149–159.
Karasev, L.V. (2013). Smells and sounds in Chekhov: the power of reception, *New world*, 11, 149–159. (In Russ.).
9. РГАЛИ. Фонд 1281. Оп. 1. Ед. хр. 65–72.
RGALI. Fund 1281. Op. 1. Ed. hr. 65–72. (In Russ.).
10. РГАЛИ. Фонд 1281. Оп. 1. Ед.хр. 94.
RGALI. Fund 1281. Op. 1. Ed.hr. 94. (In Russ.).
11. Рогачева, Н.А. (2010). *Ольфакторное пространство русской поэзии конца XIX–XX вв.: проблемы поэтики*. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета.

Сотникова И.В. (2025)
Чувственное восприятие как способ создания образа в
повести Пантелеймона Романова «Детство»
Язык и текст, 12(3), 64—76.

Sotnikova I.V. (2025)
Sensory perception as a way of creating an image in
the story "Childhood" by Panteleimon Romanov
Language and Text, 12(3), 64—76.

Rogacheva, N.A. (2010). *The olfactory space of Russian poetry of the late XIX-XX centuries: problems of poetics*. Tyumen: Publishing House of Tyumen State University. (In Russ.).

12. Романов, Пантелеймон Сергеевич (1884–1938). Наука зрения: [сборник работ] (2007). Москва: Совпадение.

Romanov, Panteleimon Sergeevich (1884-1938). Science of vision: [collection of works] (2007). Moscow: Coincidence. (In Russ.).

13. Романов, П. (1991). Яблоневый цвет. Москва: Советская Россия.

Romanov, P. (1991). The apple blossom. Moscow: Soviet Russia Publ. (In Russ.).

14. Сотникова, И.В. (2009). «Пахнет чем-то старинным...». О повести П.С. Романова «Детство». *Русская речь*, 5, 41–43. <https://doi.org/10.7868/S70000621-8-1>

Sotnikova, I.V. (2009). "It smells like something old...". About the story of P.S. Romanov's "Childhood". *Russian speech*, 5, 41–43. (In Russ.). <https://doi.org/10.7868/S70000621-8-1>

15. Ханинова, Р.М. (2012). Ольфакторное пространство в рассказах Исаака Бабеля. *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*, 2, 178–182.

Khaninova, R.M. (2012). Olfactory space in the stories of Isaac Babel. *Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences*, 2, 178–182. (In Russ.).

Информация об авторе

Ирина Вячеславовна Сотникова, соискатель кафедры русской и зарубежной литературы, факультет русской филологии, Государственный университет просвещения (ГУП), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-4990-5205>, e-mail: irensot14@yandex.ru

Information about the author

Irina V. Sotnikova, Candidate of the Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Russian Philology, Federal State University of Education (SUE), Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-4990-5205>, e-mail: irensot14@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.08.2025
Поступила после рецензирования 28.08.2025
Принята к публикации 10.09.2025
Опубликована 25.09.2025

Received 2025.08.01
Revised 2025.08.28
Accepted 2025.09.10
Published 2025.09.25

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ | WORLD LITERATURE. TEXTOLOGY

Научная статья | Original paper

Художественная специфика семейного дискурса в «Домострое»

М.С. Степанова✉

Сретенская духовная академия, Москва, Российская Федерация

✉ litzma655@gmail.com

Резюме

Контекст и актуальность. В настоящее время все чаще говорят о возрождении традиционных семейных ценностей и укреплении семьи: в семье закладываются основы для жизни отдельного человека, семья – опора всего государства. В этой связи актуальным и важным видится обращение к художественной специфике семейной тематики в литературе Древней Руси, в частности, в «Домострое», представляющем нравоучительный сборник правил и наставлений о жизни семьи. **Цель.** Проанализировать художественные особенности семейного дискурса в «Домострое». **Гипотеза.** Анализ художественной специфики семейного дискурса в сборнике «Домострой» позволит понять аксиологические ориентиры древнерусского книжника в вопросах отношений между супругами, между родителями и детьми. **Методы и материалы.** При анализе использовались следующие методы: дефиниционный метод для определения семантики языковых единиц семейного дискурса в «Домострое»; метод контекстуального анализа для анализа лексического окружения, в котором находятся рассматриваемые языковые единицы; метод описательной поэтики для анализа художественного своеобразия семейного дискурса в «Домострое»; герменевтико-интерпретационный метод для интерпретации текста и художественных особенностей сборника. Исследование проводилось на материале текста «Домостроя». **Результаты.** Результаты показали, что художественное своеобразие семейного дискурса в «Домострое» объективируется принципами христианского символизма и идеализации, антитезы добродетели и греха, системой изобразительных мотивов, эпитетов, метафор и символов. **Выводы.** Показано, что художественная специфика семейного дискурса в «Домострое» обусловлена аксиологическими ориентирами средневекового книжника и его религиозным мировоззрением.

Ключевые слова: древнерусская литература, поэтика, Домострой, семья

Благодарности. Автор благодарит за помощь в сборе данных для исследования И.В. Дергачеву.

Степанова М.С. (2025)
Художественная специфика семейного дискурса в
«Домострое»
Язык и текст, 12(3), 77—85.

Stepanova M.S. (2025)
Artistic specificity of the family discourse in
Domostroy
Language and Text, 12(3), 77—85.

Для цитирования: Степанова, М.С. (2025). Художественная специфика семейного дискурса в «Домострое». *Язык и текст*, 12(3), 77—85. <https://doi.org/10.17759/langt.2025120307>

Artistic specificity of the family discourse in Domostroy

M.S. Stepanova✉

Sretensky Theological Academy, Moscow, Russian Federation

✉ litzma655@gmail.com

Abstract

Context and relevance. Revival of traditional family values and strengthening of the family are in widely discussed nowadays. The family lays the foundation of an individual's life, the family is the backbone of the entire state. In this regard, it seems relevant and important to turn to the artistic specificity of the family topic in the Early Russian literature, in particular, in Domostroy, a set of moral rules and instructions on family life. **Objective.** To analyze the artistic features of the family discourse in Domostroy. **Hypothesis.** The analysis of the artistic specificity of family discourse in Domostroy will be instrumental in understanding axiological guidelines of the Early Russian writer in the context of relations between spouses, between parents and children. **Methods and materials.** The following methods were used in the analysis: definitional method for determining the semantics of linguistic units of the family discourse in Domostroy; the method of contextual analysis for analyzing the lexical environment in which the linguistic units under consideration are located; the method of descriptive poetics for the analysis of the artistic originality of the family discourse in Domostroy; the hermeneutic-interpretative method for interpreting the text and artistic features. The study was conducted on the material of Domostroy. **Results.** The results showed that the artistic originality of the family discourse in Domostroy is caused by the principles of Christian symbolism and idealization, the antithesis of virtue and sin, the system of pictorial motifs, epithets, metaphors and symbols. **Conclusions.** The results showed that the artistic specificity of family discourse in Domostroy is conditioned by the axiological guidelines of the medieval writer and his religious worldview.

Keywords: early Russian literature, poetics, Domostroy, family

Acknowledgements. The author is grateful for assistance in data collection to I.V. Dergacheva.

For citation: Stepanova, M.S. (2025). Artistic specificity of the family discourse in Domostroy. *Language and Text*, 12(3), 77—85. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2025120307>

Введение

Семья играет важнейшую роль в жизни отдельного человека и целого народа. Для определения традиционных семейных ценностей русского народа особую значимость представляет нравоучительный сборник «Домострой» – важнейший источник для анализа семейной тематики в древнерусской книжности, поскольку в нем не просто излагаются мелкие практические рекомендации для жизни семьи, но, по слову Д.С. Лихачева, описывается, «как устроить свой дом так, чтобы в него было “как в рай войти”» (Лихачев, 2000, с. 13–14). В этом контексте актуальным видится рассмотрение художественной специфики семейного дискурса

в «Домострое»; ее анализ позволит определить аксиологию древнерусской семьи, ее духовно-нравственную основу и ориентиры. Ранее художественные особенности, связанные с семейной тематикой в древнерусской литературе, фрагментарно рассматривались в исследованиях В.П. Андриановой-Перетц (Андрианова-Перетц, 1974), в частности в контексте связи «Домостроя» и другого учительного сборника «Измарагд», Д.С. Лихачева (Лихачев, 1979), Д.С. Демина (Демин, 2009), О.А. Туфановой (Туфанова, 2020); художественное своеобразие «Домостроя» рассматривал В.В. Колесов (Колесов, 2007); вопросы семьи в «Домострое» анализировались И.Е. Забелиным (Забелин, 2014), Л.П. Найденовой (Найденова, 1996; Найденова, 2003), В.В. Колесовым (Колесов, 2007), Н.Л. Пушкаревой (Пушкарева, 1989). Исследования художественных особенностей семейного дискурса «Домостроя» ранее не проводилось.

Результаты

Отличительной особенностью средневековой книжности и древнерусского мировосприятия, как известно, является христианский символизм: жизнь земная есть символ, отражение мира небесного; жизнь земная временна и конечна, жизнь после смерти – вечна. Поэтому перед человеком в земной жизни открываются два пути – путь добродетели, ведущий к блаженной жизни в вечности, и путь греха, ведущий к вечным мукам и гибели. Христианский символизм и характерная для него антитеза добродетели и греха нашли отражение в наставлениях «Домостроя». С добродетелью, ведущей к жизни вечной, в сборнике сопряжено «житие по правде» – «аще кто по Бозе живет и по заповедемъ Господнимъ, и по отческому преданию, и по християньскому закону» (Домострой, 2000, с. 148). С грехом, и как следствие, духовной гибелью, связано «неправедное» житие – это жизнь не «по християньскому житию», совершение всякой «неправды и насилия», «блудъ, нечистота, сквернословие и срамословие, клятвопреступление, и ярость, и гневъ, и злопамятство» (Домострой, 2000, с. 146). В сборнике содержатся предостережения, объективируемые посредством гиперболизации и синонимических повторов: «неправедно» творящие «все вкупе будутъ во аде, а зде прокляти <...>, а от Бога не помилованъ, а от народа проклят <...>; своей души на погибель, а дому тщета, и все проклятое, а не благословенное» (Домострой, 2000, с. 146). Такой изобразительный прием, как представляется, можно обозначить термином Д. С. Демина «нагнетательная» образность. Для нее характерно повествование в «усилительно-сдвигающей манере» (Демин, 2009, с. 292): неправедно живущие будут в вечной жизни «во аде» и «зде прокляти» (Домострой, 2000, с. 146), от Бога не помилованы и прокляты от людей; на погибель своей душе и тщета их дому.

Другая художественная особенность «Домостроя», обусловленная христианским символизмом, состоит в том, что для него характерна идеализация: в сборнике отображается «идеал» семейной жизни, «унификация, идеализация и поэтизация быта» (Лихачев, 2000, с. 13–14). На это указывают первые слова сборника – в поучениях излагается, «како по Бозе жити» (Домострой, 2000, с. 118) христианину и его семье; жить следует так, «сей памяти писано» (Домострой, 2000, с. 168), чтобы «воплотить в семье – “малой церкви”, духовные идеалы христианского служения» (Канюк, 2024, с. 193). Схожую мысль высказывал В.В. Колесов: «...непосредственность чувства, искренность и упорное стремление к утверждению нравственного идеала» (Колесов, 2007, с. 305) – главное, что определяло намерения составителя. Как отмечает Ф. И. Буслаев, для древнерусского книжника было характерно возноситься «из скудной действительности старого русского быта в светлую область поэзии», к идеалу. Поэтому в древнерусских памятниках изображался «высший,

идеальный мир» (Буслаев, 1990, с. 263), идеал нравственного совершенства с тем, чтобы удовлетворить духовные потребности человека. Идеализация, по слову Д. С. Лихачева, является одним из художественных методов древнерусской литературы (Лихачев, 1979, с. 89). Стремление к высшему образцу в средневековой литературе обусловлено христианской верой и мировоззрением: достижение идеала есть уподобление Богу, то есть обожение, святость и спасение души (Малков, 2017, с. 16).

Обозначенные тезисы обуславливают другую художественную особенность рассматриваемого сборника. В нем в качестве мотивов – устойчивых повторяющихся идей, «осуществляющих конструктивно-смысловые “сцепления”» в тексте (Тюпа, 2008, с. 54), – выступают фразеологические единства, представляющие собой церковные штампы (Никифоров, 1947, с. 78). К таковым можно отнести «страх Божий», «Страшный суд», «память смертная» и пр. Например: «Аще сего моего писания не внемлете и наказания не послушаете <...>, сами себе ответь дадите въ день *Страшнаго суда*» (Домострой, 2000, с. 116); «...веруй воскресению мертвым и жизни будущаго века, помяни *Страшный судъ*, и воздаяние по деломъ будетъ намъ» (Домострой, 2000, с. 118); «...та вся дела предстанут в день *Страшнаго суда*» (Домострой, 2000, с. 126). С мотивом памяти о Страшном суде в сборнике сопряжены мотивы памяти смертной и страха Божиего: «...*страхъ Божий* всегда имей в сердцахъ своемъ и *память смертную*» (Домострой, 2000, с. 120); «...живи <...>, постоянно ожидая *часа смертного*» (Домострой, 2000, с. 120); «...дочери растутъ, а *страху Божию* и вештвув учатся» (Домострой, 2000, с. 132); «...домочатцевъ своихъ учи *страху Божию*» (Домострой, 2000, с. 138). Для христианского мировоззрения, к которому «принадлежало мировоззрение древнерусского книжника, характерно осмысление жизни через «память смертную и Страшный суд» (Дергачева, 2017, с. 78). Идея богобоязненности представлена в «Домострое» как благоговейное исполнение христианских заповедей, положительно воздействующие на весь образ жизни человека и его семьи. Мотивы памятования о смерти и дне Страшного суда составитель сборника транслирует с той целью, чтобы привести человека и его семью к спасению в жизни вечной, с тем, что спаслось как можно больше людей.

Отношения между мужем и женой в «Домострое» подчинены этикету, «традиции, обычаю, церемониалу» (Лихачев, 1979, с. 80). В художественном плане роль мужа в семье объективируется через глаголы «учити», «наказывати», «вразумляти». Например: «...жену поучающе, тако же и домочадцовъ своихъ наказующе...» (Домострой, 2000, с. 150); «...подобаетъ поучити мужемъ женъ своихъ...» (Домострой, 2000, с. 116), «...[мужу надлежит] свою жену наказывати всякимъ разсужениемъ и учити...» (Домострой, 2000, с. 166). Муж выступает наставником своей жены и домочадцев (Черная, 2008, с. 182). Жене подобает с ним обо всем советоваться и спрашивать, покоряться ему: «...жены мужей своихъ вопрошают о всякомъ благочинии, <...> во всемъ ему покарятися; и что мужъ накажетъ, то с любовию приимати и творити» (Домострой, 2000, с. 150). Власть мужа над женой и покорность жены мужу этикетны – это «закон, соответствующий иерархичности построения сословного государства» (Пушкарева, 1989, с. 87). Такое осмысление вписывается в парадигму патриархальных идеалов средневековой Руси (Ищенко, 2005, с. 123).

Для наставлений сборника об отношениях между супругами характерна эмоциональность, раскрываемая в контексте темы супружеской любви. «Домострой» проповедует, что мужу следует жену «любити» (Домострой, 2000, с. 130), «любовию наказывати» (Домострой, 2000, с. 166), с ней «жити в любви и чистосердии» (Домострой, 2000, с. 166). В случае недопонимания мужу надлежит жену «жаловати», «пожаловати, и «примолвити» (Домострой, 2000, с. 166); обозначенные слова принадлежат к семантическому полю слова «любовь»

(Колесов, 2006, с. 356). Как следует из приведенных примеров, в которых преобладают глагольные наставления, супружеская любовь в «Домострое» изображается как отношение и действие. Обозначенный тезис подтверждает В. В. Колесов: «...для русского чувства, по-видимому, наиболее характерно понимание любви как отношения» (Колесов, 2006, с. 356), или любви деятельной.

Роль женщины как хранительницы домашнего очага изображается в контексте темы мирского аскетизма – жена должна быть «страдолюбива». Значимость трудолюбия для женщины объективируется через систему антропоморфных метафор, заимствованных из Книги Притчей Соломона: «...от плода *руку* своею насадит тяжание много; препоясавше крепко *чресла* своя, утвердит *мышца* своя на дело» (Домострой, 2000, с. 136), «*руце* свои простирает на полезная, *лакти* же своя утверждает на вретено». Более того, у доброй жены «не угасает светилникъ ея всю ночь», милость она «простирает убогу, плод же подаетъ нищим». Для описания образцовой жены в «Домострое» используются положительно маркированные эпитеты «добрая», «благоразумная», «домовитая», «страдолюбивая», «молчаливая». В памятнике выражается мысль о том, что добрая жена – залог благоденственной жизни мужа; это раскрывается через экспрессивные средства изобразительности – метафоры «дражайши камени многоценнаго», «корабль куплю деючи», «венецъ есть мужеву своему».

Центральное место в «Домострое» отводится теме отношений двух поколений, «отцов» и «детей», это отражает сама концепция памятника – он представляет собой наставление отца сыну. В контексте отношений между родителями и детьми в сборнике ярко проявился художественный принцип христианского провиденциализма: «неизменно подчеркивается, что жизнь и смерть человека – в руках Божиих» (Конявская, 2016, с. 24). В «Домострое» Бог «посылает» или забирает детей: «...пошлет Бог кому детей – сыновей или дочерей...» (Домострой, 2000, с. 130); «...аще отъ таковых которое чадо Богъ возьметъ» (Домострой, 2000, с. 132), «...а по судбамъ Божиимъ толко та дочь преставится...». Для «Домостроя» характерно «постоянное присутствие Божественного промысла в земной жизни», устанавливающее «неразрывную связь мира с его Творцом» (Черная, 2008, с. 83), Божественное провидение участвует «в развертывании общего плана мироздания» (Чумакова, 2001, с. 118).

Наставлениям о воспитании детей в сборнике, как представляется, присуща эмоциональность, раскрываемая через «абстрактный психологизм» – изображение «психологических состояний человека, его чувств, эмоциональных откликов на события внешнего мира» (Лихачев, 2015, с. 123). В сборнике эти «психологические состояния», и эмоции выражаются через родительскую любовь к детям. В «Домострое» подчеркивается, что родителям необходимо «имети попечение <...> о чадах своих, снабдити их и воспитати в добре наказании, и учити страху Божию и вежству, и всякому благочинию <...> любити ихъ и беречи...» (Домострой, 2000, с. 130). Мотив любви к детям объективируется через афоризм из Священного Писания: детей должно «хранити <...> от всякаго греха <...> якоже зеницу ока и яко своя душа». Приведенная цитата подтверждает, что наибольшую ценность для родителей должен представлять религиозно-нравственный идеал – хранение чад от греха. Обозначенный тезис отражает аксиологию «Домостроя»: в вопросах воспитания главное – следование христианским идеалам и ценностям, родители несут ответственность за духовное спасение детей в жизни вечной.

Особое место в «Домострое» отведено наставлениям об обязанностях детей по отношению к родителям. В этой группе поучений прослеживаются реалистические элементы, которые раскрываются через стремление с художественной правдивостью (Адрианова-Перетц, 1960, с.

9) изобразить то, что ждет почитающих и не почитающих родителей. В одном из поучений (Домострой, 2000, с. 134) отмечается, что любящие родителей «от Бога помиловани» будут и от человек прославлены, «возвеселитися имуть о чадах своих», «в день печали избавит их Господь Богъ»; Бог «подасть имъ вся благая»; почитающий мать «волю Божию творит», угождающий «во благихъ поживет». Напротив, непослушные отцу и матери «не поживутъ дней своихъ», «обещникъ есть нечестивымъ», «ихъ нечестивый именована, иже бесчествуют родителя своя и паки насмехающагося отцу и укаряюща старость материю».

Любовь к отцу и матери также выражается в молитве об упокоении их души: «...приходи с милостынею и с приношениемъ за здравие и по родителехъ преставльшихся память твори со всякою чистотою, и самъ воспомяновень будещи от Бога» (Домострой, 2000, с. 164). В приведенном примере поднимается значимая для древнерусской книжности тема поминовения усопших после смерти, носившая «аксиологический характер устройства жизни “будущего века”» (Дергачева, 2021, с. 158). «Домострой» учит чад молиться о почивших родителях, приходит в храм с милостыней и приношением за них. Согласно сборнику, забота детей о родителях не заканчивается земной жизнью, но продолжается и после их смерти: должно «устраивать» их душу, «облегчая ей переход в “жизнь вечную” и даруя возможность “небесных благ наслаждения”» (Дергачева, 2021, с. 159).

Заключение

Таким образом, художественная специфика семейного дискурса в «Домострое» раскрывает аксиологические ориентиры древнерусской книжности. В наставлениях сборника четко прослеживается принцип христианского символизма: жизнь отдельного человека и его семьи изображается как путь к жизни вечной. Наставления сборника направлены на то, чтобы семья жила так, как в «сей памяти писано», то есть достигла духовного спасения.

Список источников / References

1. Адрианова-Перетц, В.П. (1974). К вопросу о круге чтения древнерусского писателя. В: *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 28 (с. 3—30). Л.: Наука, Ленинградское отделение.
Adrianov-Peretz, V.P. (1974). On the circle of reading of the Early Russian writer. In *Works of the Department of Old Russian Literature*. Vol. 28 (pp. 3—30). Leningrad: Science, Leningrad branch. (In Russ.)
2. Адрианова-Перетц, В.П. (1960). О реалистических тенденциях в древнерусской литературе (XI—XV вв.). В: *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 16 (с. 5—35). М., Л.: Издательство Академии наук СССР.
Adrianova-Peretz, V.P. (1960). On Realistic Tendencies in Old Russian Literature (11th—15th Centuries). In *Works of the Department of Old Russian Literature*. Vol. 16 (pp. 5—35). Moscow, Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (In Russ.)
3. Буслаев, Ф.И. (1990). *О литературе: исследования, статьи*. М.: Художественная литература.
Buslaev, F.I. (1990). *On literature: research, articles*. Moscow: Hudozhestvennaya literatura. (In Russ.)

4. Демин, А.С. (2009). *Поэтика древнерусской литературы (XI–XIII в.)*. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.
Demin, A.S. (2009). *Poetics of Old Russian Literature (11th–13th centuries)*. Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnej Rusi. (In Russ.)
5. Дергачева, И.В. (2021). Документальная практика устройства души. В: В.А. Воропаев, И.В. Дергачева, Е.Л. Конявская, В.В. Мильков. *Танатологическая тема в русской словесности XI–XXI вв.* (с. 154—162). М.: Индрик.
Dergacheva, I.V. (2021). Documentary practice of the arrangement of the soul. In: V.A. Voropaev, I.V. Dergacheva, E.L. Konyavskaya, V.V. Milkov. *Thanatological theme in Russian literature of the 11th–21st centuries* (pp. 154—162). Moscow: Indrik. (In Russ.)
6. Дергачева, И.В. (2017). Лекарство душевное — воспоминание смертное. *Язык и текст*, 4(4), 78–84. <https://doi.org/10.17759/langt.2017040406>
Dergacheva I.V. (2017). The medicine of the soul — a remembrance of death. *Language and Text*, 4(4), 78–84. <https://doi.org/10.17759/langt.2017040406> (In Russ.)
7. Домострой (2000). В: *Библиотека литературы Древней Руси. Том 10* (с. 116—215). С.-Пб.: Наука.
Domostroy (2000). In: *Library of Literature of Old Rus. Vol. 10* (pp. 116–215). St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)
8. Забелин, И.Е. (2014). *Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях*. М.: Институт русской цивилизации.
Zabelin, I.E. (2014). *Domestic life of Russian princesses in the 16th and 17th centuries*. Moscow: Institut russkoj tsivilizacii [Institute of Russian Civilization]. (In Russ.)
9. Ищенко, О.В. (2005). «Домострой» как энциклопедия жизни средневековой Руси. *Проблемы истории культуры: сборник научных трудов*, 2, 118—126. Нижневартовск.
Ishchenko, O.V. (2005). "Domostroy" as an encyclopedia of life in medieval Rus'. *Problems of the history of culture: a collection of scientific papers*, 2, 118—126. Nizhnevartovsk. (In Russ.)
10. Канюк, А.С. (2024). Историко-культурный взгляд на образ женщины в эпоху «Домостроя». *Вестник Гжельского государственного университета*, 6, 184—194.
Kanyuk, A.S. (2024). Historical and cultural view of the image of women in the era of "Domostroy". *Bulletin of Gzhel State University*, 6, 184—194. (In Russ.)
11. Колесов, В.В. (2007). Домострой как памятник средневековой культуры. В: В.В. Колесов, В.В. Рождественская. *Домострой* (с. 301–356). СПб.: Наука.
Kolesov, V.V. (2007). Domostroy as a monument of medieval culture. In: V.V. Kolesov, V.V. Rozhdestvenskaya. *Domostroy* (pp. 301–356). St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)
12. Колесов, В.В. (2006). *Русская ментальность в языке и тексте*. СПб.: Петербургское Востоковедение.
Kolesov, V.V. (2006). *Russian mentality in language and text*. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie [Petersburg Oriental Studies]. (In Russ.)

Степанова М.С. (2025)
Художественная специфика семейного дискурса в
«Домострое»
Язык и текст, 12(3), 77—85.

Stepanova M.S. (2025)
Artistic specificity of the family discourse in
Domostroy
Language and Text, 12(3), 77—85.

13. Конявская, Е.Л. (2016). Тема конца жизни в договорных грамотах русских князей XIV – XV веков. *Язык и текст*, 3(2), 23—30. <https://doi.org/10.17759/langt.2016030203>
Konyavskaya E.L. (2016). The topic of the end of life in the treaty ratification of the Russian princes in the XIV – XV centuries. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, vol. 3, no. 2, pp. 23—30. <https://doi.org/10.17759/langt.2016030203> (In Russ.)
14. Кусков, В.В. (2003). *История древнерусской литературы*. М.: Высшая школа.
Kuskov, V.V. (2003). *History of Old Russian Literature*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
15. Лихачев, Д.С. (2000). Литература «государственного устройства». В: *Библиотека литературы Древней Руси*. Том 10 (с. 5–17). СПб.: Наука.
Likhachev, D.S. (2000). Literature of "state structure". In: *Library of Literature of Ancient Rus*. Vol. 10 (pp. 5–17). SPb.: Nauka.
16. Лихачев, Д.С. (1979). *Поэтика древнерусской литературы*. М.: Наука.
Likhachev, D.S. (1979). *Poetics of Old Russian Literature*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
17. Лихачев, Д.С. (2015) *Человек в литературе Древней Руси*. СПб.: Азбука.
Likhachev, D.S. (2015) *Man in the Literature of Ancient Rus'*. SPb.: Azbuka. (In Russ.)
18. Малков, П.Ю. (2017). Учение прп. Максима Исповедника об образе и подобии Божиих в человеке: синергийный аспект. *Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия*, 71, 11–29.
Malkov, P.Yu. (2017). The Teaching of St. Maximus the Confessor on the Image and Likeness of God in Man: The Synergistic Aspect. *Bulletin of PSTGU. Series 1: Theology. Philosophy*, 71, 11–29. (In Russ.)
19. Найденова, Л.П. (1996). «Свои» и «чужие» в Домострое. Внутрисемейные отношения в Москве XVI века. В: Ю.Л. Бессмертный (ред.). *Человек в кругу семьи: очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени* (с. 290–304). Москва.
Naidenova, L.P. (1996). "Ours" and "Strangers" in Domostroy. Intra-family Relations in Moscow of the 16th Century. In: Yu.L. Bessmertny (ed.). *Man in the Family Circle: Essays on the History of Private Life in Europe before the Beginning of Modern Times* (pp. 290–304). Moscow. (In Russ.)
20. Найденова, Л.П. (2003). *Мир русского человека XVI–XVII вв. (по Домострою и памятникам права)*. М.: Издание Сретенского монастыря.
Naidenova, L.P. (2003). *The World of Russian People in the 16th–17th Centuries (Based on Domostroy and Legal Monuments)*. Moscow: Sretensky Monastery Publications. (In Russ.)
21. Никифоров, С.Д. (1947). Из наблюдений за языком «Домостроя» по Коншинскому списку. *Ученые записки*. Том 42 (с. 15–89). М.: Издание МГПИ имени В. И. Ленина.
Nikiforov, S.D. (1947). From observations on the language of "Domostroy" according to the Konshinsky list. *Scientific notes*. Volume 42 (pp. 15–89). Moscow: Edition of the Moscow State Pedagogical Institute named after V.I. Lenin. (In Russ.)
22. Пушкарева, Н.Л. (1989). *Женщины Древней Руси*. М.: Мысль.

Степанова М.С. (2025)
Художественная специфика семейного дискурса в
«Домострое»
Язык и текст, 12(3), 77—85.

Stepanova M.S. (2025)
Artistic specificity of the family discourse in
Domostroy
Language and Text, 12(3), 77—85.

Pushkareva, N.L. (1989). *Women of Ancient Rus'*. M.: Mysl. (In Russ.)

23. Туфанова, О.А. (2020). «Кто ково любить, тотъ о томъ печется...»: мотив любви к детям в творчестве протопопа Аввакума. *Вестник славянских культур*, 56, 89—100.

Tufanova, O.A. (2020). "Whoever loves someone, cares about them...": the motif of love for children in the works of Archpriest Avvakum. *Bulletin of Slavic Cultures*, 56, 89—100. (In Russ.)

24. Тюпа, В.И. (2008). Деталь. В: Н.Д. Тamarченко (ред.). *Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий* (с. 54). М.: Издательство Кулагиной; Intrada.

Tyupa, V.I. (2008). Detail. In: N.D. Tamarchenko (ed.). *Poetics: Dictionary of Current Terms and Concepts* (p. 54). Moscow: Kulagina Publishing House; Intrada. (In Russ.)

25. Черная, Л.А. (2008). *Антропологический код древнерусской культуры*. М.: Языки славянских культур.

Chernaya, L.A. (2008). *Anthropological code of ancient Russian culture*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur [Languages of Slavic cultures]. (In Russ.)

26. Чумакова, Т.В. (2001). «В человеческом жителъстве мнози образы зрятся». Образ человека в культуре Древней Руси. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество.

Chumakova, T.V. (2001). "Many images are seen in human life". *The image of man in the culture of Ancient Rus*. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo [St. Petersburg Philosophical Society]. (In Russ.)

Информация об авторе

Мария Сергеевна Степанова, магистр лингвистики, специалист по учебно-методической работе Сретенской духовной академии, Сретенская духовная академия, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-8925-6038>, e-mail: litzma655@gmail.com

Information about the author

Maria S. Stepanova, Master of Linguistics, specialist in educational and methodological work at the Sretensky Theological Academy, Sretensky Theological Academy, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-8925-6038>, e-mail: litzma655@gmail.com

Поступила в редакцию 01.08.2025
Поступила после рецензирования 28.08.2025
Принята к публикации 10.09.2025
Опубликована 25.09.2025

Received 2025.08.01
Revised 2025.08.28
Accepted 2025.09.10
Published 2025.09.25

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ | WORLD LITERATURE. TEXTOLOGY

Научная статья | Original paper

Мотив говорящей головы в литературных предисловиях синодиков

Е.С. Шадрина (инокиня Мария)✉

Московский педагогический государственный университет, Москва, Российская Федерация

✉ maria.solba99@gmail.com

Резюме

Мотив говорящей головы встречается как в фольклоре, так и в литературе. В синодичных литературных предисловиях присутствуют несколько текстов, содержащих этот мотив. Все они принадлежат к символическому жанру чуда. Самое известное из них — беседа преподобного Макария с черепом идольского жреца. Другие два чуда описывают события, случившиеся с разбойником и воином, головы которых смогли исповедаться после смерти, поскольку их обладатели при жизни почитали Пресвятую Богородицу. Чудеса о говорящих головах служили в синодике наглядными примерами, иллюстрировавшими важность молитвы об усопших и необходимость подготовки к Вечной Жизни.

Ключевые слова: синодик с литературными предисловиями, чудо, мотив говорящей головы, жанр, фольклор

Для цитирования: Шадрина, Е.С. (инокиня Мария) (2025). Мотив говорящей головы в литературных предисловиях синодиков. *Язык и текст*, 12(3), 86—97.
<https://doi.org/10.17759/langt.2025120308>

The motif of the talking head in the literary prefaces of the synods

E.S. Shadrina (nun Maria)✉

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation

✉ maria.solba99@gmail.com

Abstract

The motif of the talking head is found in both folklore and literature. In the synodical literary prefaces, there are several texts with such a motif. All of them belong to the symbolic genre of miracle. The most famous of them is the conversation of the Reverend Macarius with the skull of the idol priest. The other two miracles describe events that happened to a robber and a warrior, whose heads were able to confess after death, since their owners venerated the Holy Mother of God during their lifetime. Miracles about talking heads served as visual examples in the synodikon,

illustrating the importance of prayer for the dead and the need to prepare for Eternal Life.

Keywords: synodicon with literary prefaces, miracle, talking head motif, genre, folklore

For citation: Shadrina, E.S. (nun Maria) (2025). The motif of the talking head in the literary prefaces of the synods. *Language and Text*, 12(3), 86—97. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2025120308>

Синодики с предисловиями, принадлежащие к третьей, позднейшей редакции, обращают на себя внимание разнородностью литературного материала. Тексты синодичных предисловий отличались по жанру, стилистическим особенностям, источникам заимствования, но все они были объединены идейной направленностью книги. Поучения, вирши о смерти, погребальные песнопения, сюжетные фрагменты пробуждали в душах мысли о Вечности, настраивали на покаянный, молитвенный лад, сподвигали на добрые дела в память об усопших и для спасения своей бессмертной души.

Ключевая идея синодика — всепобеждающая сила молитвы, преклоняющей милосердие Божие даже к тем, кто не успел своевременно принести покаяние. Чудо — один из самых распространенных жанров, встречающихся в синодичных предисловиях. Такие тексты свидетельствовали: Господь «побеждает естества чин» (Триодь, л. 123), когда люди с верой и упованием прибегают к Нему, к Его Пречистой Матери и святым. В синодичных предисловиях акцентировалось внимание на том, что суд Божий — это не человеческая, а Божественная справедливость. Олицетворением такой сверхъестественной Божественной справедливости является мотив говорящей головы, встречающийся в синодиках.

На примере сюжетов литературных предисловий Сольбинских синодиков можно рассмотреть мнимую «алогичность» синодичной назидательности, противоречащую земному мудрованию, но вполне созвучную Новому Завету. На вечные мучения осуждался евангельский богач, не обращавший при жизни внимания на нищего Лазаря (Синодик ПЗГИАХМЗ № 4310, л. 5 об.). Герой притчи о трех друзьях «небрежение имеяше велми» о добродетелях и должен был предстать перед судом «аки нѣчто зло сотворилъ» (Синодик ПЗГИАХМЗ № 4310, л. 8 об.). «Изо мроша безъвременно и во адѣ мучими суть» (Синодик ПЗГИАХМЗ № 4309, л. 19 об.; Синодик ПЗГИАХМЗ № 4310, л. 22 об.) роскошник со своей женой, которые жили сегодняшним днем, наслаждались всевозможными благами и не поминали усопших. При этом языческий жрец и подобные ему, находясь в аду, «многу ослабу имеютъ» (Синодик ПЗГИАХМЗ № 4310, л. 26 об.) по молитвам христиан. Сподобляется покаяния взятый на месте преступления разбойник Домицел, который, несмотря на свою греховную жизнь, не переставал молиться Пресвятой Богородице (Синодик ПЗГИАХМЗ № 4309, л. 22 об.; Синодик ПЗГИАХМЗ № 4310, л. 25 об.). По молитвам благочестивого сына была избавлена от вечной муки его мать-блудница.

Примечателен эсхатологический оптимизм синодика, проявляющийся даже в отборе жанров для предисловий. Примеры безрадостного жизненного финала представляли перед читателем исключительно в жанре притчи. В Сольбинских синодиках такими были сюжеты о трех друзьях, о богаче и Лазаре, о роскошнике. Герои притч были наказаны за свое нерадение, служили грозным предостережением для читателей, но все эти устрашающие примеры представляли собой иносказание, назидательное обобщение. Милосердие Божие

являлось в принципиально ином, символическом жанре чуда. К нему относились тексты о черепе жреца (Синодик ПЗГИАХМЗ № 4310, л. 26 об.), о разбойнике Домицелле (Синодик ПЗГИАХМЗ № 4309, л. 22 об.; Синодик ПЗГИАХМЗ № 4310, л. 25 об.), о блудной матери (Синодик ПЗГИАХМЗ № 4309, л. 21 об.), о плененном в Персиду (Синодик ПЗГИАХМЗ № 4309, л. 23 об.). В притчах, более «заземленном» жанре, не было ничего чудесного, однако не в них, а именно в чудесах, выходящих за рамки человеческого разума, отображалась достоверная реальность — «высшего порядка», «сверхисторическая», духовная (Прокофьев, 1991, с. 16). Чудеса служили подтверждением действенности церковного поминовения, вселяли надежду на спасение.

Пороки спасенных грешников, о которых повествуют синодики, были грубы, жизнь этих людей явно противоречила заповедям, однако и они сподоблялись милосердия Божия. Неслучайно в церковных молитвословиях именно такие кающиеся грешники приводятся в качестве примера: *«Прими убо и мене, Человеколюбче Господи, якоже блудницу, яко разбойника...»* (Молитвослов, 2013, с. 99).

О богачах и роскошниках в текстах Сольбинских синодиков не сообщалось, что они совершали какие-то злые поступки, обижали кого-то делом или словом, не приводились даже факты несправедливого приобретения ими богатства. Из Евангелия мы знаем лишь то, что *«человек некий бе богат, и облачашеся в порфиру и виссон, веселяся на вся дни светло»* (Лк. 16:19). Герой притчи из «Повести о Варлааме и Иоасафе» думал о богатстве, о своих родных, но не заботился о нищих (Сукина, Капков, 2021, с. 102). Неправедный душеприказчик назывался в синодике «грабителем, нем[и]л[о]стивцемъ, неподатливымъ» (Синодик ПЗГИАХМЗ № 4309, л. 17 об.; Синодик ПЗГИАХМЗ № 4310, л. 17 об.), однако его грабительство, в отличие от разбойника, было пассивно: он не делал людям зла, но не сотворил и добра. Его грех — «роскошество безвременное» (Синодик ПЗГИАХМЗ № 4309, л. 16 об.; Синодик ПЗГИАХМЗ № 4310, л. 20 об.), нежелание позаботиться ни о своей душе, ни о душе усопшего друга. Точно так же поступили впоследствии и его жена со своим новым мужем, продолжив *«жити прохладно велми»* (Синодик ПЗГИАХМЗ № 4309, л. 19 об.; Синодик ПЗГИАХМЗ № 4310, л. 22 об.) и предав забвению память покойного супруга. Исходя из морали синодика, живущий беспечно и не имеющий ходатаев за себя пред Богом оказывается в худшем положении за гробом, чем тот, кто тяжко согрешил, но при этом стремился к добру и приобрел тех, кто может *«попещися о д[у]ши его прил[и]жно»* (Синодик ПЗГИАХМЗ № 4310, л. 21 об.). *«Царствие Небесное нудится, и нуждницы восхищают е»* (Мф. 11:12) — именно об этом повествуют все синодичные примеры.

Двупланность образов грешников, ощутивших на себе силу молитв, отразилась во встречающемся в синодичных чудесах мотиве говорящей головы. В «Указателе сказочных типов» С. Томпсона он упомянут под индексом D1610.5, близкими к нему являются мотивы: «Голова, сохраняющая в себе жизнь после отсечения» (E783), «Человек несет собственную голову в руках» (A 511.0.4) (Левицкая, 2003).

Голова, будучи иерархически самой значимой частью тела (Кутковой, 2008), традиционно олицетворяла в фольклоре человека в целом, являлась вместилищем, средоточием его жизненных сил (см. Плюханова, 1995, с. 89). На это указывают, например, русские народные пословицы: «рубль голову стережет» (Даль, 1879, т. 1, с. 109), «на тулово без головы шапки не пригонишь» (Даль, 1879, т. 2, с. 455), «нога ногу минует, а голова головы не минует» (Даль, 1879, т. 2, с. 432), «сняв голову, не приставишь» (Даль, 1879, т. 2, с. 163), «за дурацкою головою и ногам неупокой» (Даль, 1879, т. 1, с. 137), «хорош город домами, да

плох головами» (Даль, 1879, т. 1, с. 403). Даже мертвая голова или череп, кому бы они ни принадлежали, заслуживали почтительного отношения, в противном случае кощунника ждало возмездие. В былинах «Смерть Василия Буслаева» описывается, как герой на пути в «Ерасалим-град» нашел «*сухую кость, / суху голову, кость человеческу*» и непочтительно обошелся с ней: «*Стал головушку попинывать, / Стал над головушкой подиучивать*». «Голова, кость человеческа» укорила Василия Буслаева и предрекла ему скорую смерть (Пропп, 1958, с. 470–471). В.Я. Пропп относил сказочный образ мертвой головы к числу «загробных дарителей». Мертвая голова в сказках обыкновенно принадлежала богатырю, она наделялась вещим даром, выполняла функцию волшебного помощника, советника (Пропп, 1986, с. 151–152).

Образ мертвой головы встречался и в памятниках древнерусской книжности, чаще всего как «усеченная глава». М.Б. Плюханова считала, что при рассмотрении этого символа в русских православных контекстах было бы неверно искать его корни в славянском язычестве. По мнению исследователя, этот христианский символ сформировался, в первую очередь, под влиянием особого почитания в Православной Церкви святого Иоанна Крестителя, принявшего мученическую кончину через усечение главы (Плюханова, 1995, с. 91). М.Б. Плюханова отмечала, что образ усеченной главы в преобразованном виде сохранил архаические, дохристианские идеи и занял исключительно важное место в христианской традиции. Глава являлась символом грядущего возмездия, аскетического самоотвержения, победы, воскресения (Плюханова, 1995, с. 94–96). Образ говорящей головы применительно к Предтече в Евангелии не встречается, однако он фигурирует в апокрифах. «Слово на Усекновение Иоанна Кр[е]ст[ите]ля», приписываемое в Древней Руси святителю Иоанну Златоусту, сохранило такое церковное предание: «*Несома же глава Иоаннова на блюдь на вечерю, з[лаго]лаше ко Ироду: не достоин ти имѣти жены брата твоего. И по смерти бо праведный жив есть. И главъ его усѣченъ, гласъ его живъ есть*» (Пролог, 1662, л. 458 об.).

Образ черепа в христианской традиции неразрывно был связан с главой Адама. Согласно преданиям, она была погребена на горе Голгофа, на нее пролилась кровь Распятого на Кресте Христа, омыв грехи и самого праотца, и всего человечества (Деревенский, 2014, с. 58). Именно поэтому глава и кости Адама нередко изображаются под Распятием. В этом контексте череп является, с одной стороны, символом смерти, грехопадения, а с другой – спасения, искупления.

Наименование черепа в древнерусских памятниках — «лобъ сухой» (Синодик ПЗГИАХМЗ № 4310, л. 26 об.). Образ сухих костей имеет еще одно символическое значение. Оно восходит к видению пророка Иезекииля, который видел поле, усеянное человеческими костями: «*и се, мнози зело на лица поля, и се, сухи зело*» (Иез. 37:2). Библейский образ сухих костей — это надежда на спасение даже для отчаявшихся, говорящих: «*сухи быша кости наша, погипе надежда наша, убиени быхом*» (Иез. 37:11). По повелению Божию Иезекииль прорек этим безжизненным костям оживление, «*и совокупляхуся кости, кость к кости, каяждо ко составу своему. И видех, и се, быша им жилы, и плоть растяше, и восходящее (и протяжесе) им кожа верху*», «*и вниде в ня дух жизни, и ожиша и сташа на ногах своих, собор мног зело*» (Иез. 37:7–10). Это видение является пророчеством о всеобщем воскресении мертвых. В православной богослужебной традиции паремия «о сухих костях» (Иез. 37:1–14) читается на утрени Великой Субботы. Это чтение «знаменует собой ключевой момент всей Страстной седмицы. Его можно охарактеризовать как «перелом, после которого

вектор движения вниз, во мрак, в ад, в бездну, сменяется вектором вверх, к свету, к Пасхе воскресения» (Сорокин, 2019). Таким образом, череп и кости традиционно служили не только символом смерти, но и символом жизни, победы над смертью и адом.

Как видно из приведенных примеров, и в фольклоре, и в древнерусской литературе образ мертвой головы имел возвышенную коннотацию. Череп, глава — *pars pro toto* (лат. «часть вместо целого») человека (Кутковой, 2008), образа Божия, к которому всегда надлежит относиться с подобающим благоговением, каким бы грешником ни был его носитель: «Образъ есмь неизреченныя Твоя славы, аще и язвы ношу прегрѣшений» (Требник, 1995, л. 98).

Тексты синодичных предисловий в полной мере восприняли всю глубину и семантическую многоплановость символа говорящей головы. Опираясь на каталог, составленный Е.В. Петуховым, можно выделить три сюжета, где встречается этот мотив: о преподобном Макарии и черепе жреца (Петухов, 1895, с. 175), об исповедовавшейся усеченной голове разбойника (Петухов, 1895, с. 164) и о черепе, просившем покаяния (Петухов, 1895, с. 164).

Два из упомянутых сюжетов присутствуют в Сольбинских синодиках. Первый, наиболее популярный (Дергачева, 2011, с. 83), описывал беседу преподобного Макария со встретившимся ему черепом язычника: «Препод[об]ный о[те]цъ Макарий, ходяй по пути, обрѣте лобъ сухой мужа нечестива, суца еллина, и вопрошаше лба, аще когда коея утѣхи чюство имать. Той же сухой лоб отвѣща: “Многу ослабу имеютъ в себѣ, внегда христiane за усопшихъ м[о]л[и]твы творять”. Сей бо великий Макарий много лѣтъ трудився, о семъ моляся Б[о]гу, увѣдѣти хотя, аще кая есть полза усобишим, поминаемымъ от насъ, и сего ради яви ему Б[о]гъ» (Синодик ПЗГИАХМЗ № 4310, л. 26 об.). В Сольбинском синодике данный сюжет был представлен в краткой редакции, в других памятниках — в более пространных, детализированных.

Исследователи неоднократно отмечали взаимосвязь этого текста с фольклором. С.К. Шамбинаго высказывал мнение, что «Песнь о нераскаянной кончине», как он называл былину о смерти Василия Буслаева, была составлена на основе библейско-синодичных поучений (Шамбинаго, 1914, с. 251). «По своему назидательно-догматическому характеру и по мотивам» она «находится в ближайшем отношении к синодику» (Шамбинаго, 1914, с. 240). Литературовед обращал внимание, что мотив «встреча с мертвой головой» присутствует и в синодичных статьях, в том числе в сюжете о преподобном Макарии. Исследователь считал примечательным, что в некоторых редакциях синодичного чуда, как и в вариантах былины, череп был заменен сухой костью. Действительно, в ряде синодиков содержались сведения, что преподобный «обрѣте лбину кость суху» (Шамбинаго, 1914, с. 240), «главу и кости сухи мужа нечестива еллина» (Синодик РНБ F.I.734, л. 30). Ю.М. Шеваренкова полагала, что сравнительные наблюдения и выводы, сделанные В.Я. Проппом относительно сказочного образа мертвой богатырской головы, помогают прояснить образ черепа в сюжете о преподобном Макарии. По мнению исследователя, сухая глава выполняет в этом тексте функцию «знающего и возвещающего» героя (Шеваренкова, 2008, с. 174).

В составе синодиков непостоянного состава эпизод о встрече с черепом преподобного Макария нередко обрастал апокрифическими деталями, тесно связанными не только с библейскими символами, но и с народной культурой. Так, по некоторым источникам, череп

заговорил после того, как преподобный ударил по нему «жезлом вербовым» или «вербовнымъ» (Синодик РГБ Ф. 310 № 154, л. 93 об.; Синодик РНБ Q.I.407, л. 27; Синодик РНБ Q.I.1152, л. 45 об.; Синодик РНБ F.I.879 л. 84). Согласно народным верованиям, посох являлся тем предметом, которым снабжали умерших для путешествия в загробный мир (Пропп, 1986, с. 49–50). Преподобный Макарий в синодичном чуде не посещал мир иной, но, наткнувшись посохом на череп, узнал из его рассказа об адских мучениях. Поэтому посох выполнял в тексте не только бытовую функцию, но и становился проводником в потустороннюю реальность. Жезл традиционно считался также символ власти, в т.ч. чудодейственной: в Ветхом Завете описано, как от удара жезла Моисея дважды забил источник из скалы (Исх. 17:11 и Числ. 20:11). Согласно греческому тексту, посох преподобного был сделан из пальмы, что вполне соответствовало реалиям египетской пустыни (Алфавитный патерик, 2009, с. 216) В древнерусской книжности образ был русифицирован и приобрел символическое значение. Верб, славянский аналог пальмовой ветви, является известным христианским знаменем победы над смертью. В православной традиции вербовые ветви кладут в гроб как символ грядущего воскресения. По народным обычаям, стегание вербой сообщало здоровье и силу: «на ударяемого переносится жизненная сила растения» (Пропп, 1986, с. 196). «Вербовый жезл» пустытника становился в чуде аналогом волшебного предмета, палочки из сказок. Очевидно, что привнесение в синодик этой детали было неслучайным, оно было обусловлено ее глубоким фольклорным и библейским символизмом.

Некоторые синодичные тексты о преподобном Макарии включали в себя описание перерыва в адских мучениях для грешников в определенные дни. Это предание восходило к апокрифическому «Слову преподобнаго отца нашего аввы Макарья о исходе души от тела всякого человека» (Сборник РГБ Ф.113 № 521, л. 105 – 105 об.), однако не в точности повторяло его, а было дополнено многими подробностями. По синодику, грешники не просто могли видеть друг друга на протяжении дней, в которые установлена молитва об усопших, но и переходили на это время в райские селения: «...егда хр[и]стияне молятся в пятокъ и субботу за отшедшая хр[и]стияне, и тогда бываетъ свѣтъ в пятокъ от седмаго часа, и возводятъ д[у]ша от своихъ темныхъ и мрачныхъ мѣстъ, и причащаются к свѣтлымъ и радостнымъ мѣстамъ неизреченныя райския доброты, такоже творять и до п[о]н[е]дѣльника свѣтящися. Аще повинна, и непотребна, и грѣшна душа, и тогда будетъ причастица свѣту, и радости, и неизреченнаго веселия» (Синодик РНБ Q.I.1152, л. 46 об., сходно: Синодик РНБ F.I.323, л. 108; Синодик РНБ F.I.879 л. 84 об.; Синодик РНБ Q.I.407, л. 28; Синодик РГБ Ф.199 №241, л. 31 об.). О перерыве в адских муках на определенное время по чьему-то заступничеству сообщалось и в других апокрифических источниках: в «Хождении Богородицы по мукам» (Пыпин, 1862, с. 124), в «Слове и видении апостола Павла» (Батюшков, с. 40–41), в синодичных апокрифах о литургии и панихиде (Дергачева, 2011, с. 142). Это предание отразилось и в фольклоре, например, согласно русской пословице, «на Благовещение и на Пасху грешников в аду не мучат» (Даль, 1879, т. 2, с. 496).

В синодиках–литературных сборниках сюжет о преподобном Макарии обыкновенно заканчивался тем, что пустытник похоронил череп. Как отмечал В.Я. Пропп, «в сказке голова есть непохороненный мертвец», «который высовывается, чтобы встать или чтобы найти кого-нибудь, кто бы его похоронил» (Пропп, 1986, с. 152). Погребение — наибольшая милость, которую можно сотворить по отношению к такой голове. Несомненно, что и в синодичном тексте похороны черепа указывают на милосердие преподобного Макария. В

некоторых синодиках, как и в фольклоре, «услуга захоронения» была «заменена услугой оживления». В сказке о Еруслане Лазаревиче описывается его встреча с «Расланеевой головой». В.Я. Пропп обратил внимание на любопытный диалог, завязавшийся между ними: «*“Галова, що мне тебя, аживить?” — А ана ему и говорит: “Если я буду памирать апать, то меня не аживай, а если я буду вечно жить, то меня ажыви”. — “Нет, Расланеева галава будишь памирать”. — “Лучше не ажывай мене апеть”*» (Пропп, 1986, с. 151, Смирнов, 1917, с. 612). Этот диалог проливает свет на природу интерполяции в синодичном сюжете о преподобном Макарии, где святой предлагает черепу оживить его: «*Хощеши ли, помолюся Г[о]с[по]ду да будеши живъ? Лбина же рече: хощу, о[т]че, да не имат ли мнѣ умерети? С[вя]тый же рече: имаши умерети. Лбина же рече: не моли, о[т]че, понеже смерть грешником люта*» (Синодик, РГБ Ф.178 № 5465, л. 19 об.–20). Встречается и более подробное объяснение черепа, отчего он не желает воскрешения: «*Небрези мене, о[т]че, занеже и первая горестъ смертная не сошла ми еще...*» (Синодик РНБ F.I.734, л. 31 об.). Таким образом, в синодике фольклорный мотив переосмысливался в христианском ключе — с привлечением цитаты из псалма о смерти грешника (Пс. 33:22).

Другие два синодичных текста, в которых фигурировал мотив говорящей головы, описывали чудесное покаяние после смерти благодаря заступничеству Пресвятой Богородицы. Оба фрагмента были заимствованы из сборника «Небо новое», составленного Иоанникием Галатовским. В первом тексте повествовалось об исповеди только что усеченной главы: «*Разбойникъ Домицель всегда поздравлялъ Преч[и]стую Д[ѣ]ву Б[огоро]д[и]цу. По семь на разбойничестве яша его, и отсѣкоша ему гл[а]ву. Гл[а]ва же его не преста гла[гола]ти, дондеже ко иерею грѣхи своя исповѣда. Сие бысть помощию и предстательствомъ Прес[вя]тыя Б[огоро]д[и]цы, яко и отсѣченная гл[а]ва ясно проглагола[ти] можаше*» (Синодик ПЗГИАХМЗ № 4310, л. 25 об.).

Второй текст описывает еще более чудесную историю, как не умирала и ждала исповеди не просто усеченная голова, а череп, пролежавший на поле несколько лет: «*Деаз и Мерхес, два г[о]с[по]дари волоские, г[о]с[по]дарство волоское между собой воеваху. Въ 2 и 3 лѣта по брани полемъ идяху людие и видеша велику громату костей ч[е]ловѣчскихъ, от нихъ же исхождаше плачевный глас, Х[рист]а Сп[ас]ителя и Пр[е]бл[а]гословенню М[а]рию Б[огоро]д[и]цу призывающъ. Услышавше глас той людие приближевшеся к костем ч[е]ловѣчским и обрѣтоша вопиющую главу ч[е]ловѣчю, к ним гл[а]голющую: аз есмь хр[и]стіянинъ, работая пр[и]сно Пр[е]ч[и]стеи Д[ѣ]ве Б[огоро]д[и]це, но не исповѣдахся грехов моих, на сеи войне живот скончах, того ради М[а]ти Б[о]жия от вѣчныхъ мукъ мене избавляет и язык ми сохраняет, да грехи моя исповѣдаю, и азъ могу умерети по-хр[и]стіянски; тѣм же призовѣте с[вя]щ[е]ника, да исповѣдает мя и разрешит хр[и]стіянина. Исповѣдав и разрешилъ, и абие глава умолче и преста вопити*» (Петухов, 1895, с. 209–210).

С точки зрения православного богословия, оба текста описывают невозможное: «по смерти несть исповедания, ни покаяния» (Псалтирь с толкованиями, 2012, с. 57). В синодиках встречались и другие случаи покаяния грешников после смерти, но только после чудесного возвращения к жизни (Петухов, 1895, с. 162–164, 176–177). В сюжетах о разбойнике и о войне герои не воскресают, лишь их головы сохраняют способность говорить. Появление таких текстов в синодике объясняется фольклорным мотивом: в сюжетах отразилось народное верование, что после отсечения головы человек некоторое время может продолжать жить (Левицкая, 2003). В обоих текстах, западнорусского

происхождения, значительно ощущается влияние католического вероучения. В православной традиции не было настолько жестких требований к формату предсмертного покаяния. Преподобный Анастасий Синаит описывал чудо, когда платок, омоченный слезами, пролитыми во время ночной молитвы, перевесил все многочисленные и тяжкие грехи разбойника (Анастасий Синаит, прп., 2003, с. 297–299). В патерике приводился пример, как за решительное стремление к покаянию блудница, умершая по пути к монастырю, достигла спасения (Игнатий Брянчанинов, свт., 2009, с. 641–642). С точки зрения западной культуры, даже в экстремальных случаях одного сердечного покаяния перед смертью было недостаточно: требовался факт исповеди в присутствии священника. Совершение непостижимых чудес обуславливалось необходимостью соблюдения этого порядка, который ставился превыше всего: с позиций западного христианства, сохранить отсеченной голове способность речи было естественнее, чем вменить человеку покаянное сердечное сокрушение в исповедь.

Фольклорист Ю.М. Шеваренкова обращала внимание на двойственную природу образа мертвой головы, основанную на сочетании высокого образа и сниженной его трактовки (Шеваренкова, 2008, с. 174). На примере синодичных текстов эта особенность ясно прослеживается. Мотив говорящей головы встречается в текстах, описывающих загробную участь умерших без покаяния, во грехах, однако сподобившихся милости от Бога. Благоприятная концовка сюжетов вполне соответствовала фигурировавшему в них возвышенному символу.

Мотив говорящей головы был одним из важнейших образов, создающих символизм русского синодика. Вне зависимости от происхождения того или иного чуда, библейские, фольклорные и литературные параллели были тем фоном, на котором существовал символ. Он олицетворял неизбежность кончины, смерть, принесенную в мир грехопадением, но вместе с тем и неисповедимость Божественного милосердия к людям, надежду на всеобщее воскресение и Жизнь Вечную.

Список источников / References

1. *Алфавитный патерик, или Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов* (2009). М.: Изд-во Сретенского монастыря.

Alphabetical Patericon, or Memorable Tales about the Asceticism of the Holy and Blessed Fathers (2009). Moscow: Sretensky Monastery Publishing House. (In Russ.).

2. Анастасий Синаит, прп. (2003). *Избранные творения*. М.: Паломникъ: Сибирская благовонница.

Anastasius of Sinai, st. (2003). *Selected creations*. Moscow: Palomnik: Sibirskaya blagozvonnicza. (In Russ.).

3. Батюшков, Ф.Д. (1891). *Спор души с телом в памятниках средневековой литературы*. СПб.: Тип. В.С. Балашева.

Batyushkov, F.D. (1891). *The dispute between the soul and the body in the monuments of medieval literature*. Saint Petersburg: Printing house of V.S. Balashev. (In Russ.).

4. Даль, В.И. (1879). *Пословицы русского народа: Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр.* Т. 1–2. СПб.; М.: Тип. М.О. Вольф.
Dal, V.I. (1879). *Proverbs of the Russian people: A collection of proverbs, sayings, sayings, adages, tongue twisters, jokes, riddles, beliefs, etc.* Vol. 1–2. Saint Petersburg; Moscow: Printing house of M.O. Wolf. (In Russ.).
5. Деревенский, Б.Г. (2014). *Тайны евангельской истории.* СПб.: Алетея.
Derevenskiy, B.G. (2014). *Secrets of the Gospel History.* Saint Petersburg: Aletejya. (In Russ.).
6. Игнатий (Брянчанинов), свт. (2009). *Отечник.* М.: Даръ.
Ignatius (Brianchaninov), st. (2009). *Patericon.* Moscow: Dar. (In Russ.).
7. Кутковой, В. (2008). *Христос в человеке.* Часть 1. URL: <https://pravoslavie.ru/1401.html> (дата обращения: 28.05.2025).
Kutkovoy, V. (2008). *Christ in Man.* Part 1. (In Russ.). URL: <https://pravoslavie.ru/1401.html> (viewed: 28.05.2025).
8. *Молитвослов крупным шрифтом* (2013). М.: Терирем.
Prayer book in large print (2013). Moscow: Terirem. (In Russ.).
9. Левицкая, О. (2003). *Что общего между Орфеем, Святым Корнилием, Шарлоттой Корде и Профессором Доуэлем или сказочный мотив E783.* URL: <https://ruthenia.ru/folklore/levitskaya1.htm> (дата обращения: 28.05.2025).
Levitskaya, O. (2003). *What do Orpheus, Saint Cornelius, Charlotte Corday and Professor Dowell have in common or the fairy-tale motif E783.* (In Russ.). URL: <https://ruthenia.ru/folklore/levitskaya1.htm> (viewed: 28.05.2025). (In Russ.).
10. Петухов, Е.В. (1895). *Очерки из литературной истории синодика.* СПб.: ОЛДП.
Petukhov, E.V. (1895). *Essays on the literary history of the synodikon.* Saint Petersburg: Society of lovers of ancient writing. (In Russ.).
11. Плюханова, М.Б. (1995). *Сюжеты и символы Московского царства.* СПб.: Акрополь.
Plyukhanova, M.B. (1995). *Plots and symbols of the Muscovite kingdom.* Saint Petersburg: Acropolis. (In Russ.).
12. Прокофьев, Н.И. (1975). О мировоззрении русского средневековья и системе жанров русской литературы XI–XVI вв. В: *Литература Древней Руси.* Вып. 1 (с. 5–39). М.: МПГУ.
Prokofiev, N.I. (1975). On the worldview of the Russian Middle Ages and the system of genres of Russian literature of the 11th–16th centuries. In: *Literature of Ancient Rus'.* No. 1 (pp. 5–39). Moscow: MPSU. (In Russ.).
13. Прокофьев, Н.И. (1991) Прелесть простоты и вымысла. В: Прокофьев Н.И., Алехина Л.И. (сост.) *Древнерусская притча.* М.: Советская Россия.

Шадрина Е.С. (инокиня Мария) (2025)
Мотив говорящей головы в литературных предисловиях
синодиков
Язык и текст, 12(3), 86—97.

Shadrina E.S. (nun Maria) (2025)
The motif of the talking head in the literary prefaces
of the synods
Language and Text, 12(3), 86—97.

- Prokofiev, N.I. (1991) The charm of simplicity and fiction. In: Prokofiev N.I., Alekhina L.I. (comp.) *Old Russian parable*. Moscow: Sovetskaya Rossiya. (In Russ.).
14. *Пролог* (1662). Вторая половина (март–август). М.: Печатный двор.
Prologue (1662). Part 2 (March–August). Moscow: Printing house. (In Russ.).
15. Пропп, В.Я. (1958). *Русский героический эпос*. М.: Гос. изд-во худож. лит.
Propp, V.Ia. (1958). *Russian heroic epic*. Moscow: State Publishing House of Fiction (In Russ.).
16. Пропп, В.Я. (1986) *Исторические корни волшебной сказки*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета.
Propp, V.Ia. (1986). *Historical roots of the fairy tale*. Leningrad: Leningrad University Publishing House. (In Russ.).
17. *Псалтирь с толкованиями* (2012). М.: Сибирская Благовонница.
Psalter with interpretations (2012). Moscow: Sibirskaya blagovonnica. (In Russ.).
18. Пыпин, А.Н. (1862). *Ложные и отреченные книги русской старины*. СПб.: Тип. П.И. Кулиша.
Pyпин, A.N. (1862). *False and renounced books of Russian antiquity*. Saint Petersburg: Printing house of P.I. Kulish. (In Russ.).
19. *Сборник слов и апокрифов* РГБ Ф.113 № 521.
Collection of teachings and apocrypha of the RSL F.113 No 521. (In Church Slav.).
20. *Синодик* ПЗГИАХМЗ № 4309.
Synodicon of the Pereslavl Museum-Reserve. No 4309. (In Church Slav.).
21. *Синодик* ПЗГИАХМЗ № 4310.
Synodicon of the Pereslavl Museum-Reserve. No 4310. (In Church Slav.).
22. *Синодик* РГБ Ф.178 № 5465.
Synodicon of the RSL F.178. No 5465. (In Church Slav.).
23. *Синодик* РГБ Ф.199 № 241.
Synodicon of the RSL F.199. No 241. (In Church Slav.).
24. *Синодик* РГБ Ф.310 № 154.
Synodicon of the RSL F.310. No 154. (In Church Slav.).
25. *Синодик* РНБ F.I.323.
Synodicon of the NLR F.I.323. (In Church Slav.).
26. *Синодик* РНБ F.I.879.
Synodicon of the NLR F.I.879. (In Church Slav.).

Шадрина Е.С. (инокиня Мария) (2025)
Мотив говорящей головы в литературных предисловиях
синодиков
Язык и текст, 12(3), 86—97.

Shadrina E.S. (nun Maria) (2025)
The motif of the talking head in the literary prefaces
of the synods
Language and Text, 12(3), 86—97.

27. *Синодик РНБ Q.I.407.*

Synodicon of the NLR Q.I.407. (In Church Slav.).

28. *Синодик of the РНБ Q.I.1152.*

Synodicon of the NLR Q.I.1152. (In Church Slav.).

29. *Синодик РНБ F.I.734.*

Synodicon of the NLR F.I.734. (In Church Slav.).

30. Смирнов, А.М. (1917). *Сборник великорусских сказок Архива Русского географического общества*. Т. 2. Петроград: Тип. Рос. Акад. Наук.

Smirnov, A.M. (1917). *Collection of Great Russian fairy tales from the Archives of the Russian Geographical Society*. Vol. 2. Petrograd: Printing House of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).

31. Сорокин, А., прот. (2019). «Кости сухие». URL: https://feosobor.ru/2019/04/2019_04_26_kosti/?ysclid=mb9o0ionx933635680 (дата обращения: 29.05.2025).

Sorokin, A., archpriest (2019). "Dry bones". (In Russ.). URL: https://feosobor.ru/2019/04/2019_04_26_kosti/?ysclid=mb9o0ionx933635680 (viewed: 28.05.2025). (In Russ.).

32. Сукина, Л.Б., Капков, К.Г. (2021). *Лицевые Синодики Николо-Сольбинской пустыни. XVIII век*. Местечко Сольба; Переславль-Залесский; М.: Николо-Сольбинский женский монастырь.

Sukina, L.B., Kapkov, K.G. (2021). *Illustrated Synodicons of the Nikolo-Solbinskaya Hermitage. XVIII century*. Solba township; Pereslavl-Zalessky; Moscow: Nikolo-Solbinsky Convent. (In Russ.).

33. *Требник* (1995). СПб.: Изд. Свято-Троице-Сергиевой лавры.

Trebnik (1995). Saint Petersburg: Publishing House of the Holy Trinity Lavra of St. Sergius (In Russ.).

34. *Триодъ постная* (2002). Ч. 1. М.: Изд. совет Рус. Православ. Церкви.

The Lenten Triodion (2002). Vol. 1. Moscow: Publishing Council of the Russian Orthodox Church. (In Russ.).

35. Шамбинаго, С.К. (1914). *Песни времени царя Ивана Грозного*. Сергиев Посад: Тип. И.И. Иванова.

Shambinago, S.K. (1914). *Songs of the time of Tsar Ivan the Terrible*. Sergiev Posad: Printing house of I. I. Ivanov. (In Russ.).

36. Шеваренкова, Ю.М. (2008). *Рукописная религиозная проза Нижнегородского края: тексты и комментарии*. Нижний Новгород: РАСТР-НН.

Shevarenkova, Yu.M. (2008). *Handwritten religious prose of the Nizhny Novgorod region: texts and comments*. Nizhny Novgorod: RASTR-NN. (In Russ.).

Шадрина Е.С. (инокиня Мария) (2025)
Мотив говорящей головы в литературных предисловиях
синодиков
Язык и текст, 12(3), 86—97.

Shadrina E.S. (nun Maria) (2025)
The motif of the talking head in the literary prefaces
of the synods
Language and Text, 12(3), 86—97.

Информация об авторе

Евгения Сергеевна Шадрина (инокиня Мария), аспирант, Московский педагогический государственный университет (ФГБОУ ВО МПГУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-3153-2814>, e-mail: maria.solba99@gmail.com

Information about the author

Evgenia S. Shadrina (nun Maria), PhD student, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-3153-2814>, e-mail: maria.solba99@gmail.com

Поступила в редакцию 03.07.2025
Поступила после рецензирования 28.08.2025
Принята к публикации 10.09.2025
Опубликована 25.09.2025

Received 2025.07.03
Revised 2025.08.28
Accepted 2025.09.10
Published 2025.09.25

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР | LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL BASIS OF LEARNING LANGUAGES AND CULTURES

Научная статья | Original paper

К проблеме определения понятий: военный подъязык, военная лексика, военная терминосистема

М.С. Великов¹✉, Е.Ю. Сафронова²

¹ Военный институт (инженерно-технический) Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулева, Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Санкт-Петербургский архитектурно-строительный университет; Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ botvexel@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. На протяжении последних 30 лет постоянно увеличивается количество иностранных военных специалистов, которые проходят обучения в России. Расширение сферы образовательных услуг коррелирует с продвижением русского языка за рубежом, партнерством в политической и военной сфере. В то же время существует противоречие между жесткой и регламентированной военной системой, проявляющейся в вузах Министерства обороны чрезмерной формализованностью проведения занятий, использованием в основном традиционных способов и приемов обучения, с одной стороны, и необходимостью подготовки выпускника – успешного специалиста, с богатой палитрой *soft skills*, способного быстро адаптироваться к изменяющимся условиям и быстро принимать решения, связанные с жизнью подчиненных, запоминать и оперировать большим объемом информации – с другой. Соответственно, методика преподавания русского языка как иностранного для курсантов подготовительного отделения и следующих курсов должна отличаться гибкостью, адаптивностью, этноспецифической и профессионально ориентированной направленностью. В статье рассматривается проблема определения военной терминосистемы в рамках терминологической лексикографии. **Цель** статьи – рассмотреть дефиниции терминов *военный подъязык*, *военная лексика*, *военная терминосистема* как базовый, предварительный этап осмысления собственного процесса педагогического проектирования и создания интерактивного словаря военной лексики для курсантов подготовительного отделения вузов Министерства обороны. **Гипотеза.** Понятия «военная лексика» и «военный термин» являются неоднозначными, исторически изменчивыми, граница между термином и

Великов М.С., Сафронова Е.Ю. (2025)
К проблеме определения понятий: военный подъязык,
военная лексика, военная терминосистема
Язык и текст, 12(3), 98—110.

Velikov M.S., Safronova E.Yu. (2025)
On the problem of defining the concepts: military
sublanguage, military lexicon, military terminology
Language and Text, 12(3), 98—110.

нетермином подвижна и обусловлена экстралингвистическими обстоятельствами: политическая ситуация, милитаристская политика, научно-технический прогресс и т.д. **Методы и материалы.** В исследовании применялись общенаучные методы анализа, систематизации, дедукции, а также частнонаучные – лингвистического описания, педагогического проектирования. **Результаты.** В лингвистике отсутствует общепризнанная классификации военной терминологии, что обуславливает необходимость многоаспектного исследования военных терминологических единиц. **Выводы.** В процессе обучения иностранных военных специалистов в вузах Министерства обороны необходимо осваивать не только терминологические единицы, но и военные аргы, жаргон, вульгаризмы, коллоквиализмы и т.д., активно использующиеся в устном дискурсе. В основу лингводидактической парадигмы обучения русского языка как иностранного военной терминосистеме в профильных вузах, начиная с подготовительного курса, целесообразно поместить методологические и методические принципы, предполагающие изучение языка во всем его богатстве через его интеграцию в профессиональную сферу.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, военный подъязык, военная лексика, военная терминосистема, система обучения военной лексике

Для цитирования: Великов, М.С., Сафронова, Е.Ю. (2025). К проблеме определения понятий: военный подъязык, военная лексика, военная терминосистема. *Язык и текст*, 12(3), 98—110. <https://doi.org/10.17759/langt.2025120309>

On the problem of defining the concepts: military sublanguage, military lexicon, military terminology

M.S. Velikov¹✉, E.Yu. Safronova²

¹ Military Institute (Engineering and Technical) of the Military Academy of Logistics named after General of the Army A.V. Khrulev, Saint Petersburg, Russian Federation

² Saint Petersburg University of Architecture and Civil Engineering; Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics, Saint Petersburg, Russian Federation

✉ botvexel@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. Over the past 30 years, the number of foreign military specialists who are trained in Russia has been constantly increasing. The expansion of the sphere of educational services correlates with the promotion of the Russian language abroad, partnership in the political and military sphere. At the same time, there is a contradiction between a rigid and regulated military system, manifested in universities of the Ministry of Defense by excessive formalization of classes, the use of mainly traditional methods and techniques of training, on the one hand, and the need to train a graduate - a successful specialist, with a rich palette of soft skills that can quickly adapt to changing conditions and make decisions quickly, related to the life of subordinates, memorize and operate with a large amount of information - on the other. Accordingly, the methodology of teaching Russian as a foreign language

for cadets of the preparatory department and the following courses should be distinguished by flexibility, adaptability, ethnospecific and professionally oriented orientation. The article discusses the problem of defining a military terminology system within the framework of terminological lexicography. The **purpose** of the article is to consider the definitions of the terms *military sublanguage*, *military vocabulary*, *military term system* as a basic, preliminary stage of understanding your own process of pedagogical design and creating an interactive dictionary of military vocabulary for cadets of the preparatory department of universities of the Ministry of Defense. **Hypothesis.** The concepts of "military vocabulary" and "military term" are ambiguous, historically changeable, the border between the term and non-term is mobile and is due to extralinguistic circumstances: political situation, militaristic policy, scientific and technological progress, etc. **Methods and materials.** The study used general scientific methods of analysis, systematization, deduction, as well as private scientific methods - linguistic description, pedagogical design. **Results.** There is no generally recognized classification of military terminology in linguistics, which necessitates a multidimensional study of military terminological units. **Conclusions.** In the process of training foreign military specialists in universities of the Ministry of Defense, it is necessary to master not only terminological units, but also military argos, jargon, vulgarisms, colloquialisms, etc., which are actively used in oral discourse. Starting from the preparatory course, it is advisable to place methodological and methodological principles that imply the study of the language in all its wealth through its integration into the professional sphere as the basis of the linguistic paradigm for teaching the Russian language as a foreign military term system in specialized universities.

Keywords: Russian as a foreign language, military sublanguage, military vocabulary, military terminology system, military vocabulary teaching system

For citation: Velikov, M.S., Safronova, E.Yu. (2025). On the problem of defining the concepts: military sublanguage, military lexicon, military terminology. *Language and Text*, 12(3), 98—110. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2025120309>

Введение

На протяжении последних тридцати лет постоянно увеличивается количество иностранных военных специалистов, которые проходят обучение в России. Расширение сферы образовательных услуг коррелирует с продвижением русского языка за рубежом, с партнерством в политической и военной сфере. «Для того, чтобы сохранить и укрепить статус русского языка как языка межнационального общения, необходимо постоянно совершенствовать методику его преподавания. Особенно это касается военных вузов, для которых характерны “жесткость” системы, приверженность традиционным способам и приемам обучения. В то же время современная политическая ситуация и практика локальных войн требует подготовки специалиста новой формации, способного самостоятельно мыслить, принимать быстрые решения, оперативно реагировать на изменяющиеся условия, запоминать огромный объем информации. Соответственно и методика обучения в вузах Министерства обороны должна быть существенно пересмотрена. Это касается и методики преподавания русского языка как иностранного будущим военным специалистам, которая

должна отличаться гибкостью, адаптивностью, этноспецифической и профессионально ориентированной направленностью» (Великов, Сафронова, 2025, с. 93).

Причем процесс профессионально ориентированного обучения целесообразно начинать с первых дней пребывания иностранных курсантов в РФ: еще в первом семестре подготовительного курса знакомить с профессиональным военным подъязыком, военными терминосистемой и лексикой. Такая методическая установка отвечает и современному состоянию лингводидактики, которая находится в процессе «смены» парадигмы: поворота от системно-структурной, породившей «уровневую» систему обучения, к антропоцентрической установке с концепцией языковой личности.

Цель статьи – рассмотреть дефиниции терминов *военный подъязык*, *военная лексика*, *военная терминосистема* как базовый, предварительный этап осмысления собственного процесса педагогического проектирования и создания интерактивного словаря военной лексики для курсантов подготовительного отделения вузов Министерства обороны.

В рамках терминологической лексикографии особое место занимает военная терминосистема, которая характеризуется неоднозначностью и подвижностью. Последовательно рассмотрим важные для нашего исследования понятия: военный дискурс, военная лексика, военная терминосистема.

Материалы и методы

В исследовании применялись общенаучные методы анализа, систематизации, дедукции, а также частнонаучные – лингвистического описания, педагогического проектирования.

Специальная лексика была в центре научного внимания таких выдающихся отечественных лингвистов, как В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, В.М. Лейчик, М.М. Покровский, А.А. Реформатский, А.С. Герд, В.А. Звягинцев, О.Н. Лапшина, Е.С. Никитина, А.Я. Шайкевич, В.П. Даниленко и др. Военная лексика как часть специальной лексики изучалась с различных позиций, в различных аспектах, обусловленных тенденциями развития лингвистики. Так, в семиотическом аспекте военная лексика стала предметом исследования в работах М.Н. Крыловой, в семантико-стилистическом, лингвокультурологическом и социокультурном аспектах ее рассматривали О.А. Якубова и Т.В. Демидович, с точки зрения когнитивной лингвистики – В.В. Волков, в диахроническом аспекте – С.Д. Ледяева И.В. Балканова, А.В. Уланов, А.К. Абдульманова, в синхроническом – Д. Бидеркесен, О.Ю. Сафонова, М.А. Верба, А.А. Деревянко, Т.В. Нечипорук и др. Есть исследования, посвященные военной лексике отдельных языков: японской военной терминологии (Е.Д. Исаева), военной лексике татарского языка (Р.Т. Сафаров), французского (Ю.Н. Сдобнова) и др.; а также ее функционированию в художественных текстах А.С. Пушкина (Н.В. Черникова), М.Ю. Лермонтова (Г.О. Ермоленко), А. Гайдара (А.Ю. Астафьев) и др. Особенности военной лексики в речевом общении интересовали Б.Л. Бойко, Д.А. Гарибян, Ф.П. Сороколетова, В.И. Максимова, В.В. Ильенко, А.С. Будиловича, Р.И. Сидоренко, Л.Л. Кутину, И.С. Хаустова и многих других.

Специфика военно-терминологической системы была в центре внимания В.Н. Шевчук, посвятившего докторскую диссертацию осмыслению этой научной проблемы (Шевчук, 1985), а позднее – В.П. Коровушкина, который рассматривал военный подъязык во всем богатстве его лексической системы, включая внелитературное, территориальное, этническое и лексическое просторечие (Коровушкин, 2005). Е.В. Брысина, Ю.А. Бельчиков, Т.Н. Зайцева, Н.М. Орлова и Н.В. Егоршина сосредоточили свое внимание на своеобразии и особенностях функционирования современной военной лексики в двух ее разновидностях:

терминологической (специальная лексика) и профессиональной (относящейся к жаргону), а также выделяли основные лексико-семантические группы военной лексики.

Некоторые исследователи даже вводят специальный термин **военный подъязык** – «это исторически сложившаяся, относительно устойчивая для данного периода, системно организованная автономная экзистенциальная форма национального языка, обладающая своеобразным соотношением взаимодействующих социолингвистических норм первого и второго уровней, представляющая собой совокупность некоторых фонетических, грамматических и, преимущественно, лексических средств общенародного языка, обслуживающих речевое общение военного социума, характеризующегося единством военно-профессиональной и военно-корпоративной деятельности военнослужащих и системой общих и специальных военных понятий» (Коровушкин, 2005, с. 129).

В лингвистических исследованиях последних лет лексическая система военного подъязыка определяется как терминологическая система специального языка (В.Н. Шевчук, В.П. Коровушкин, Ю.Н. Сдобнова).

Военный дискурс – это «особое регламентированное институциональное речепроизводство, характерное для вооруженных сил в совокупности всех коммуникативных формаций и в единстве с социокультурными, прагматическими, психологическими факторами, т.е. с теми, которые непосредственно влияют на его порождение и восприятие в рамках института» (Сдобнова, 2016, с. 150). Л.А. Шашок описывает следующие критерии формирования военного дискурса: участники, хронотоп, цели, ценности, стратегии, тематика, разновидности и жанры, прецедентные тексты, дискуссионные формы.

Исследуя новую лексику в области военного дела, П.Н. Денисов выделяет следующие типы речи (подъяязыки, стили или сферы):

- 1) язык профессиональных военных, включая терминологию военного искусства и военной промышленности, термины, обозначающие специальную технику, живую силу и т.д.;
- 2) язык военно-политической пропаганды и агитации (язык военных СМИ, разговорный дискурс политруков и т.д.);
- 3) разговорная речь солдат и их командиров как в процессе выполнения боевого задания, так и вне его, весь устный военный дискурс;
- 4) язык художественной и мемуарной литературы, в котором отразились вышеперечисленные явления, специальная военная лексика и фразеология (Денисов, 1985, с. 361-362).

Язык профессиональной военной коммуникации характеризуется следующими чертами:

- 1) высокая степень ритуализации коммуникации и унификации узуальных норм, стратификация норм и принципов общения, жесткая вертикаль;
- 2) язык нейтрален и лишен эмотивности;
- 3) диверсификация и подвижность терминосфер и терминосистем разных отраслей.

Важно указать, что военная лексика в основном реализуется в рамках военного статусно-ориентированного дискурса, хотя и не всегда. В последнее время в связи с милитаристической политикой многих государств происходит активный процесс вовлечения людей в военные действия и деятельность в военной сфере (военная промышленность, военная журналистика и т.д.). Соответственно военная терминология существует не только в рамках институционального общения, но и активно проникает в публицистический, официально-деловой и разговорный функциональные стили. Будучи явлением социально значимым, военная сфера становится активной в повседневной коммуникации, при котором происходит

непреднамеренное позиционирование военной лексики. Поэтому Д. Бидеркесен называет военную терминосистему политическими маркерами современности (Бидеркесен, 2020, с.7).

«“Выход” военных терминов и обозначений за рамки сферы их изначального применения и их проникновение в повседневную речь простых обывателей говорит не только об обострении обстановки на мировой политической арене, явных и скрытых конфликтах между государствами и готовности мирового общества к внезапным боевым действиям, но и о формировании пласта лексики, который не только включает в себя уже существующие слова, но и стремительно пополняется новыми единицами благодаря социально-политическим факторам и научно-техническому прогрессу» (Бидеркесен, 2020, с. 6).

Поскольку язык – это подвижная система в целом, в нем постоянно существуют два противоположных процесса: терминологизация обычной лексики и наделение термина нетерминологическими характеристиками, дополнительными коннотациями и т.д. «Так, слова и соотнесенные с ними логические понятия “огонь”, “оборона”, “взаимодействие”, “дозор”, “интервал” “колонна”, “маскировка”, “отход”, “охват”, “разведка” существовали задолго до появления военной науки, получившей название “общая тактика”. Но общетактическими терминами они стали тогда, когда вошли в систему военных понятий. Именно системность и обслуживание военной области знания объединили эти ранее никак не связанные друг с другом слова. На базе основного значения у них развивалось другое, более узкое, терминологическое значение» (Афанасьева, 2018, с. 199).

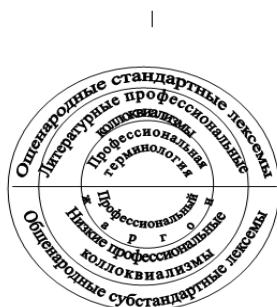
«Превращение слова в термин – это исторический процесс, связанный с опытом прошлого (в военном дискурсе – с соответствующим этапом развития государства, военного института, науки и техники, военного дела) и зависящий от актуальных институционально-региональных и мировых тенденций настоящего (профессионализация, научно-технический прогресс, глобализация). С одной стороны, термин закрепляется в языке как результат научного осмысления языковой картины мира, но с другой – он становится средством познания определенной профессиональной отрасли» (Сдобнова, 2016, с. 150).

Важно отметить, что свойства термина реализуются только внутри терминологического поля, вне которого термин может терять свои системные и дефинитивные характеристики, т.е. детерминологизироваться. Например, термин *полковник*, означающий воинское звание старшего офицерского или командного состава Вооружённых сил, в обычном сознании обретает дополнительные коннотации «солидный мужчина, храбрый военный» (вспомним песню А.Б. Пугачевой «Настоящий полковник») и т.д. Напротив, песня И. Аллегровой «Младший лейтенант, мальчик молодой» закрепило дополнительные коннотации юности, мужской привлекательности за лексемой лейтенант. В связи с этим Д. Бидеркесен справедливо указывает на «двойственную природу», амбивалентность военных терминологических единиц, т.е. их принадлежность «и к общенародному слою словарного состава языка, и к лексике ограниченного профессионального применения» (Бидеркесен, 2020, с. 7) одновременно.

Великов М.С., Сафронова Е.Ю. (2025)
 К проблеме определения понятий: военный подъязык,
 военная лексика, военная терминосистема
Язык и текст, 12(3), 98—110.

Velikov M.S., Safronova E.Yu. (2025)
 On the problem of defining the concepts: military
 sublanguage, military lexicon, military terminology
Language and Text, 12(3), 98—110.

Структура лексической системы
 профессионального подъязыка

Структура лексической системы военного подъязыка

Лексическую систему военного подъязыка как разнообразную, многокрасочную палитру, способную удовлетворить информационные, эмоциональные и коммуникативные потребности человека в профессиональном общении подробно описал В.П. Коровушкин. По его мнению, «лексическая система подъязыка содержит в различной пропорции элементы всех словарных пластов, имеющих в данном национальном языке. Ее ядро объединяет понятийно и функционально связанные нормативную и ненормативную части. В профессиональных подъязыках нормативная часть представлена лексической подсистемой литературного стандарта – соответствующими профессиональными терминосистемами, а ненормативная часть – соответствующими социально-профессиональными или социально-корпоративными арго и жаргонами, которые могут быть этнизированными и локализованными. В зоне, пограничной между ядром и периферией лексической системы подъязыка, находятся литературные и низкие коллоквиализмы. На периферии лексической системы подъязыка находятся общепрофессиональные стандартные и субстандартные лексемы. По мере удаления от лексического ядра степень их понятийно-функциональной специализации и профессионализации уменьшается, а степень этико-стилистической сниженности субстандартных лексем при этом увеличивается» (Коровушкин, 2005, с. 252-253).

Если говорить о военном подъязыке (социолекте – Е.С.), то его лексическая система «включает в себя четыре основных компонента – военное арго, военный жаргон, военные коллоквиализмы и военные вульгаризмы, а также отдельные элементы смежных профессиональных и корпоративных жаргонов, например, морского и речного жаргона, жаргона гражданской авиации, жаргонов МВД, КГБ-ФСБ (для русского языка) и других военизированных структур, железнодорожников, автомобилистов, электриков, компьютерщиков, молодежного и т.п.» (Коровушкин, 2005, с. 134). Военные социолектизмы характеризуются, придают образность, свежесть, эмоциональность разговорному стилю в инстинкциональном общении. Эти эмоционально окрашенные лексемы часто выступают в качестве стилистических синонимов военных терминов.

Рассмотрим подробнее неоднозначные понятия *военный термин*, *военная терминология* и *военная терминосистема*.

«Военный термин – это стандартная лексическая или синтаксическая номинативная единица с нейтральной коннотацией, обозначающая общевойсковое или военно-специальное научно-техническое понятие и функционально закрепленная за профессионально-корпоративной областью военного дела конкретного общества и соответствующей военной сферой функционирования национального языка в военном социуме» (Коровушкин, 2005, с. 132).

В.Н. Шевчук определяет **военную терминологию** так: «это упорядоченная совокупность военных терминов языка, которые отражают понятийный аппарат военной науки и связаны с

формами и способами ведения войны, с вопросами стратегического использования вооруженных сил, а также оперативно-тактического применения объединений, соединений, частей и подразделений, с их организацией, вооружением и техническим оснащением» (Шевчук, 1985, с. 97). В «Военной энциклопедии» дается следующая дефиниция рассматриваемого понятия: «Военная терминология – формализованная система установленных военных терминов (слов, словосочетаний и т.п.), каждый из которых имеет строго определенное значение с четко очерченными рамками применения и научным обоснованием» (Военная энциклопедия, 2004. Т. 8, с. 62-63).

Еще одно определение предлагает Бидеркесен: «Военная терминология, реализуемая посредством лексических единиц, именующих понятия и явления сферы военного дела, в своей совокупности являет собой динамически развивающуюся систему – терминосистему, отличающуюся логичностью, структурированностью принадлежностью к системе знаний о подготовке и ведении военных действий» (Бидеркесен, 2020, с. 10-11).

При этом лингвисты справедливо различают общую и специальную военную терминологию. **«Общая военная терминология** – это совокупность военных терминов, понятийно и функционально закрепленных за профессионально-корпоративной областью военного дела, общей для всей сферы вооруженных сил и всех категорий личного состава» (Коровушкин, 2005, с. 133). А **«специальная военная терминология** – это совокупность военных терминов, понятийно и функционально закрепленных за определенной профессионально-корпоративной областью военного дела, специфичной для одного или, реже, нескольких тесно связанных компонентов сферы вооруженных сил и соответствующей категории личного состава» (Коровушкин, 2005, с. 133).

В военном деле (как, впрочем, в любой другой профессиональной коммуникации) существует своя институциональная терминосистема, реализуемая в многообразии отраслевых и видовых терминсфер. **Военная терминосистема**, по мнению В.П. Коровушкина, – это «вся совокупность военных терминов, имеющих в лексической системе литературного языка, как основной автономной формы существования национального языка» (Коровушкин В.П., 2005, с. 133).

Язык профессиональной военной коммуникации постоянно развивается, эволюционирует и для придания эмоциональности, яркости использует вкрапления терминологических элементов личностно ориентированного дискурса. Эти элементы быстро ассимилируются в военном социолекте либо на основе первого, номинативного значения появляется второе, маркированное. Например, лексема **бэтэр**, -а, м. 1. разг. БТР кроме прямого значения «военная машина» приобретает второе значение с пометой *груб.-шутл. лобковая вошь*, которое, в свою очередь, по аналогии рождает и третий лексико-семантический вариант *фам.-насм. крупная женщина*.

Ю.Н. Сдобнова, рассматривая арготизмы-зоонимы, функционирующие в терминсфере ВМС военного дискурса Франции, отмечает, что эта «закодированная» и ритуализированная терминология, преимущественно активно используемая в устных дискурсивных практиках, еще не нашла отражение в специализированных словарях. Арготизмы (фр. *argotisme*) – это «семантически преобразованные лексические единицы с яркой экспрессивной окраской, появившиеся в различных социальных, профессиональных дискурсах и вербализующиеся в профессиональном, чаще неофициальном дискурсе». Они отличаются профессиональной маркированностью, выполняют функцию кода или пароля и подчиненную ей коммуникативно-номинативную функцию в дискурсе военного института и противопоставленных в понятийно-функциональном плане своей профессиональной частью узкоспециальной военной терминологии (Сдобнова, 2016, с. 151). Ю.Н. Сдобнова

классифицирует арготизмы-зоонимы, выделяя несколько пластов лексики: 1) маммалогический – названия млекопитающих; 2) орнитологический – названия птиц; 3) инсектологический – названия насекомых; 4) ихтиологический – названия рыб и водных животных и т.д. При этом она выделяет следующие группы арготизмов-зоонимов: наименование должностей, групп военнослужащих, воинских званий, элементов обмундирования, название механизмов и устройств (Сдобнова, 2016).

Кроме того, добавим, существует довольно широкая, объемная группа ненормативной военной лексики, и среди военных приняты и широко употребительны даже синонимические эквиваленты команд.

На современном этапе развития языкознания отсутствует общепризнанная концепция классификации военной терминосистемы. Так, Е.Д. Исаева разделяет военную терминологию по тематически-отраслевому признаку на шесть групп: «военные команды (например, «Смирно! Встать!»); военно-технические термины (например, «радиолокационный дальномер»; оперативно-тактические термины (например, «расположение войск», «боевой порядок»); военно-административные термины (например, «дивизионный округ»); военно-топографические термины (например, «разведка местности», «рекогносцировка»); военно-инженерные термины (например, «пontonно-переправочные средства»))» (Исаева, 2009, с. 31).

Ю.Н. Сдобнова предлагает классифицировать военную терминологию на семь отраслевых групп или «терминосфер»: «терминосфера родов войск и видов Вооруженных сил; терминосфера военной техники; организационная терминосфера; общетактическая терминосфера; штабная терминосфера; военно-политическая терминосфера; командно-строевая терминосфера; военно-топографическая терминосфера» (Сдобнова, 2014, с. 199).

Ю.О. Лукьянчук соотносит термины военной сферы с разновидностями вооруженных сил, соответственно выделяя пять групп: термины военно-морских сил, сухопутных войск, военно-воздушных сил, военной связи и инженерных войск (Лукьянчук, 2017, с. 66).

Кроме того, есть отдельные публикации, посвященные изучению средств реализации языкового смысла «признак предмета» в профессиональной военной терминосистеме (Сафронова, Калугина, 2024), а также тематической группе «война» в художественных текстах (См, например: Калугина, Твердун, 2023).

Результаты

Таким образом, военная лексика – это система лексических средств, обозначающих военные понятия и употребляющихся в общенародном и специальном – профессиональном – общении. Двойственность природы таких лексических единиц усиливает неоднозначность понятия «военная лексика». Основу военной лексики составляют именно терминологические единицы. Однако военный термин – понятие неоднозначное, исторически изменчивое, граница между термином и нетермином подвижна и обусловлена экстралингвистическими обстоятельствами: политическая ситуация, милитаристская политика, научно-технический прогресс и т.д. Соответственно, в лингвистике отсутствует общепризнанная классификация военной терминологии, что обуславливает необходимость многоаспектного исследования таких терминологических единиц.

В терминологической лексикографии важно разграничение военных терминов, дифференциация военной лексики, но в практических целях педагогического проектирования, по нашему мнению, такое точное разграничение рассматриваемых дефиниций нерелевантно. Курсанту-иностранцу важнее скорость и точность знакомства и

освоения профессиональной лексики. Устный дискурс не менее значим, чем письменная коммуникация, он требует вовлеченности и быстроты реагирования на команду.

В современной методике преподавания русского языка как иностранного принципиально важной задачей является развитие коммуникативной компетенции у студентов. Обучение курсантов профессиональной речи выполняет адаптивную, коммуникативную, образовательную и воспитательную функции. Однако проблема преподавания специальных предметов в военных вузах по-прежнему остается злободневной, потому что профессиональная лексика достаточно обширна и действительно трудна для иностранных студентов. Существуют нормы восприятия, согласно которым безрезультатно вводить более 12-15 новых лексем за одно занятие, которые постоянно нарушаются преподавателем профильных дисциплин, преподавателями-нерусистами, не учитывающими коммуникативные потребности и когнитивные возможности инофонов. Напротив, более целенаправленно необходимо использовать обучающий потенциал русской среды в военных вузах, особенно учитывая круглосуточное пребывание курсантов при правильном распорядке дня, верной организации деятельности курсовых офицеров и т.д. При этом особое внимание целесообразно уделить профессиональной терминосистеме (Великов, Сафронова, 2025, с. 94).

Обсуждение результатов

Тщательный анализ учебно-дидактических материалов по научному стилю речи или языку специальности¹ для зарубежных военных специалистов, изучающих русский язык как иностранный, показал, что существующих «репертуар» учебных пособий явно недостаточен и нуждается в улучшении. Необходима комплексная и обширная работа по улучшению преподавания научного стиля речи для военных специалистов и знакомства с военной терминосистемой. Для решения этой задачи авторы предлагают разработать интерактивный иллюстрированный словарь военной лексики и систему заданий, направленную на закрепление этого материала. Словарная статья создается как креолизованный текст: дефиниция каждого понятия дополняется актуальным изображением. Такой словарь военной лексики соответствует концепции современного учебника как поликодового текста, способствующего углублению языковых и профессиональных знаний иностранных курсантов, подготавливающего их к переходу от репродуктивной функции речи к творческому, свободному владению профессиональной лексикой (Великов, Сафронова, 2025, с. 97).

¹ См, например, Ковалькова А.В. Читаем тексты по специальности. Выпуск 13. Стрелковое оружие. – СПб.: Златоуст, 2013. – 74 с.; Жарова О., Третьякова Л. Читаем тексты по специальности. Выпуск 10. Военная история России. – СПб.: Златоуст, 2012. – 136 с.; Антонова Н.А. Русский язык: введение в специальную лексику: учебное пособие для иностранных военнослужащих. – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2018. – 154 с.; Антонова Н.А. Русский язык: основы научного стиля: учебное пособие для военнослужащих. 2 изд. – М.: Флинта, 2021. – 99 с.; Кирик С. Конструктор Калашников. Комплексное учебное пособие для изучающих русский язык как иностранный (+DVD). – М.: Русский язык. курсы., 2020. – 32 с.; Кирик С. Оружейник Макаров: комплексное учебное пособие для изучающих русский язык как иностранный (+DVD - фильм) – М.: Русский язык. курсы., 2017. – 32 с.; Кирик С. Смотрим фильмы о войне – изучаем русский язык. – СПб.: Златоуст, 2024. – 66 с.; Семенистая М.Н. Язык специальности на уроке русского языка. Вооруженные силы. А1. – СПб.: Златоуст, 2024. – 86 с.; Семенистая М.Н. Читаем тексты по специальности. Выпуск 17. Тактика. Ракетно-артиллерийское вооружение. – СПб.: Златоуст, 2020. – 228 с.; Афанасьева С.Н., Меркулова Т.В., Сидорова Ю.А., Васюкова Л.Б. Русский язык. Обучение научному стилю речи. М.: ВУНЦ СВ «ОВА ВС РФ», 2013. 137 с.

Заключение

Основа для комплектования вокабуляра профессиональной лексики иллюстрированного словаря, учебного пособия, других дидактических материалов для курсантов военного вуза должна быть не умозрительна, а практикоориентирована, органично связана с его жизнью и обучением в военном вузе, вытекать из распорядка дня курсанта, набора его типичных речевых ситуаций в казарме, в наряде, в учебной аудитории, на строевой подготовке и т.д. При разработке дидактических материалов и отборе профессиональной военной лексики важно руководствоваться такими критериями, как приоритет междисциплинарной интеграции, частотность; тематическая наличность, принадлежность профессиональной лексики в соответствии со специализацией, учет интра- и экстралингвистических факторов.

Целостная система обучения военной лексике, и шире – военному русскоязычному дискурсу, построенная на современных принципах интерактивности, поможет обеспечить контекстное погружение иностранцев в профессиональную среду с первых дней нахождения в РФ, сокращая сроки адаптации инофонов, способствовать более быстрому и успешному вхождению в профессиональную коммуникацию на русском языке.

Список источников / References

1. Афанасьева, С.Н. (2018). Функции и признаки термина как основа дифференциации термина/нетермина в современном русском языке. *Вестник Чувашского университета: Филологические науки. Языкознание*, 2, 196–202.
Afanasyeva, S.N. (2018). Functions and features of the term as the basis for differentiating term and nonterm in modern Russian language. *Bulletin of Chuvash State University: Philological Sciences. Linguistics*, 2, 196–202. (In Russ.).
2. Бидеркесен, Д. (2020). Военная лексика как особый элемент лексической системы языка. *Казанский лингвистический журнал*, 3(1), 5–16. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2020.3.1.5-16>
Biderkesen, D. (2020). Military lexicon as a special element of the language's lexical system. *Kazan Linguistic Journal*, 3(1), 5–16. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2020.3.1.5-16>
3. Великов, М.С., Сафронова, Е.Ю. (2025). Системы обучения военной лексике в курсе РКИ для иностранных курсантов в вузах Министерства обороны. *Научно-педагогическое обозрение (Pedagogical Review)*, 4 (62), 92–103. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2025-4-92-103>
Velikov, M.S., Safronova, E.Yu. (2025). Sistemy obuchenija voennoj leksike v kurse RKI dlja inostrannyh kursantov v vuzah Ministerstva oborony. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie (Pedagogical Review)*, 4 (62), 92–103. (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2025-4-92-103>
4. Исаева, Е.Д. (2009). Особенности японской военной терминологии. *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*, 4, 29–34.
Isaeva, E.D. (2009). Features of Japanese military terminology. *Bulletin of Irkutsk State Linguistic University*, 4, 29–34. (In Russ.).

Великов М.С., Сафронова Е.Ю. (2025)
К проблеме определения понятий: военный подязык,
военная лексика, военная терминосистема
Язык и текст, 12(3), 98—110.

Velikov M.S., Safronova E.Yu. (2025)
On the problem of defining the concepts: military
sublanguage, military lexicon, military terminology
Language and Text, 12(3), 98—110.

5. Калугина, Т.В., Твердун, Ю.С. (2023). Тематические группы «Война и музыка» в «Слове о полку Игореве». *Аллея науки*, 1, 2 (77), 252-257.
Kalugina, T.V., Tverdun, Ju.S. (2023). Tematicheskie gruppy «Vojna i muzyka» v «Slove o polku Igoreve». *Alley of Science*, 1, 2 (77), 252-257.
6. Коровушкин, В.П. (2005). *Основы контрастивной социолингвистики: Монография: В 2 ч. Ч. 2.* Череповец: ГОУ ВПО ЧГУ.
Korovushkin, V.P. (2005). *Foundations of contrastive sociolinguistics: Monograph: In two parts. Part 2.* Cherepovets: GOOU VPO ChGU. (In Russ.).
7. Лукьянчук, Ю.О. (2017). Способы классификации военных терминов. *Научные записки национального университета «Острожская академия»*, 66, 65–67.
Lukyanchuk, Yu.O. (2017). Methods of classifying military terms. *Proceedings of National University "Ostrohskaia Akademiya"*, 66, 65–67. (In Russ.).
8. Сафронова, Е.Ю., Калугина, Т.В. (2024). Средства реализации языкового смысла «признак предмета» в профессиональной сфере «военное строительство». *Язык и текст*, 11 (1), 52–64. <https://doi.org/10.17759/langt.2024110105>
Safronova, E.Yu., Kalugina, T.V. (2024). Means for realizing linguistic meaning "The Sign of the Object" in the professional sphere "Military Construction". *Language and Text*, 11 (1), 52–64. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2024110105>
9. Сдобнова, Ю.Н. (2014). Некоторые дискурсивные особенности современной военной терминосистемы вооруженных сил Франции. *Вестник МГЛУ*, 10(696), 195–209.
Sdobnova, Yu.N. (2014). Some discursive features of the modern military terminological system of the French armed forces. *MSLU Bulletin*, 10(696), 195–209. (In Russ.).
10. Сдобнова, Ю.Н. (2016). Некоторые особенности современного военного дискурса (на материале арготизмов-зоонимов в терминосфере Военно-Морских Сил Франции). *Вестник МГЛУ*, 12(751), 149–155.
Sdobnova, Yu.N. (2016). Some features of the contemporary military discourse (on the material of jargon-zoonyms in the terminological sphere of the French Navy). *MSLU Bulletin*, 12(751), 149–155. (In Russ.).
11. Шевчук, В.Н. (1985). *Военно-терминологическая система в статике и динамике: дис. ... докт. филол. наук.* Военный институт.
Shevchuk, V.N. (1985). *Military terminological system in static and dynamic.* Diss. ... Dr. Sci. (Philology). Military Institute. (In Russ.).

Информация об авторах

Максим Сергеевич Великов, начальник специального факультета, Военный институт (инженерно-технический) Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулева, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-7664-830X>, e-mail: botvexel@yandex.ru

Елена Юрьевна Сафронова, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, факультет экономики и управления, Санкт-Петербургский архитектурно-

Великов М.С., Сафронова Е.Ю. (2025)
К проблеме определения понятий: военный подязык,
военная лексика, военная терминосистема
Язык и текст, 12(3), 98—110.

Velikov M.S., Safronova E.Yu. (2025)
On the problem of defining the concepts: military
sublanguage, military lexicon, military terminology
Language and Text, 12(3), 98—110.

строительный университет (ФГБОУ ВО СПбГАСУ); профессор кафедры медиакоммуникаций и рекламы, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики (ЧОУ ВО СПбТУиЭ); член Международного общества Достоевского, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7245-9174>, e-mail: esafr@mail.ru

Information about the authors

Maxim S. Velikov, Head of the Special Faculty, Military Institute (Engineering and Technical) of the Military Academy of Logistics named after General of the Army A.V. Khrulev, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-7664-830X>, e-mail: botvexel@yandex.ru

Elena Yu. Safronova, Doctor in Philology, Professor of the Department of Intercultural Communication, Faculty of Economics and Management, (FSBEI HE SPbGASU); Professor of the Department of Media Communications and Advertising, St. Petersburg University of Management Technologies and Economics (PEI HE SPbTUiE); Member of the Dostoevsky International Society, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7245-9174>, e-mail: esafr@mail.ru

Вклад авторов

Великов М.С. — аннотирование, написание и оформление рукописи; планирование исследования.

Сафронова Е.Ю. — идеи исследования; сбор и анализ данных, контроль за проведением исследования.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Maxim S. Velikov — annotation, writing and design of the manuscript; planning of the research

Elena Yu. Safronova — ideas of the research; data collection and analysis; control over the research.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 01.08.2025

Поступила после рецензирования 28.08.2025

Принята к публикации 10.09.2025

Опубликована 25.09.2025

Received 2025.08.01

Revised 2025.08.28

Accepted 2025.09.10

Published 2025.09.25

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР | LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL BASIS OF LEARNING LANGUAGES AND CULTURES

Научная статья | Original paper

Лексико-грамматические особенности Строевого устава Российской Федерации

И.А. Гладких✉

Военная академия связи им. Маршала Советского Союза С.М. Буденного, Санкт-Петербург,
Российская Федерация

✉ gladkikh_irina@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Большое значение в подготовке иностранных специалистов в вузах Российской Федерации имеет уровень владения русским языком, так как он является для них не только языком общения в новой социокультурной среде, но и средством получения знаний по выбранной специальности. Профессиональная направленность обучения русскому языку иностранных обучающихся реализуется в изучении языка специальности. В обучение иностранных курсантов на подготовительном курсе в военных вузах России входят не только общеобразовательные дисциплины, но и общая военная подготовка, которая включает в себя строевую подготовку и изучение основных положений воинских уставов. **Цель.** Выявить лексико-грамматические особенности Строевого устава РФ для обучения иностранных военных специалистов. **Гипотеза.** Изучение Строевого устава РФ как текста-инструкции и его лексико-грамматических особенностей на занятиях по русскому языку способствует формированию коммуникативной компетенции иностранных военных специалистов в академической и учебно-профессиональной сфере общения. **Методы и материалы.** В исследовании применялись следующие методы: теоретический анализ литературы по теме исследования; наблюдение за учебной деятельностью иностранных курсантов и преподавателей русского языка; изучение и обобщение педагогического опыта довузовской подготовки иностранных обучающихся; анализ регламентирующих документов по обучению иностранных курсантов и учебных пособий для этапа довузовской подготовки; систематизация и обобщение. **Результаты.** Результаты показали, что изучение лексико-грамматических особенностей текста-инструкции и Строевого устава на занятиях по русскому языку на этапе довузовской подготовки облегчит

иностранным курсантам адаптацию в новой для них учебно-профессиональной сфере общения, будет способствовать успешности их познавательной и профессиональной деятельности, а также реализует междисциплинарные связи в военном вузе. **Выводы.** Создание совместными усилиями преподавателей кафедры русского языка и военных специалистов специального учебного пособия по изучению Строевого устава для иностранных обучающихся может оказать большую помощь в подготовке будущих офицеров.

Ключевые слова: иностранные военные специалисты, язык специальности, подготовительный курс, текст-инструкция, Строевой устав РФ

Для цитирования: Гладких, И.А. (2025). Лексико-грамматические особенности Строевого устава Российской Федерации. *Язык и текст*, 12(3), 111—121. <https://doi.org/10.17759/langt.2025120310>

Lexical and grammatical features of the Military Regulations of Russian Federation

I.A. Gladkikh✉

Military Academy of Communications named after Marshal of the Soviet Union S.M. Budenny, Saint Petersburg, Russian Federation

✉ gladkikh_irina@mail.ru

Abstract

Context and relevance. The level of Russian language proficiency is of great importance in the training of foreign specialists at universities in the Russian Federation, as it is not only a means of communication in a new sociocultural environment, but also a means of acquiring knowledge in the chosen field of study. The professional orientation of teaching Russian to foreign students is realized through the study of the language of the specialty. The training of foreign cadets at the preparatory course in Russian military universities includes not only general education subjects, but also general military training, which includes drill training and the study of the basic provisions of military regulations. **Objective.** To identify the the lexical and grammatical features of the Russian Federation Military Regulations for training foreign military specialists. **Hypothesis.** The study of the Russian Federation Military Regulations as an instructional text and its lexical and grammatical features in Russian language classes contributes to the formation of the communicative competence of foreign military specialists in the academic and educational-professional sphere of communication. **Methods and materials.** The following methods were used in the study: theoretical analysis of literature on the research topic; observation of the educational activities of foreign cadets and Russian language teachers; study and generalization of the pedagogical experience of pre-university training for foreign students; analysis of regulatory documents on the training of foreign cadets and educational materials for the pre-university training stage; systematization and generalization. **Results.** The results showed that studying the lexical and grammatical features of the instruction text and the Military

Regulations in Russian language classes at the pre-university stage will make it easier for foreign cadets to adapt to the new educational and professional sphere of communication, will contribute to the success of their cognitive and professional activities, and will also implement interdisciplinary connections in a military university. **Conclusions.** The creation of a special textbook on the Military Regulations for foreign students by a team of Russian language teachers and military specialists can greatly help in the training of future officers.

Keywords: foreign military specialists, specialty language, preparatory course, text-instruction, Military Regulations of the Russian Federation

For citation: Gladkikh, I.A. (2025). Lexical and grammatical features of the Military Regulations of Russian Federation. *Language and Text*, 12(3), 111—121. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2025120310>

Введение

Одним из важных направлений деятельности вузов Российской Федерации является подготовка иностранных специалистов. С каждым годом растет количество иностранных студентов, приезжающих на учебу в вузы России. Согласно Единому плану по достижению национальных целей развития страны к 2030 году количество иностранцев, обучающихся в вузах России, должно достичь 500 тысяч человек (Единый план..., 2025). Растет и количество иностранных граждан, желающих получить высшее образование в военных вузах России. Так, в 2024 году количество иностранных курсантов в военных вузах Российской Федерации составляло около 10 тысяч человек¹. Диплом российского военного вуза является престижным во многих странах, так как российское военное образование считается качественным, а военная техника российского производства стоит на вооружении большого числа стран. Кроме того, в последнее время активно развивается сотрудничество России со странами Азии и Африки в области высшего образования, в том числе военного.

Обучение иностранных граждан, приезжающих в вузы России и не владеющих русским языком, проходит в два этапа: этап довузовской подготовки и основной этап обучения по программам профессиональной подготовки. Большое значение в подготовке иностранных специалистов имеет их уровень владения русским языком. Именно от того, как обучающийся владеет русским языком, во многом зависит успешность его обучения в российском вузе. Русский язык является для иностранцев не только языком общения в новой социокультурной среде, но и средством получения знаний по выбранной специальности, а также освоения культуры страны пребывания. Качество языковой подготовки иностранных военных специалистов обеспечивается современными технологиями обучения, а также учётом их коммуникативных потребностей. Профессиональная направленность обучения русскому языку иностранных курсантов реализуется в изучении научного стиля речи на этапе довузовской подготовки и изучении языка специальности на основном этапе обучения.

Методику обучения иностранцев языку специальности подробно описали многие исследователи: О.Д. Митрофанова, Е.И. Мотина, В.В. Химик, И.В. Авдеева и др. Основы

¹ Шерзад, Т., Баранов, Н. В образовательных организациях МО РФ обучается около 10 тыс. иностранцев (2024). URL: <http://tvzvezda.ru/news/202410151617-l48Ku.html/> (дата обращения: 22.07.2025)

владения языком будущей специальности закладываются еще в период обучения на подготовительном курсе. На данном этапе начинается комплексное обучение аспектам языка и взаимосвязанное обучение видам речевой деятельности с целью формирования у иностранных курсантов коммуникативной компетенции в разных сферах общения: учебно-профессиональной, бытовой и социокультурной. На этапе довузовской подготовки вводятся элементы языка будущей специальности, обучение строится на основе специально составленных или адаптированных текстов по общеобразовательным дисциплинам в соответствии с профилем обучения. Так для естественно-технического профиля обучения обычно используются тексты по математике, физике, информатике и химии. Однако обучение иностранных курсантов на подготовительном курсе в военных вузах имеет свои особенности. Список дисциплин, изучаемых иностранными курсантами на этапе довузовской подготовки, дополняется еще историей России и общей военной подготовкой, которая включает в себя строевую подготовку и изучение основных положений воинских уставов.

Цель исследования – выявить лексико-грамматические особенности Строевого устава РФ для обучения иностранных военных специалистов.

Материалы и методы

В исследовании применялись следующие методы:

- теоретический анализ литературы по теме исследования;
- наблюдение за учебной деятельностью иностранных курсантов и преподавателей русского языка;
- изучение и обобщение педагогического опыта довузовской подготовки иностранных обучающихся;
- анализ регламентирующих документов по обучению иностранных курсантов и учебных пособий для этапа довузовской подготовки;
- систематизация и обобщение.

Результаты

Изучение языка специальности является важной составляющей в формировании умений и навыков у иностранных обучающихся в учебно-профессиональной сфере общения. Обучение языку специальности начинается на этапе довузовской подготовки и проводится на материале дисциплин общенаучного характера в соответствии с будущей специальностью обучающихся. Предлагаемый для изучения материал должен быть представлен «в той форме, в которой он воплощается в сфере данной науки, ибо научиться деятельности в определенной сфере (и конкретных формах) можно лишь в результате многократной тренировки в осуществлении присущих ей конкретных целостных актов в соответствии с их конкретными задачами и в естественных условиях их протекания в рамках данной сферы» (Мотина, 1988, с. 7).

«Лингводидактическая программа по русскому языку как иностранному: Элементарный уровень. Базовый уровень. Первый сертификационный уровень» (Лингводидактическая программа..., 2010, с. 103) указывает, что для решения различных коммуникативных задач в учебно-профессиональной сфере общения иностранные обучающиеся должны уметь понимать и адекватно идентифицировать следующие коммуникативно-речевые блоки:

- определение объекта;
- классификация объектов, явлений и предметов;
- описание явления, процесса, функции, свойств предмета;
- описание процесса изменения состояния явления, предмета, объекта;
- описание структуры, строения, состава, устройства объекта;
- описание движения, перемещения, взаимодействия объектов;
- описание нахождения, расположения, положения предмета;
- описание применения, назначения объекта;
- выражение связи, зависимости между объектами;
- выражение качественной и количественной характеристики;
- сравнение, сопоставление объектов;
- обозначение, изменение, вычисление.

В процессе обучения иностранные курсанты должны не только выучить необходимые лексико-грамматические конструкции для выражения определенных значений, но и научиться работать с разными типами текстов. Любой специалист должен уметь прочесть научный текст по своей специальности, понять его, воспроизвести в устной или письменной форме, а также вести беседу на профессиональные темы и создавать устные и письменные тексты разных типов. Для иностранных обучающихся очень важно научиться понимать тексты по специальности, рассуждать, логически выстраивать своё высказывание и оформлять его средствами русского языка.

Для языка каждой специальности характерны свои типы текстов. Типология текстов изучалась многими лингвистами. По типологии, предложенной Е.И. Мотиной, выделяются такие типы текстов, как описание, повествование, рассуждение, доказательство, определение понятия и сообщение (Мотина, 1978). Однако чаще всего иностранные курсанты будут иметь дело с текстами смешанного типа. Такие тексты имеют довольно сложную структуру, а также большой набор языковых клише, служащих для связи слов и предложений в тексте.

Типология текстов, предложенная Е.И. Мотиной, была дополнена И.А. Гладких еще одним типом текста – инструкцией (Гладких, 2006). Инструкция определяется как «самостоятельный тип текста с особым способом изложения содержания, посредством которого дается точное (пошаговое) предписание по выполнению тех или иных действий, приводящих к конкретному результату» (Гладких, 2006, с. 40). Данный тип текста актуален для подготовки иностранных граждан к обучению в технических вузах России.

Тексты-инструкции включаются в учебные пособия по русскому языку довольно редко. Так, например, в учебном пособии «Готовимся учиться в техническом вузе» (Готовимся учиться..., 2019) дается представление о тексте-инструкции и лексико-синтаксических конструкциях, которые в нем употребляются. В данном пособии используются инструкции к лабораторным работам по физике, химии, тексты по информатике и математике. Однако для подготовки будущих офицеров этого недостаточно.

Согласно Методическим рекомендациям МО РФ (Методические рекомендации..., 2019) в программу подготовительного курса для иностранных военнослужащих необходимо также включать изучение истории России и общую военную подготовку. Общая военная подготовка подразумевает не только занятия по строевой подготовке, но и изучение воинских уставов. Изучение воинских уставов является неотъемлемой частью профессиональной подготовки будущего офицера. Текст устава довольно сложен для

восприятия иностранными обучающимися и представляет большую трудность для них как с точки зрения использования специальной лексики, так и грамматически.

Как любой текст по специальности, воинский устав имеет свои лексико-грамматические особенности. Текст воинского устава можно квалифицировать как текст-инструкцию. Поэтому в курсе научного стиля речи и языка специальности на занятиях по русскому языку необходимо уделять внимание изучению особенностей текста-инструкции. Рассмотрим Строевой устав (Строевой Устав, 2006) как текст-инструкцию.

Так как инструкция побуждает читающего выполнить определенную последовательность действий, в текстах данного типа широко используются глаголы в форме повелительного наклонения. Так же широко в инструкциях используются глаголы в форме инфинитива.

Строевой устав содержит лексико-синтаксические конструкции, в которых предикативный центр оформлен глаголом в форме инфинитива или сочетанием модального слова с инфинитивом, и безличные конструкции, в которых предикативный центр оформлен глаголом с *-ся*, характерные для текста-инструкции. В простом предложении мы можем наблюдать следующие конструкции: *при N₆ + Inf.*; *по N₃ + Inf.*; *по N₃ + должен + Inf.*; *V-ся*; *для N₂ + V-ся*; *при N₆ + V-ся*; *при необходимости + Inf. + V-ся*. В сложном предложении представлены следующие конструкции: *чтобы + Inf.*, *V-ся*; *V-ся, V-ся*; *если ..., Inf.*; *если необходимо + Inf.*, *то V-ся*. Например: «По команде “Вольно” стать свободно, ослабить в колене правую или левую ногу» (Строевой Устав, 2006, с. 7). «По этой команде военнослужащий должен быстро занять свое место в строю, набрать установленные интервал и дистанцию, принять строевую стойку» (Строевой Устав, 2006, с. 6). «При поворотах движение руками производится в такт шага» (Строевой Устав, 2006, с. 9).

В тексте устава используется большое количество деепричастий и деепричастных оборотов. Например: «Сделав поворот, одновременно с приставлением ноги плавно опустить оружие на землю» (Строевой Устав, 2006, с. 14). Тема «Деепричастие» на этапе довузовской подготовки обычно изучается в конце курса. Однако часто группы приступают к занятиям с опозданием и не всегда успевают пройти данный материал. В связи с этим необходимо изучать деепричастия не только на материале общего владения, но и на занятиях по научному стилю речи. При этом грамматический материал таких занятий может слегка опережать грамматический материал на занятиях по общему владению языком.

Как и для любой инструкции, для текста Строевого устава характерно наличие большого количества глаголов в форме императива. Причем отличительной особенностью текста устава является использование императива в форме единственного числа в формулировках команд. Например: «СТАНОВИСЬ!» «СТОЙ!» «РАЗойДИСЬ!» «ЗАВОДИ!» «ГЛУШИ ДВИГАТЕЛЬ!» «Делай – РАЗ, делай – ДВА!» (Строевой Устав, 2006). Необходимо обратить внимание иностранных курсантов на специфические формы императива от глаголов *равняться* и *рассчитаться*: «РАВНЯЙСЬ!» «РАССЧИТАЙСЬ!» (Строевой Устав, 2006). Еще один вариант формулирования команд – с помощью инфинитива. Например: «ВСТАТЬ!» «ЗАПРАВИТЬСЯ!» «Головные уборы СНЯТЬ!» «ПРИНЯТЬ ВПРАВО!» (Строевой Устав, 2006). В некоторых случаях в формулировках команд глагол может отсутствовать. Например: «Рядовой Петров, кру-ГОМ!» «Шагом – МАРШ!» «Автоматы на ре-МЕНЬ!» «Оружие – ЗА СПИНУ!» «ШИРЕ шаг!» (Строевой Устав, 2006).

Следует также отметить такой характерный момент, как «проглатывание» звуков при подаче команды. Например: «Для встречи справа, на *кра-УЛ!*» «Отделение, СМЕРНО, равнение на – *СРЕДИНУ!*» «Рядовой Иванов, *СТАТЬ В СТРОЙ!*» [9]. В последнем примере в

восприятии иностранца происходит смешение глаголов *стать* и *встать*, что может затруднить понимание команды. Данное затруднение вызвано тем, что на довузовском этапе обучения обычно изучают глагол *стать* в сочетании с творительным падежом (*стать кем*) для обозначения рода деятельности, а глагол *встать* часто представлен в сочетании с винительным падежом для обозначения места (*встать куда*).

При изучении Строевого устава с иностранными курсантами следует обратить внимание на употребление творительного падежа. Для текста устава характерно использование конструкций с творительным падежом без предлога для выражения способа совершения действия: «Движение совершается *шагом* или *бегом*» (Строевой Устав, 2006, с. 8). «Перестроение отделения из развернутого строя в колонну производится *поворотом* отделения направо по команде “Отделение, напра-ВО”» (Строевой Устав, 2006, с. 22). «Управление строем осуществляется *командами и приказами*, которые подаются командиром *голосом, сигналами и личным примером*, а также передаются с помощью технических и подвижных средств» (Строевой Устав, 2006, с. 5). Встречается и непривычное употребление творительного падежа с предлогом *с* для описания характеристики действия: «Движение шагом осуществляется *с темпом 110 – 120 шагов в минуту*» (Строевой Устав, 2006, с. 8).

Кроме того, часто встречаются конструкции *быть/бывать кем (каким)*, в которых творительный падеж заменяется именительным, что противоречит тому, что иностранные обучающиеся изучали в курсе общего владения. Например: «Развернутый строй взвода может быть *одношереножный или двухшереножный*» (Строевой Устав, 2006 с. 24). «Команда разделяется на предварительную и исполнительную; команды могут быть и только *исполнительные*» (Строевой Устав, 2006, с. 5). «Шаг бывает *строевой и походный*» (Строевой Устав, 2006, с. 8).

Обратить внимание иностранных курсантов следует и на употребление дательного падежа с предлогом *по* в тексте Строевого устава. Дательный падеж количественных числительных с предлогом *по* может использоваться при описании классификации. Например: «Колонны могут быть *по одному, по два, по три, по четыре* и более» (Строевой Устав, 2006, с. 4).

Дательный падеж с предлогом *по* может также использоваться для описания характеристики действия. Например: «*По направляющему* сообразуют свое движение остальные военнослужащие (подразделения, машины)» (Строевой Устав, 2006, с. 5). «При этом построение производится, как правило, *по росту*» (Строевой Устав, 2006, с. 6). «Построение подразделений производится *по команде “СТАНОВИСЬ”*» (Строевой Устав, 2006, с. 6).

В тексте устава встречается конструкция с предложным падежом и предлогом *по* для обозначения временных отношений: «*По прохождении* начальника или по команде “Вольно” командир отделения командует: “ВОЛЬНО” – и опускает руку» (Строевой Устав, 2006, с. 24). Данная конструкция не входит в программу по русскому языку на этапе довузовской подготовки, поэтому преподаватель должен обратить на нее внимание иностранных курсантов и объяснить ее употребление.

В тексте Строевого устава большое количество субстантивированных причастий (военнослужащий, направляющий, замыкающий и др.) и отглагольных существительных, которые традиционно вызывают трудности у иностранных обучающихся. Во время работы с отглагольными существительными хороший результат дает использование следующих заданий:

– Подберите существительное из правой колонки к соответствующему глаголу из левой колонки.

Например:

проходить	равнение
построить	получение
выполнить	снаряжение
получить	вооружение
повторить	разрешение
формировать	выполнение
передвинуть	построение
разрешить	повторение
вооружить	формирование
снарядить	передвижение
равняться	прохождение

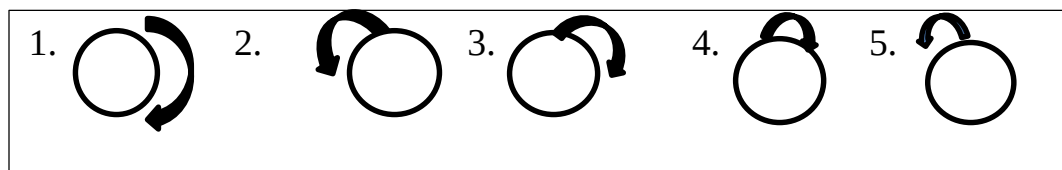
Данное задание можно выполнять как в традиционной форме, когда обучающимся предлагается две колонки слов, так и в форме игры. Играть можно индивидуально или по командам. Каждой команде выдается набор карточек, на которых написаны существительные и глаголы. Можно дать на команду одну карточку с написанными на ней словами, а можно предложить лото (набор карточек со словами, из которых нужно составить пары). Выигрывает та команда, которая быстрее и правильнее справится с заданием.

– Назовите глаголы, которым соответствуют данные существительные: расчет, подача, подготовка, осмотр, переход, перевод, стойка. Составьте словосочетания с данными существительными.

– Образуйте существительные от данных глаголов: снять, обозначить, поднимать, опускать, прекратить, приветствовать. Составьте словосочетания с данными существительными.

При изучении лексико-грамматических конструкций, характерных для текста устава, предлагается использовать следующие задания:

– Посмотрите на схемы и скажите, какую команду нужно дать в каждом случае:

(Ответы: 1. Кру-ГОМ; 2. Нале-ВО; 3. Напра-ВО; 4. Пол-оборота нале-ВО; 5. Пол-оборота напра-ВО.)

Данное задание можно выполнять в игровой форме: один курсант подает команду, а остальные выполняют ее. После выполнения каждой команды можно попросить обучающихся прокомментировать свои действия.

– Скажите, что необходимо сделать по команде «СМИРНО», «ВОЛЬНО», «Бегом – МАРШ», «ЗАПРАВИТЬСЯ», «СТАНОВИСЬ». Опишите ваши действия.

– Закончите данные предложения. Например:

1. Для выполнения воинского приветствия на месте вне строя ...
2. При обгоне начальника (старшего) воинское приветствие ...
3. При подходе к начальнику вне строя ...

4. По команде «РАВНЯЙСЬ» все, кроме правого флангового ...

5. Для перемены направления движения захождением плечом подается команда ...

Данное задание можно выполнять письменно и устно. При контроле выполнения задания можно попросить одного курсанта прочитать свое предложение, а второго выполнить требуемые действия. Такая форма контроля вносит интерактивный элемент в занятие.

– Скажите, как выполняются данные действия: размыкание отделения на месте, повороты отделения, смыкание отделения, перестроение отделения из одной шеренги в две.

При выполнении данного задания можно также внести элементы интерактивности: один курсант выполняет необходимые действия и одновременно проговаривает каждое, остальные курсанты контролируют и оценивают правильность выполнения. Другой вариант: один обучающийся, подает команду, другой выполняет ее, а остальные контролируют и оценивают правильность выполнения задания, а также корректируют и комментируют допущенные ошибки.

Сочетание проговаривания и движения при выполнении задания способствует лучшему запоминанию. Кроме того, использование игровых и соревновательных моментов на занятии повышает мотивацию к изучению предмета, активизирует деятельность курсантов, а также способствует лучшему усвоению материала.

– Напишите шуточный устав (инструкцию).

Данное задание хорошо подходит для итогового занятия по изучению лексико-грамматических особенностей текста-инструкции и Строевого устава и носит творческий характер. Оно может иметь несколько вариантов в зависимости от подготовленности группы. Более сильным группам можно дать задание написать шуточный устав для курсантов (для курсовых офицеров и т.д.). Такое задание можно выполнять индивидуально и в микрогруппах. Если задание выполняется в аудитории, то время выполнения задания ограничивается. Подобное задание можно дать и на время самоподготовки. В таком случае контроль выполнения будет перенесен на следующее занятие. Если группа с более низким уровнем подготовки, то можно дать задание написать шуточную инструкцию, как действовать в определенной ситуации. Например: Напишите инструкцию, как быстро получить увольнительную. Напишите инструкцию, как провести увольнение. Напишите инструкцию для повара, как приготовить вкусный обед. Задание также может выполняться индивидуально или в микрогруппах. Результат выполнения оценивается всей группой и выбирается лучший.

Заключение

Таким образом, изучение лексико-грамматических особенностей текста-инструкции и Строевого устава на занятиях по русскому языку на этапе довузовской подготовки облегчит иностранным курсантам адаптацию в новой для них учебно-профессиональной сфере общения, будет способствовать успешности их познавательной и профессиональной деятельности, а также реализует междисциплинарные связи в военном вузе. Создание совместными усилиями преподавателей кафедры русского языка и военных специалистов специального учебного пособия по изучению Строевого устава для иностранных обучающихся может оказать большую помощь в подготовке будущих офицеров.

Учет потребностей обучающихся позволяет сделать занятия по русскому языку более эффективными и полезными для формирования коммуникативной компетенции иностранных курсантов в академической и учебно-профессиональной сфере общения, а

изучение языка специальности на занятиях по русскому языку способствует качественной подготовке иностранных специалистов в вузах России.

Список источников / References

1. Гладких, И.А. (2006). *Текст-инструкция в системе профессиональной подготовки иностранных студентов технических вузов*: Дис. ... канд. пед. наук. Санкт-Петербург.
Gladkikh, I.A. (2006). *Text-instruction in the system of professional training of foreign students of technical universities*. Diss. Cand. Sci. (Pedagogy). Saint Petersburg. (In Russ.).
2. *Готовимся учиться в техническом вузе: учеб. пособие* (2019). Г.И. Кутузова [и др.]. 2-е изд., испр. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС.
Preparing to study at a technical university: textbook (2019). G.I. Kutuzova [et al.]. 2nd ed., revised. Saint Petersburg: POLITECH-PRESS. (In Russ.).
3. *Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года* (2025). URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411156963/?ysclid=mevaeykw3i103667680/> (дата обращения: 22.07.2025).
Unified plan for achieving the National Development Goals of the Russian Federation until 2030 and beyond 2036 (2025). (In Russ.). URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411156963/?ysclid=mevaeykw3i103667680/> (viewed: 22.07.2024).
4. *Лингводидактическая программа по русскому языку как иностранному: Элементарный уровень. Базовый уровень. Первый сертификационный уровень: учеб. пособие* (2010). М.: РУДН.
Linguodidactic program for Russian as a foreign language: Elementary level. Basic level. First Certification level: textbook (2010). Moscow: RUDN. (In Russ.).
5. Методические рекомендации по организации подготовки и обучения военных и военно-технических кадров иностранных государств в воинских частях и военных образовательных организациях высшего образования Министерства обороны Российской Федерации, утвержденные статс-секретарем – заместителем министра обороны РФ 22 февраля 2019 года.
Methodological Recommendations on the Organization of Training and Education of Military and Military-Technical Personnel of Foreign States in Military Units and Military Educational Organizations of Higher Education of the Ministry of Defense of the Russian Federation, approved by the State Secretary and Deputy Minister of Defense of the Russian Federation on February 22, 2019. (In Russ.).
6. Мотина, Е.И. (1978). Учебный текст по специальности как особая коммуникативная единица. *Русский язык за рубежом*, 1, 42-46.
Motina, E.I. (1978). A specialized educational text as a special communicative unit. *Russian language abroad*, 1, 42-46. (In Russ.).

Гладких И.А. (2025)
Лексико-грамматические особенности Строевого устава
Российской Федерации
Язык и текст, 12(3), 111—121.

Gladkikh I.A. (2025)
Lexical and grammatical features of the Military
Regulations of Russian Federation
Language and Text, 12(3), 111—121.

7. Мотина, Е.И. (1988). *Язык и специальность: лингвометодические основы обучения русскому языку студентов-нефилологов*. 2-е изд., испр. М.: Русский язык.
Motina, E.I. (1988). *Language and speciality: linguistic and methodological foundations of teaching Russian to non-philology students*. Moscow: Russkiy yazyk. (In Russ.).
8. *Строевой устав Вооруженных Сил Российской Федерации. Введен в действие приказом министра обороны Российской Федерации от 11 марта 2006 года № 111* (2006). М.: Военное издательство.
9. *Military Regulations of the Armed Forces of the Russian Federation* (2006). Moscow: Voennoe izdatel'stvo. (In Russ.).

Информация об авторе

Ирина Артемьевна Гладких, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка, Военная академия связи им. Маршала Советского Союза С.М. Буденного, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8928-426X>, e-mail: gladkikh_irina@mail.ru

Information about the author

Irina A. Gladkikh, Candidate of Science (Pedagogy), Associate Professor, Department of Russian Language, Military Academy of Communications named after Marshal of the Soviet Union S.M. Budenny, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8928-426X>, e-mail: gladkikh_irina@mail.ru

Поступила в редакцию 01.08.2025
Поступила после рецензирования 28.08.2025
Принята к публикации 10.09.2025
Опубликована 25.09.2025

Received 2025.08.01
Revised 2025.08.28
Accepted 2025.09.10
Published 2025.09.25

**ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ
ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР | LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL
BASIS OF LEARNING LANGUAGES AND CULTURES**

Научная статья | Original paper

**Использование методов Digital Humanities в исследовании
международного диалога России и Италии эпохи «великих
реформ» и Рисорджименто**

И.В. Дергачева✉

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская
Федерация

✉ krugh@yandex.ru

Резюме

Статья посвящена применению методов цифровых гуманитарных наук (Digital Humanities) в междисциплинарных историко-филологических исследованиях. На примере проекта РНФ № 24-28-00479 рассматриваются возможности цифровых архивов и ресурсов для изучения дипломатических, межкультурных и литературных связей Российской империи и Итальянского королевства в период Великих реформ и Рисорджименто. Показано, что использование цифровых технологий позволяет не только расширить источниковую базу за счет удаленного доступа к оцифрованным коллекциям мировых библиотек и архивов, но и обеспечивает новое качество анализа исторических и литературных процессов через визуализацию данных и публикацию результатов в открытом доступе. В работе также представлен обзор ключевых электронных ресурсов, актуальных для исследований в области международных отношений и истории культуры.

Ключевые слова: цифровые гуманитарные науки, Digital Humanities, междисциплинарное исследование, российско-итальянские отношения, Рисорджименто, «великие реформы», цифровые архивы, историческая память, межкультурная коммуникация

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 24-28-00479, <https://rscf.ru/project/24-28-00479/>.

Для цитирования: Дергачева, И.В. (2025). Использование методов Digital Humanities в исследовании международного диалога России и Италии эпохи «великих реформ» и Рисорджименто. *Язык и текст*, 12(3), 122—131. <https://doi.org/10.17759/langt.2025120311>

Дергачева И.В. (2025)
Использование методов Digital Humanities в исследовании
международного диалога России и Италии эпохи «великих
реформ» и Рисорджименто
Язык и текст, 12(3), 122—131.

Dergacheva I.V. (2025)
Using Digital Humanities methods in researching the
international dialogue between Russia and Italy
during the period of the “great reforms” and the
Risorgimento
Language and Text, 12(3), 122—131.

Using Digital Humanities methods in researching the international dialogue between Russia and Italy during the period of the “great reforms” and the Risorgimento

I.V. Dergacheva✉

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

✉ krugh@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the application of Digital Humanities methods in interdisciplinary historical and philological research. Using the example of the Russian Science Foundation project no. 24-28-00479, the possibilities of digital archives and resources for studying diplomatic, intercultural and literary relations between the Russian Empire and the Italian Kingdom during the Great Reforms and Risorgimento are considered. It is shown that the use of digital technologies allows not only to expand the source base through remote access to digitized collections of world libraries and archives, but also provides a new quality of analysis of historical and literary processes through data visualization and publication of results in the public domain. The paper also provides an overview of key electronic resources relevant for research in the field of international relations and cultural history.

Keywords: digital humanitarian sciences, Digital Humanities, interdisciplinary research, Russian-Italian relations, Risorgimento, “great reforms”, digital archives, historical memory, intercultural communication

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation, project number 24-28-00479, <https://rscf.ru/en/project/24-28-00479/>.

For citation: Dergacheva, I.V. (2025). Using Digital Humanities methods in researching the international dialogue between Russia and Italy during the period of the “great reforms” and the Risorgimento. *Language and Text*, 12(3), 122—131. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2025120311>

Введение

Современное гуманитарное знание характеризуется активной интеграцией цифровых технологий в исследовательские практики. «Новые технологии в Digital Humanities используются учеными для архивирования и анализа баз данных культурного наследия с помощью программного обеспечения и популяризации результатов исследований в Интернете» (Пучковская, Третьяков, 2018, с. 4). Это соответствует приоритетам Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, в частности направлению Н7, ориентированному на ответ общества на «большие вызовы» с применением методов гуманитарных и социальных наук.

В рамках проекта РНФ № 24-28-00479 «Международный диалог России и Италии в эпоху «Великих реформ» Российской империи и итальянского Рисорджименто» методы ДН были

применены для комплексного изучения дипломатических, межконфессиональных и культурных связей двух империй в переломный период их истории. Основная сложность исследования заключалась в необходимости работы с разнородными источниками, хранящимися в архивах и библиотеках России, Италии и других стран. Решить эту задачу позволило обращение к мировым электронным архивным ресурсам.

Материалы и методы

Методологическая основа исследования сочетает традиционные методы историко-филологического анализа (текстологический, сравнительно-исторический, биографический) с инструментарием Digital Humanities.

1. **Эвристика и работа с источниками:** Основным методом стало выявление и анализ релевантных материалов через электронные платформы и цифровые коллекции. Это позволило преодолеть географическую удаленность архивных фондов.
2. **Организация данных:** Для систематизации выявленных материалов использовались базы данных и инструменты категоризации, что необходимо для упорядочивания большого корпуса разрозненных документов (дипломатическая переписка, публицистика, литературные тексты).
3. **Анализ и визуализация:** На заключительном этапе применялись методы сетевого анализа для визуализации коммуникативных связей между ключевыми историческими персоналиями и институтами.

Ключевую роль в реализации этих методов сыграли следующие электронные ресурсы:

- **Универсальные агрегаторы:** Europeana, World Digital Library (WDL), Digital Public Library of America (DPLA).
- **Национальные библиотечные системы:** Gallica (BnF), Digitised Manuscripts (The British Library), Library of Congress Digital Collections, Национальная электронная библиотека (НЭБ, Россия), Deutsche Digitale Bibliothek (DDB), DigiVatLib (Ватикан).
- **Специализированные архивные порталы:** Monasterium.net, The Internet History Sourcebooks Project, официальные сайты ГАРФ и АВПРИ (в части оцифрованных фондов).
- **Литературные проекты:** Project Gutenberg, Internet Archive, порталы, посвященные творчеству Ф.М. Достоевского (philolog.ru).

Результаты и обсуждение

Применение ДН-методов позволило достичь следующих конкретных результатов в рамках проекта.

1. Введение в научный оборот новых архивных документов.

Был выявлен и проанализирован комплекс документов из РГИА (Фонд 796 Канцелярии Синода) и АВПРИ (Фонд 190 «Российское посольство в Риме»). В частности, детально изучены «Донесения настоятеля русской посольской церкви в Риме архим. Александра митр.

Исидору о религиозном движении» (1872–1877 гг.), раскрывающие диалог итальянских старокатоликов со Святейшим Синодом (Дергачева, 2025). Анализ переписки из АВПРИ (Ф. 190. № 4169) выявил факты неофициальной вооруженной поддержки Ватикана российскими подданными, что дополняет картину сложных отношений между имперской дипломатией и Святым престолом. Архимандрит Александр описывает проблемы, с которыми столкнулся папа римский, «ватиканский узник», как он его называет, после потери светской власти в 1870 году. Он приводит редкие факты, например, чудо обретения мощей Миланских святых, которым хотела воспользоваться клерикальная партия Ватикана для восстановления своей власти. Показывая кризис римско-католической церкви, архимандрит Александр собирает сведения об итальянских старокатоликах через печать, едет в Неаполь, чтобы познакомиться с ними лично, подробно описывает их руководителей, Панелли и Прото Джурлео, симпатизируя последнему. Приводя примеры кризиса официальной религии в Италии, архимандрит искренне надеется, что поставление православного епископа и знакомство с православной религией будет положительно принято в Италии. Подтверждением этого являются примеры принятия итальянскими подданными православия, приведенные в переписке. В чем же заключались причины отказа Св. Синода итальянским старокатоликам? Несмотря на симпатии к ним православных священников, Св. Синод принял во внимание также мнение официальных лиц Италии, имевших неблагоприятное мнение о личности Прото Джурлео и Панелли. Несмотря на усилия архимандрита Александра, его мечта об успехе православия в Италии так и не была реализована, хотя он приложил к этому все усилия. К идее объединения Италии и борьбе за национальную независимость в Российской империи относились доброжелательно, однако революционные выступления итальянцев, равно как и участие Сардинского королевства в Крымской войне против России, были восприняты негативно, что и зафиксировано в дипломатических документах. Между Министерством иностранных дел Российской империи и Ватиканом шел постоянный диалог по комплексу вопросов, связанных с православной и римско-католической конфессиями.

Проанализированы российско-неаполитанские отношения в контексте Рисорджименто — периода объединения Италии, прошедшего на фоне значительных социальных и политических изменений в Европе XIX века. Исследуется, как геополитическая обстановка, в частности, сложившаяся после франко-австрийской войны 1805–1806 годов, стала катализатором сближения Неаполя с Российской империей, рассматриваемой как потенциальный защитник против агрессии Франции и Австрии. В условиях нестабильности неаполитанское руководство стремилось к реформам, включая отмену феодализма и внедрение новых юридических норм, что совпадало с амбициями России укрепить свои позиции на итальянских территориях. Однако французское и австрийское влияние, наряду с внутренними конфликтами в Неаполе, затрудняли углубление связей с Россией. В результате, несмотря на первоначальный энтузиазм, российско-неаполитанская дипломатия сталкивалась с серьезными препятствиями, ведущими к поиску альтернативных союзов с другими державами (Канель, 2024).

Собраны материалы по вопросам организации и развития социального движения России и Италии 2-ой половины XIX в. Изучен исторический ландшафт российско-итальянских отношений в XIX веке с акцентом на такие сферы, как динамика статистики и строительство экономически значимых объектов на фоне Рисорджименто. Труды итальянского

государственного деятеля Чезаре Корренти помогли заложить основу для развития официальной статистики в стране и позволили получить ценные сведения, которые использовались для обоснования политических решений, связанных с Рисорджименто и способствовавших успеху процесса объединения. Базирующееся на материалах АВПРИ и на исторических документах, исследование проливает свет на отношения между Россией и Италией, раскрывая пересечение интеллектуального «перекрестного опыления» и экономического сотрудничества, происходивших в эпоху реформ. Наряду с этим, в ходе анализа архивных материалов выявляются экономические подоплеку российско-итальянских отношений во времена Рисорджименто. Морская торговля становится одним из ключевых аспектов коммерческой взаимозависимости обоих государств; для описания российско-итальянского сотрудничества по ряду экономических проектов используется пример строительства Одесского морского порта (1872 год). Дипломатические посланники и государственные деятели из России и Италии сыграли решающую роль в делах заключения торговых соглашений и укрепления дипломатических отношений, которые способствовали развитию экономического взаимодействия и коммерческого партнерства в период объединения.

Проведено исследование межкультурных отношений между Итальянским королевством и Российской империи. В фонде АВПРИ № 190 «Российское посольство в Риме» хранятся документы по истории русско-итальянских отношений в области науки и культуры, в том числе материалы о пребывании в Италии 200 русских ученых, художников, скульпторов и архитекторов с целью изучения итальянского искусства и прохождения практики в области живописи и архитектуры. В них раскрываются активные связи Петербургской академии художеств с соответствующими культурными учреждениями Италии, говорится о международных научных конгрессах и художественных выставках.

Межкультурные связи Российской империи и Итальянского королевства описаны на примере исследования судьбы князя С.С. Абамелека-Лазарева, крупного промышленника и мецената, оставившего глубокий след в итальянской культуре. Вилла Абамелек, получившая свое название в честь владельца, князя С. Абамелек-Лазарева, после смерти которого вилла по его завещанию перешла в собственность России. Сегодня на вилле, в которой находится блестящая коллекция художественных произведений, находится резиденция посла России в Италии. На ее территории, помимо главного дворца Бельведер, находится дворец муз, охотничий домик, домик Гарибальди и пр. Вилла Пратолино близ Флоренции, с 1860 года принадлежавшая Демидовым, была получена супругой Абамелек-Лазарева Марией Павловной от матери в качестве свадебного подарка в 1897 году. После смерти бездетной княгини вилла, пройдя через нескольких собственников, была выкуплена итальянским государством и музеефицирована. Вилла, построенная Тосканскими герцогами во второй половине XVI века, представляет значительный художественный интерес. Здание виллы окружают великолепные сады с многочисленными павильонами, скульптурами и фонтанами, выполненными в маньеристическом стиле.

2. Анализ восприятия Рисорджименто в российской и итальянской прессе.

Через онлайн-коллекции Biblioteca nazionale centrale di Roma и отдела газет РГБ проведен контент-анализ публикаций эпохи. Выявлена поляризация итальянской прессы: либеральные издания пропагандировали объединение и критиковали Австрию, в то время как

Дергачева И.В. (2025)
Использование методов Digital Humanities в исследовании
международного диалога России и Италии эпохи «великих
реформ» и Рисорджименто
Язык и текст, 12(3), 122—131.

Dergacheva I.V. (2025)
Using Digital Humanities methods in researching the
international dialogue between Russia and Italy
during the period of the “great reforms” and the
Risorgimento
Language and Text, 12(3), 122—131.

консервативные издания, связанные с папством, выступали против революционных методов. В российской периодике (на примере публикаций Ф.М. Достоевского, Ф.И. Тютчева) отмечено двойственное отношение: сочувствие национально-освободительной борьбе сочетается с осуждением революционных средств и критикой политики Ватикана (Дергачева, 2024б). Уже с конца 50-х годов XIX в. события, связанные с национально-освободительным движением в Италии, получают одобрение не только государственных деятелей, но и писателей и публицистов — Ф.М. Достоевского, Ф.И. Тютчева, Н.В. Альбертини, М.Н. Каткова и др. В российской печати подробно обсуждаются деятели Рисорджименто — Король Сардинии, ставший королем Итальянского королевства Виктор Эммануил II, премьер-министр Камилло Бенсо Кавур и Джузеппе Гарибальди. Проведена работа с газетными и журнальными итальянскими и российскими источниками эпохи Рисорджименто, в которых отражены итало-российские связи того времени и отношение представителей российской культуры к событиям того времени (Biblioteca nazionale centrale di Roma (онлайн), отдел газет РГБ).

Можно выделить несколько основных направлений, в которых итальянская пресса освещала события Рисорджименто. Либеральные издания, часто публиковавшиеся тайно или за границей до объединения, активно пропагандировали идею единой и независимой Италии, критиковали австрийское господство и поддерживали деятельность таких лидеров, как Джузеппе Мадзини, Джузеппе Гарибальди и Камилло Кавур. Их публикации часто были наполнены патриотическими призывами, описаниями героических подвигов борцов за свободу и анализом политической ситуации, нацеленным на мобилизацию общественного мнения. Эти издания использовали разнообразные инструменты влияния — от репортажей с мест событий и публикации прокламаций до сатирических статей и карикатур, эффективно распространяя свои идеи среди широких слоёв населения. Однако картина была далеко не однородной. Консервативные издания, часто связанные с папством или монархическими кругами, представляли события в совершенно ином свете. Они часто критиковали революционные методы и отстаивали постепенные реформы, подчёркивая риски распада страны и угрозу для традиционных ценностей. Процесс формирования умеренного течения, которое стремилось выработать альтернативную инсургентскому методу Мадзини линию поведения и объединиться вокруг реформистской программы, основанной на соглашении между князьями и народами, начавшийся уже после кризиса первой "Молодой Италии", получил более быстрый импульс после публикации "Primato" Джоберти (1843) и, прежде всего, после провала восстания в Романье в сентябре 1845 года. Начиная с этой даты, кризис мадзинианского и демократического движения усугубился, усилились благоприятные условия для более быстрого роста умеренной волны, укоренения неогвельфского мифа и консолидации либерально-реформистской тенденции. Но уже за несколько месяцев до событий в Романье умеренные взгляды и враждебные восстаниям градуалистские ориентации - которые позже будут выражены в работе "Последние случаи в Романье" (Degli ultimi casi di Romagna), где Массимо д'Азельо вывел эффективную формулу "заговора при свете ясного дня" на программной платформе административных улучшений и ограниченных политических уступок со стороны государей, которые позволили бы избежать "слишком быстрых переходов", - получили важный инструмент для объединения в "Gazzetta italiana", трехнедельной газете, которая начала выходить в Париже 15 мая 1845 года по

инициативе политического эмигранта Марино Фалькони. Следует упомянуть и о двух миланских периодических изданиях: *Rivista Europea*, основанное литературным критиком Карло Тенка, мадзинианцем и близким к Каттанео, и *Politecnico*, "Ежемесячный репертуар исследований, применяемых к процветанию и социальной культуре", с гражданскими и опять же модернизационными направлениями.

Исследованы тексты Ф.М. Достоевского, в которых он как редактор и автор рубрики «Иностранные события» еженедельника «Гражданин» анализировал отчаянные попытки римского понтифика Пия IX вернуть утраченную в 1870 г. светскую власть в молодом Итальянском королевстве. Сложное отношение писателя к итальянским старокатоликам рассмотрено на фоне описания их диалога со Святейшим Синодом и освещения переписки настоятеля римской посольской церкви архимандрита Александра с митрополитом Исидором, первенствующим митрополитом Святейшего Синода. С одной стороны, Достоевский ценит в старокатоликах намерение перейти под юрисдикцию Православной Церкви, с другой — сочувствует подвергшимся гонениям католическим клерикалам. Описывая их попытки вернуть светскую власть Пию IX, Достоевский связывает эти действия с притязаниями понтифика на мировое господство. О такой опасности он предупреждает в еженедельнике в тех же драматических красках, что и в своих художественных произведениях, сравнивая ее с наступлением Апокалипсиса, а саму личность понтифика — с Антихристом. По мнению писателя, поддержка Францией папского престола и политики Пия IX грозит миру военным столкновением Франции и Германии (Дергачева, 2024б).

3. Исследование литературной рецепции.

Установлено, что творчество Ф.М. Достоевского было недостаточно понято в Италии в первые десятилетия после его смерти из-за несовершенства переводов, не передававших библейский подтекст его произведений. Однако уже на рубеже веков аллюзии на концепты, сюжетные мотивы и художественные особенности его поэтики встречаются в текстах самых известных итальянских писателей. Анализируются отдельные произведения итальянских авторов, показывающие, как меняется их отношение к художественному наследию русского писателя — от копирования мотива «преступление и наказание» до глубокого понимания его основных концептов и аксиологической глубины «эсхатологического оптимизма», когда душа героев способна к воскресению через милосердие. При этом глубина постижения текстов Достоевского напрямую связана с популяризацией его наследия, свидетельством чего являются аллюзии на мотивы его произведений в популярных в Италии комиксах «Дилан Дог» (Дергачева, 2024г).

Отдельно проанализирован «итальянский текст» в творчестве А.С. Пушкина, выявлены концепты «красоты», «свободы» и «итальянской оперы» как структурные элементы его художественного мира (Дергачева, 2024в). Несмотря на то, что А.С. Пушкин не имел возможности посетить Италию, образы этой страны оказали большое влияние на его творчество. Мы можем проследить это не только по его поэтическим произведениям, в которых отражены разные концепты «итальянского текста» поэта, но и по критическим заметкам, отражающим в диахроническом аспекте важные этапы истории, литературной и социальной жизни Италии. Выявлено значение итальянской культуры для личности Пушкина. Материалом стал весь корпус литературного наследия Пушкина — лирика, поэмы, драматические произведения, автобиографическая проза и письма. Раскрыты аспекты

«итальянского текста» Пушкина, которые связаны с концептами «красоты», «свободы», «итальянской оперы». Представлена степень знания Пушкиным итальянского языка, выявлены детали его знакомства с итальянской культурой. Выдвинута гипотеза о том, что Пушкин намечает пути развития русской литературы по аналогии с литературой Италии. Предложено тематическое деление «итальянского локусного текста» Пушкина (Дергачева, 2024в).

Было доказано, что имя Джузеппе Гарибальди (1807–1882), лидера национально-освободительного движения за объединение Италии, неизменно привлекало внимание российских журналистов. Неудивительно, что роман Гарибальди «Иго монахов или Рим в XIX столетии» был напечатан в России в переводе на русский язык даже раньше, чем в Италии на итальянском — журнал «Отечественные Записки», № 2–4, 1870. В предисловии к русскому изданию романа сказано, что «Итальянские газеты наперерыв предсказывают новому роману громадный успех, и это в значительной степени не лишено вероятия, так как среди голосов газетных репортеров, недавно раздался об этом голос и такого тонкого ценителя литературных произведений, как знаменитый Манцони, патриарх романа в Италии, известный и у нас по переводу его классических «Обрученных» (*I promessi sposi*)».

4. Изучение экономических и инфраструктурных проектов.

На основе архивных данных реконструирована роль морской торговли и таких проектов, как строительство Одесского порта (1872), в развитии российско-итальянских экономических связей.

Заключение

Проведенное исследование демонстрирует высокую эффективность методов Digital Humanities для междисциплинарных исследований в области истории и филологии. Использование цифровых архивов не только расширило источниковую базу, но и позволило интегрировать результаты в мировой научный контекст через публикации в открытом доступе.

Применение ДН-подхода способствовало преодолению традиционной разобщенности между историческими и литературными исследованиями, позволив создать комплексную картину российско-итальянских отношений эпохи Великих реформ и Рисорджименто. Выявленные архивные документы, проанализированные публикации в прессе и литературные источники свидетельствуют о глубоком и многогранном характере диалога двух культур, который развивался несмотря на политические и идеологические разногласия.

Список источников / References

1. Дергачева, И.В. (2024а). Дипломатические связи и межкультурная коммуникация Российской империи и Итальянского королевства в эпоху Рисорджименто. *Язык и текст*, 11 (3), 48–60. <https://doi.org/10.17759/langt.2024110306>
Dergacheva, I.V. (2024a). Diplomatic relations and intercultural communication of the Russian Empire and the Kingdom of Italy in the Risorgimento era. *Language and Text*, 11 (3), 48–60. <https://doi.org/10.17759/langt.2024110306> (In Russ.).

Дергачева И.В. (2025)
Использование методов Digital Humanities в исследовании
международного диалога России и Италии эпохи «великих
реформ» и Рисорджименто
Язык и текст, 12(3), 122—131.

Dergacheva I.V. (2025)
Using Digital Humanities methods in researching the
international dialogue between Russia and Italy
during the period of the “great reforms” and the
Risorgimento
Language and Text, 12(3), 122—131.

2. Дергачева, И.В. (2025). Донесения настоятеля русской посольской церкви в Риме архиепископа Александра Первенствующему митрополиту Св. Синода Исидору (Никольскому) о религиозном движении в Италии. *ЭНОЖ «История»*, 5 (151). <https://doi.org/10.18254/S207987840030857-1>

Dergacheva, I.V. (2025). Reports of the Rector of the Russian Embassy Church in Rome, Archimandrite Alexander to the First Metropolitan of St. Synod Isidor (Nikolsky) on the religious movement in Italy. *ISTORIYA*, 5 (151). <https://doi.org/10.18254/S207987840030857-1> (In Russ.).

3. Дергачева, И.В. (2024б). Итальянский вопрос в «Иностранных событиях» еженедельника «Гражданин»: Ф.М. Достоевский о политике Ватикана. *Неизвестный Достоевский*, 3, 133-152. <https://doi.org/10.15393/j10.art.2024.7441>

Dergacheva, I.V. (2024b). The Italian question in the “Foreign events” of the weekly “Grazhdanin” (“The Citizen”): F.M. Dostoevsky on Vatican policy. *Unknown Dostoevsky*, 3, 133-152. <https://doi.org/10.15393/j10.art.2024.7441> (In Russ.).

4. Дергачева, И.В. (2024в). Итальянский текст Пушкина. *Отечественная филология*, 3 (2), 52-65. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2024-3-2-52-65>

Dergacheva, I.V. (2024c). Italian text of Pushkin. *Russian Studies in Philology*, 3 (2), 52-65. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2024-3-2-52-65> (In Russ.).

5. Дергачева, И.В. (2024г). Рецепция художественного наследия Достоевского в Италии: от «Шекспира сумасшедшего дома» до «политического пророка». *Quaestio Rossica*, 12 (4), 1289-1302. <https://doi.org/10.15826/qr.2024.4.936>

Dergacheva, I.V. (2024d). The reception of Dostoevsky’s artistic heritage in Italy: from ‘Madhouse Shakespeare’ to ‘Political Prophet’. *Quaestio Rossica*, 12 (4), 1289-1302. <https://doi.org/10.15826/qr.2024.4.936> (In Russ.).

6. Канель, И.В. (2024). От Санкт-Петербурга до Неаполя: исторический анализ российско-неаполитанской дипломатии в период Рисорджименто. *Язык и текст*, 11 (3), 82-89. <https://doi.org/10.17759/langt.2024110309>

Kanel, I.V. (2024). From St. Petersburg to Naples: a historical analysis of Russo-Neapolitan diplomacy during the Risorgimento period. *Language and Text*, 11 (3), 82-89. <https://doi.org/10.17759/langt.2024110309> (In Russ.).

7. Пучковская, А.А., Третьяков, А.О. (2018). Digital Humanities: анализ применения цифровых технологий в гуманитарной сфере. *Культура и искусство*, 10, 1-9. <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2018.10.27277>

Puchkovskaia, A.A., Tretiakov, A.O. (2018). Digital Humanities: analysis of the application of digital technologies in the sphere of humanities. *Culture and Art*, 10, 1-9. <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2018.10.27277> (In Russ.).

Дергачева И.В. (2025)
Использование методов Digital Humanities в исследовании
международного диалога России и Италии эпохи «великих
реформ» и Рисорджименто
Язык и текст, 12(3), 122—131.

Dergacheva I.V. (2025)
Using Digital Humanities methods in researching the
international dialogue between Russia and Italy
during the period of the “great reforms” and the
Risorgimento
Language and Text, 12(3), 122—131.

Информация об авторе

Ирина Владимировна Дергачева, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Лингводидактика и межкультурная коммуникация», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4878-2027>, e-mail: krugh@yandex.ru

Information about the author

Irina V. Dergacheva, Doctor in Philology, Associate Professor, Professor, Department of Linguodidactics and Intercultural Communication, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4878-2027>, e-mail: krugh@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.08.2025
Поступила после рецензирования 28.08.2025
Принята к публикации 10.09.2025
Опубликована 25.09.2025

Received 2025.08.01
Revised 2025.08.28
Accepted 2025.09.10
Published 2025.09.25

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ
ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР | LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL
BASIS OF LEARNING LANGUAGES AND CULTURES

Научная статья | Original paper

Использование наглядности при обучении русскому языку
иностраннх студентов-метеорологов

Т.В. Калугина¹✉, М.Г. Романенков²

¹ Военная академия связи имени Маршала Советского Союза С.М. Буденного, Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Национальный исследовательский ядерный университет «Московский инженерно-физический институт», Москва, Российская Федерация

✉ tvkalug@mail.ru

Резюме

Активное использование средств наглядности и инновационных технологий является приоритетом современного подхода к преподаванию русского языка как иностранного. **Актуальность** определяется тем, что впервые рассмотрены образные и аудиовизуальные средства наглядности для преподавателя РКИ в предметной области «Метеорология». **Цель** статьи – показать, как совмещаются традиционные и инновационные приемы и формы работы с наглядностью на занятиях по РКИ для иностранных студентов-метеорологов естественнонаучного профиля. **Гипотеза** заключается в том, что средства наглядности повышают когнитивные способности студентов-иностранцев при обучении РКИ. Впервые предложен метод сравнения реальных и виртуальных образов, созданных при помощи искусственного интеллекта. Выявлено, что для метеорологов дополнительными средствами наглядности являются метеосхемы и метеопрогнозы. Наглядность позволяет сформировать все виды компетенций, необходимых студенту-метеорологу, начиная с элементарного уровня. При регулярном использовании наглядности как опорного средства эффективность обучения значительно повышается. Специальная лексика закрепляется в устойчивой памяти и позволяет развить профессиональную компетенцию.

Ключевые слова: русский как иностранный, наглядность, средства наглядности, метод сравнения реальных и виртуальных образов, искусственный интеллект, визуализация, метеорология

Для цитирования: Калугина, Т.В., Романенков, М.Г. (2025). Использование наглядности при обучении русскому языку иностраннх студентов-метеорологов. *Язык и текст*, 12(3), 132—142. <https://doi.org/10.17759/langt.2025120312>

Using visibility in teaching the Russian language to foreign meteorological students

T.V. Kalugina¹✉, M.G. Romanenkov²

¹ Military Academy of Communications named after Marshal of the Soviet Union S.M. Budenny, Saint Petersburg, Russian Federation

² National Research Nuclear University “Moscow Institute of Engineering and Physics”, Moscow, Russian Federation

✉ tvkalug@mail.ru

Abstract

The active use of visual aids and innovative technologies is a priority in the modern approach to teaching Russian as a foreign language. The **relevance** of this article lies in the fact that it is the first to explore the use of visual and audiovisual aids in teaching Russian as a foreign language in the field of meteorology. The **purpose** of this article is to demonstrate how traditional and innovative methods and forms of working with visual aids can be combined in Russian as a foreign language classes for foreign meteorology students with a natural science background. The **hypothesis** is that visual aids can enhance the cognitive abilities of foreign students in the process of learning Russian as a foreign language. For the first time, a method for comparing real and virtual images created using artificial intelligence has been proposed. It has been revealed that meteorological charts and weather forecasts are additional means of visualization for meteorologists. Visualization allows for the formation of all types of competencies necessary for a meteorology student, starting from the elementary level. When visual aids are used regularly as a support tool, the effectiveness of learning increases significantly. Special vocabulary is fixed in long-term memory and allows for the development of professional competence.

Keywords: Russian as a foreign language, visibility, visual aids, method of comparing real and virtual images, artificial intelligence, visualization, meteorology

For citation: Kalugina, T.V., Romanenkov, M.G. (2025). Using visibility in teaching the Russian language to foreign meteorological students. *Language and Text*, 12(3), 132—142. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2025120312>

Введение

Общепедагогический принцип наглядности, впервые сформулированный Яном Амосом Коменским, остается одним из «китов» лингводидактики, однако в эпоху цифровизации проходит определенную трансформацию. К чему же должен стремиться педагог при использовании наглядности в обучении иностранных студентов? Ответ дает сам Я.А. Коменский в «Великой дидактике»: «...правильно обучать юношество — это не значит вбивать в головы собранную из авторов смесь фраз, изречений, мнений, а это значит — раскрывать способность понимать вещи, чтобы именно из этой способности, точно из живого источника, потекли ручейки (знания)...» (Коменский, 1939, с. 177). Иными словами, чтобы хорошо говорить, надо мыслить. Таким образом, сверхзадача педагога — научить думать на русском языке. Добиться этого можно активным использованием современных средств наглядности и инновационных технологий.

Материалы и методы

Когнитивно-визуальный (зрительно-познавательный) подход к обучению, основанный на работе правого полушария мозга, представляется нам очень важным при формировании специальной предметной компетенции. Особенно это актуально при обучении студентов в разноуровневых группах (Калугина, Орехова, 2023; Орехова, Калугина, 2023). В. Далингер определяет визуальное мышление как деятельность, обеспечивающую создание образов, оперирование ими, перекодирование их в заданном или произвольном направлении, использование разных систем отсчета для построения образа, выявление в образе различных признаков и свойств объекта, значимых для человека. «Одно из центральных положений данного подхода — широкое и целенаправленное использование познавательной функции наглядности» (Далингер, 2015, с. 28).

Результаты

Рассмотрим, что же входит в понятие «наглядность». Во-первых, наглядность — это свойство, выражающее степень доступности и понятности психических образов объектов познания для познающего субъекта. Во-вторых, один из принципов обучения (Педагогический энциклопедический словарь, 2002, с. 157). В-третьих, важнейшее средство обучения (Соломахо, 2002, с. 7-8). В нашей статье объектом рассмотрения будет наглядность как средство обучения.

В зависимости от того, к какому из значений термина «наглядность» приковано внимание ученых, строятся ее классификации. Если речь идет о принципе обучения, рассматривают ее функции, этапы и возможности применения в отдельных сферах деятельности (Петров, Попова, 2007). Если же речь идет о наглядности как средстве обучения, то высокий интерес педагогов вызывают различные виды наглядности: по происхождению, по дидактическим особенностям использования, по содержанию, по степени возрастания абстрактности, по широте охвата аудитории, по связи с окружающей действительностью, по способу кодирования информации и т.д. (Азимов, 2009; Щукин, 2003; Щукин, 2018). По широте охвата аудитории средства наглядности разделяют на общенаучные и узкоспециализированные. По способу кодирования информации средства наглядности разделяют на вербальные, предметные, образные и аудиовизуальные.

Все исследователи акцентируют связь наглядности и образного мышления. А.П. Усольцев и Т.Н. Шамало выделяют две основные функции наглядности в обучении: а) формирование компонентов мыслительной деятельности в форме образов, развитие умений оперировать ими и включать в более сложные структуры мышления; б) средство активизации мыслительной деятельности учащихся при восприятии и обработке информации в процессе познания (Усольцев, Шамало, 2016). С.В. Матюшенко и О.О. Князева разделяют функции на непосредственные (познавательная, управление деятельностью учащихся, интерпретационная, эстетическая, непосредственности рассуждений) и опосредованные (обеспечение целенаправленного внимания учащихся, запоминания и повторения учащимися учебного материала, реализация прикладной направленности) (Матюшенко, Князева, 2022).

Цель статьи — показать, как совмещаются традиционные и инновационные приемы и формы работы с наглядностью на занятиях по РКИ для иностранных студентов-метеорологов естественнонаучного профиля.

Современные технические средства обучения и внедрение искусственного интеллекта дают преподавателю широкий арсенал дополнительных возможностей в использовании

наглядности на всех этапах обучения: от элементарного до продвинутого. Мы рассмотрим использование образной и аудиовизуальной наглядности на примере предметной сферы «Метеорология», которая тесно связана с географией и экологией.

Фотографии. В структуру текстового блока при формировании предметной компетенции обязательно включаются фотографии ученых, которые иллюстрируют тексты биографического характера. К нашим великим предкам, открывавшим или исследовавшим новые земли, относятся Семен Дежнев, Витус Беринг, Семен Челюскин, Харитон Лаптев, Фердинанд Врангель, Отто Шмидт, Иван Папанин, Валерий Чкалов и другие. Из наших современников наиболее известны имена Артура Чилингарова и Федора Конюхова.

Переходя от рецептивных форм и методов работы к продуктивным, при работе с фотографиями необходимо подготовить студентов к составлению рассказа. Задание — описать то, что изображено на фото. На фотографиях могут быть показаны машины и механизмы, относящиеся к определенному виду деятельности, например, в метеорологии это радиозонд, радиоантенна, термометр, осадкомер, гигрограф, барометр и др. Предлагается догадаться, на каком фото радиозонд, радиоантенна, осадкомер и др. Вводится необходимая лексика: *полярники = ученые, которые исследуют полюса Земли. Северный полюс = Арктика. Южный полюс = Антарктика / Антарктида. — Что делают полярники? — Полярники запускают радиозонд. Осадки = дождь или снег. Что делает метеоролог? — Метеоролог измеряет осадки.*

Карты. Знакомство с картой начинается при изучении темы «Моя страна» в конструкции «Я из... (страна)» в Родительном падеже и продолжается при изучении темы «Мой город» в конструкциях *Что? находится где?* в Предложном падеже. Затем в игровой форме отрабатываются вопросы «Откуда ты? / Откуда Вы? = Откуда ты приехал? / Откуда Вы приехали? = Из какой ты/Вы страны?» На подготовительном этапе предлагается назвать страны, например, Африки, показать их на карте и сгруппировать их по типам склонения: на -а, на -я, на твердый согласный, на мягкий согласный, несклоняемые (на -о, -и, -ы, -у). Далее студенты тренируются рассказывать о своей группе по модели *Из + 2 падеж: В нашей группе учатся студенты из Монголии, Турции, Китая, Ганы, Гамбии, Туркменистана, Панамы, Парагвая, Конго, Сирии...* Составляются диалоги между студентами и отрабатывается интонация вопросов: *Откуда ты? — Я из... — А ты?... — Я из...* В игре «Эрудит» необходимо назвать как можно больше стран и показать их на карте. Побеждает тот, кто назовет и покажет максимальное количество стран. 2 вариант игры — на закрепление Винительного падежа: *Покажи на карте + 4 падеж.* Также можно использовать карту при отработке глагола *называется* в конструкции «Эта страна называется + 1 падеж» и глагола *находится* в конструкции «Город X находится в стране Y». Второй вариант работы с картами – построение маршрута *откуда? — куда? через что?: из точки А в точку В через точку С.*

Схемы. Для метеорологов актуальным видом наглядности являются метеосхемы осадков, температуры, ветра, облачности, размещенные на метеорологических сайтах, например, <https://www.gismeteo.ru/maps/eur/prc/>. Схемы используются при изучении темы «Стороны света. Направление».

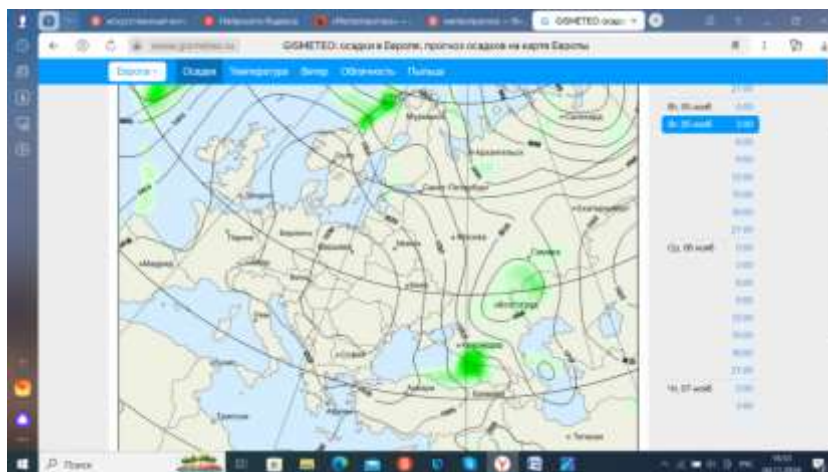

Рис. 1. Метеосхема осадков

Fig. 1. Precipitation weather chart

Рисунки. Современные возможности создания рисунков при помощи искусственного интеллекта покажем на примере сгенерированного нейросетью рисунка «Полярник». Рисунок может быть использован при формировании речевой компетенции по темам «Моя профессия» и «Характер». При выполнении задания формируется мыслительная способность сравнивать предметы и находить сходство и различие. К.Д. Ушинский считал сравнение основой всякого понимания и всякого мышления: «Все в мире мы узнаем не иначе, как через сравнение, и если бы нам представился какой-нибудь новый предмет, которого мы не могли бы ни к чему приравнять и ни от чего отличить (если бы такой предмет был возможен), то мы не могли бы составить об этом предмете ни одной мысли и не могли бы сказать о нем ни одного слова» (Ушинский, 1949, с. 332).

Мы предлагаем использовать инновационный метод сравнения реального и виртуального образа. Вначале предлагаем задание: *Что общего между реальным и виртуальным образом? Чем отличается реальный образ от виртуального? Найдите сходство и различие между фото и картинкой ИИ.* Затем можно попросить студентов описать, как одет человек, как он выглядит, отгадать его профессию. Предлагаем высказать свое мнение о том, какими качествами характера должен обладать представитель данной профессии (Модель *Я думаю, что...*). Задаем вопросы по специальной компетенции: знают ли они, кто открыл Северный и Южный полюс, знакомы ли им имена полярников, мечтают ли они побывать на полюсе (Модель *Я мечтаю..., Я хочу...*).

Презентации. В презентациях сочетаются вербальные и визуальные средства наглядности. Тематические группы лексики, связанной с метеорологией, могут быть иллюстрированы как рисунками, так и фотографиями. Тематическая лексика вводится поэтапно. Начинается знакомство с тематической группы «Времена года». **Задание:** *Какое это время года? Как вы это определили? Что происходит в природе в это время? Как меняется природа?*

Затем при помощи метода сравнения реальных и виртуальных образов изучается тематическая группа «Атмосферные явления».

При изучении тематической группы «Погода» рассматривается образование сложных слов, например *ледоход*, *снегопад*. Привлекается внимание к внутренней форме данных слов.

Метеопрогноз. Как речевой жанр, метеопрогноз может быть использован при изучении темы «Мой день» при введении лексических единиц, обозначающих время суток: *утро, день,*

вечер, ночь, утром, днем, вечером, ночью, и при изучении темы «Моя неделя» при введении тематической группы «Дни недели». На продвинутом этапе обучения используются аутентичные видеопрогнозы, например, с сайта «МетеоТВ» (<https://meteo-tv.ru/tv/video/>).

После изучения тематической лексики с использованием средств наглядности строятся диалогические и монологические высказывания о погоде в Санкт-Петербурге и в родной стране в разное время суток. Студентам предлагается сравнить климат в регионе России, где они пребывают, и родной стране, например, в Москве и в Либревиле (Габон).

Рис. 2. Климат в регионе России

Fig. 2. Climate in a region of Russia

Рис. 3. Климат в Либревиле

Fig. 3. Climate in Libreville

Инфографика. Одним из современных и широко используемых в метеорологии видов визуальной наглядности является инфографика. С.В. Матюшенко и О.О. Князева считают, что когнитивно-визуальный этап наглядности сменился инфографическим: «Инфографика — это эффективный способ подачи информации, при котором данные и знания передаются с помощью графического изображения» (Матюшенко, Князева, 2022, с. 63). Выскажем свое мнение о том, что инфографика остается в рамках когнитивно-визуального этапа, так является одним из способов подачи информации наряду с другими. Например, студентам предлагается составить рассказ о развитии технологий в метеорологии с использованием инфографики в качестве опоры.

Рис. 4. Способы и методы наблюдения за погодой

Fig. 4. Ways and methods of weather monitoring

Инфографика может служить опорой и при изучении темы «Метеорологическая площадка». Студенты сначала знакомятся с приборами, затем составляют рассказ с моделями предложений в Творительном падеже: *что? измеряют чем?*

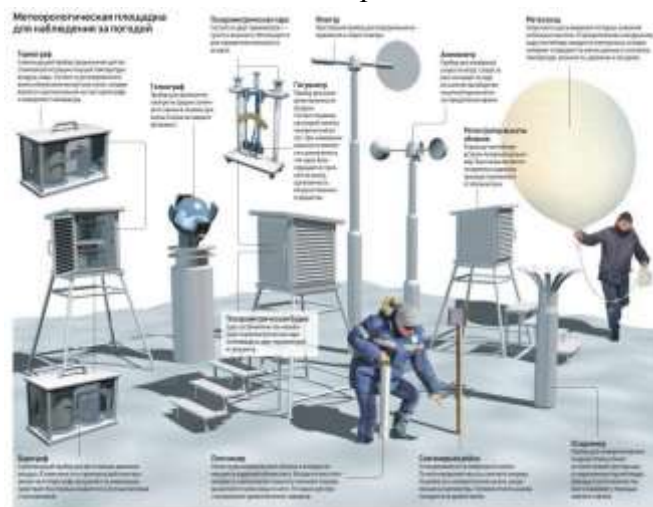

Рис. 5. Метеорологическая площадка для наблюдения за погодой

Fig. 5. Meteorological platform for weather observation

(<https://edupressa.vm.ru/infographic/meteorologicheskaya-ploschadka-dlya-nabl/amp/#top>).

Видеографика. Еще одним новым форматом наглядности является видеографика, например, «Как в столице прогнозируют погоду?» можно использовать уже на начальном этапе обучения (<https://www.mos.ru/mayor/infographic/1880291/>).

Видео. Тематическое видео «Что такое метеорология?» позволяет познакомиться с такими понятиями, как *климат, океан, суша, метеопрогноз, штормовое предупреждение, изменение климата* и др. Для аудирования используется сюжет ГТРК «Коми Гор», посвященный Дню метеоролога и образованию Гидрометеорологической службы в России, который смотрят студенты (<https://yandex.ru/video/preview/10391520204994777943>). При изучении темы

«Атмосферные явления» используются видеофильмы «Охотники за северным сиянием», «Загадка полярного сияния», «Вселенная. Загадка северного сияния» (https://vk.com/video1113527_456256421).

Обсуждение результатов

Проведенное исследование доказывает обоснованность использования лингводидактических возможностей искусственного интеллекта при обучении русскому языку как иностранному в специальных целях. К традиционно используемым средствам наглядности добавляются виртуально созданные образы, которые применяются для развития навыков сравнения и помогают сформировать устойчивые ассоциативные связи между образом и его вербальным средством обозначения.

Заключение

Наглядность как средство обучения помогает активизировать когнитивные процессы познания, развивает аналитические способности. Инновационным является использование метода сравнения реальных и виртуальных образов и использование инфографики в обучении иностранных студентов-метеорологов. Наглядность позволяет сформировать все виды компетенций, необходимых студенту-метеорологу, начиная с элементарного уровня. При регулярном использовании наглядности как опорного средства эффективность обучения значительно повышается. Специальная лексика закрепляется в устойчивой памяти и позволяет развить профессиональную компетенцию. Рассказывая о великих первопроходцах и показывая их фотографии, преподаватель прививает иностранным студентам чувство уважения к России, что положительно сказывается в долгосрочной перспективе на ее международном имидже. Позитивное восприятие России способствует внутренней мотивации студентов к учебе в нашей стране.

Список источников / References

1. Азимов, Э.Г., Щукин, А.Н. (2009). *Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков)*. М.: Издательство Икар.
Azimov, E.G., Shchukin, A.N. (2009). *Dictionary of methodological terms (theory and practice of language teaching)*. Moscow: Ikar Publishing House. (In Russ.).
2. Горлова, Е.А., Ершова, О.В. (2018). Формирование лингвокультурологической компетенции за счет использования форм наглядности при обучении русскому языку как иностранному. *Вестн. Сам. гос. тех. ун-та. Сер. Психолого-педагог. науки*, 40(4), 66–77.
Gorlova, E.A., Yershova, O.V. (2018). Formation of linguistic and cultural competence through the use of forms of visual representation in teaching Russian as a foreign language. *Vestn. Sam. gos. tech. un-ta. Ser. Psychological and Pedagogical Sciences*, 40(4), 66-77. (In Russ.).
3. Гринкевич, Е.И. (2017). Обучение речевому общению с использованием средств зрительной и слуховой наглядности на занятиях по русскому языку как иностранному. *Universum: филология и искусствоведение: электрон. научн. журн.*, 5(39).
Grinkevich, E.I. (2017). Teaching speech communication using visual and auditory visualization in Russian as a foreign language classes. *Universum: Philology and Art Criticism: electron. scientific journal*, 5(39). (In Russ.).

Калугина Т.В., Романенков М.Г. (2025)
Использование наглядности при обучении русскому
языку иностранных студентов-метеорологов
Язык и текст, 12(3), 132—142.

Kalugina T.V., Romanenkov M.G. (2025)
Using visibility in teaching the Russian language to
foreign meteorological students
Language and Text, 12(3), 132—142.

4. Далингер, В. (2015). Когнитивно-визуальный подход, его сущность и методические особенности в обучении математике. *East European Scientific Journal*, 3, 28–32.

Dahlinger, V. (2015). The cognitive-visual approach, its essence and methodological features in teaching mathematics. *East European Scientific Journal*, 3, 28–32. (In Russ.).

5. Калугина, Т.В., Орехова, Н.Н. (2023). Дифференцированное обучение при изучении русского языка как иностранного в разноуровневой группе. В: *Диалог языков и культур: лингвистические и лингводидактические аспекты. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием* (с. 237–244). Махачкала: ФОРМАТ.

Kalugina, T.V., Orekhova, N.N. (2023). Differentiated learning when learning Russian as a foreign language in a multi-level group. In: *Dialogue of languages and cultures: linguistic and linguodidactic aspects. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation* (pp. 237-244). Makhachkala: FORMAT. (In Russ.).

6. Коберник, А.Н., Ткачук, Л.В. (2019). Взгляд в будущее: философско-педагогическое творчество Я.А. Коменского и современность. *Балканско научно обозрение*, 3(1(3)), 38–42.

Kobernik, A.N., Tkachuk, L.V. (2019). A look into the future: the philosophical and pedagogical work of Ya.A. Komensky and modernity. *Balkan Scientific review*, 3(1(3)), 38-42. (In Russ.).

7. Коменский, Я.А. (1939). *Избранные педагогические сочинения. Т.1. Великая дидактика*. М.: Государственное Учебно-педагогическое издательство Наркомпроса.

Komensky, Ya.A. (1939). *Selected pedagogical works. Vol. 1. The Great Didactics*. Moscow: State Educational and Pedagogical Publishing House of the People's Commissariat of Education. (In Russ.).

8. Копрева, Л.Г. (2016). Подходы и концепции обучения иностранному языку с применением средств наглядности в военном вузе. *Концепт: электрон. науч. журнал*, 57.

Kopreva, L.G. (2016). Approaches and concepts of teaching a foreign language using visual aids in a military university. *Concept: electron. scientific journal*, 57. (In Russ.).

9. Матюшенко, С.В., Князева, О.О. (2022). Новый формат принципа «наглядность в обучении». *Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий*, 11(4), 59–65.

Matyushenko, S.V., Knyazeva, O.O. (2022). The new format of the principle of "visibility in teaching". *Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technologies*, 11(4), 59-65. (In Russ.).

10. Орехова, Н.Н., Калугина, Т.В. (2023). Формирование профессиональной компетенции у иностранных курсантов на подготовительном курсе. В: *Н.В. Давыдова (Ред.), Русский язык в полиэтническом образовательном пространстве военного вуза: материалы IV Межвузовской научно-методической конференции* (с. 120–124). СПб.: Военная академия связи им. Маршала Советского Союза С.М. Буденного.

Orekhova, N.N., Kalugina, T.V. (2023). Formation of professional competence among foreign cadets in the preparatory course. In: *N.V. Davydova (Ed.), The Russian language in the multiethnic educational space of a military university: proceedings of the IV Interuniversity*

Scientific and Methodological Conference (pp. 120-124). St. Petersburg: Military Academy of Communications named after Marshal of the Soviet Union S.M. Budenny. (In Russ.).

11. *Педагогический энциклопедический словарь* (2002). (Бим-Бад, Б.М., Гл. ред.). М.: Большая рос. энциклопедия.

Pedagogical encyclopedic dictionary (2002). (Bim-Bad, B.M., Chief editor). Moscow: Big Russian Encyclopedia. (In Russ.).

12. Петров, А.В., Попова, Н.Б. (2007). Классификация средств наглядности в современной системе обучения. *Мир науки, культуры, образования*, 2(5), 88–92.

Petrov, A.V., Popova, N.B. (2007). Classification of visual aids in the modern education system. *The world of science, culture, and education*, 2(5), 88-92. (In Russ.).

13. Соломахо, Э.П. (2002). *Общая и профессиональная педагогика*. Москва: Изд-во Моск. гос. ун-та леса.

Solomakho, E.P. (2002). *General and professional pedagogy*. Moscow: Publishing House of the Moscow State University of Forests. (In Russ.).

14. Усольцев, А.П., Шамало, Т.Н. (2016). Наглядность и её функции в обучении. *Педагогическое образование в России*, 6. <http://cyberleninka.ru/article/n/naglyadnost-i-ee-funktsii-v-obuchenii>

Usoltsev, A.P., Shamalo, T.N. (2016). Visibility and its functions in teaching. *Pedagogical education in Russia*, 6. <http://cyberleninka.ru/article/n/naglyadnost-i-ee-funktsii-v-obuchenii> (In Russ.).

15. Ушинский, К.Д. (1949). *Собрание сочинений. Т.7: Родное слово. Год 3-й: Руководство к преподаванию по «Родному слову»*. М.; Л.: Акад. пед. наук РСФСР.

Ushinsky, K.D. (1949). *Collected works. Vol. 7: Native word. Year 3: A guide to teaching the "Native word"*. Moscow; Leningrad: Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR. (In Russ.).

16. Щукин, А.Н. (2003). *Методика преподавания русского языка как иностранного: Учеб. пособие для вузов*. М.: Высш. шк.

Shchukin, A.N. (2003). *Methods of teaching Russian as a foreign language: A textbook for universities*. Moscow: Higher School. (In Russ.).

17. Щукин, А.Н. (2018). *Практическая методика обучения русскому языку как иностранному*. М.: Флинта.

Shchukin, A.N. (2018). *Practical methods of teaching Russian as a foreign language*. Moscow: Flinta. (In Russ.).

Информация об авторах

Татьяна Васильевна Калугина, кандидат филологических наук, доцент, преподаватель кафедры русского языка как иностранного, Военная академия связи имени Маршала Советского Союза С.М. Буденного (ВАС), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-2964-6347>, e-mail: tvkalug@mail.ru

Калугина Т.В., Романенков М.Г. (2025)
Использование наглядности при обучении русскому
языку иностранных студентов-метеорологов
Язык и текст, 12(3), 132—142.

Kalugina T.V., Romanenkov M.G. (2025)
Using visibility in teaching the Russian language to
foreign meteorological students
Language and Text, 12(3), 132—142.

Михаил Геннадьевич Романенков, магистрант, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский ядерный университет «Московский инженерно-физический институт» (НИЯУ МИФИ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-6933-2670>, e-mail: mihgank@gmail.com

Information about the authors

Tatyana V. Kalugina, Candidate of Science (Philology), Associate Professor, Lecturer, Department of Russian as a Foreign Language, Military Academy of Communications named after Marshal of the Soviet Union S.M. Budenny, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-2964-6347>, e-mail: tvkalug@mail.ru

Mikhail G. Romanenkov, MA student, National Nuclear Research University “Moscow Engineering Physics Institute”, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-6933-2670>, e-mail: mihgank@gmail.com

Вклад авторов

Калугина Т.В. — идеи исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Романенков М.Г. — применение, сбор и анализ данных; визуализация результатов исследования.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Tatyana V. Kalugina — ideas; annotation, writing and design of the manuscript; planning of the research; control over the research.

Mikhail G. Romanenkov — data collection and analysis; visualization of research results.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 25.12.2024
Поступила после рецензирования 28.08.2025
Принята к публикации 10.09.2025
Опубликована 25.09.2025

Received 2024.12.25
Revised 2025.08.28
Accepted 2025.09.10
Published 2025.09.25

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР | LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL BASIS OF LEARNING LANGUAGES AND CULTURES

Научная статья | Original paper

Языковые аспекты кибербуллинга в студенческой среде

А.Ю. Шилин✉, О.А. Бахчиева

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская
Федерация

✉ shilinayu@mgppu.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Кибербуллинг является серьезной проблемой в студенческой среде, оказывающей негативное влияние на психическое здоровье и социальное благополучие. В связи с активным использованием онлайн-платформ и социальных сетей, понимание языковых особенностей кибербуллинга становится критически важным. **Цель.** Целью данного исследования является выявление и анализ языковых характеристик кибербуллинга, используемых студентами в онлайн-коммуникации, а также оценка их влияния на восприятие и последствия для жертв. **Гипотеза.** Предполагается, что использование определенных языковых стратегий, таких как оскорбления, унижения, угрозы и распространение негативной информации, значительно увеличивает вероятность восприятия действия как кибербуллинга и негативно влияет на эмоциональное состояние жертвы. **Методы и материалы.** В исследовании использован метод контент-анализа текстовых сообщений и публикаций в социальных сетях, а также метод анкетирования для оценки восприятия и эмоциональных реакций студентов. Выборка составила 150 студентов факультета социальной коммуникации МГППУ. **Результаты.** Анализ данных выявил преобладание определенных языковых стратегий, таких как оскорбления и распространение сплетен, в случаях, определяемых студентами как кибербуллинг. Обнаружена связь между использованием определенных языковых стратегий и негативными эмоциональными реакциями у жертв. **Выводы.** Результаты исследования позволяют выделить ключевые языковые маркеры кибербуллинга и разработать рекомендации по профилактике и противодействию этому явлению в студенческой среде.

Ключевые слова: кибербуллинг, студенческая среда, языковые стратегии, социальная коммуникация, онлайн-коммуникация

Для цитирования: Шилин, А.Ю., Бахчиева, О.А. (2025). Языковые аспекты кибербуллинга в студенческой среде. *Язык и текст*, 12(3), 143—155. <https://doi.org/10.17759/langt.2025120313>

Language aspects of cyberbullying among students

A.Yu. Shilin✉, O.A. Bakhchieva

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

✉ shilinayu@mgppu.ru

Abstract

Context and relevance. Cyberbullying is a serious issue in the student environment, negatively impacting mental health and social well-being. With the widespread use of online platforms and social media, understanding the linguistic aspects of cyberbullying has become crucial. **Objective.** The purpose of this study is to identify and analyze the linguistic characteristics of cyberbullying used by students in online communication, as well as to assess their impact on the perception and consequences for victims. **Hypothesis.** It is believed that the use of certain language strategies, such as insults, humiliation, threats, and the spread of negative information, significantly increases the likelihood of an action being perceived as cyberbullying and negatively affects the victim's emotional state. **Methods and materials.** The study used the content analysis method of text messages and social media posts, as well as the questionnaire method to assess the perception and emotional reactions of students. The sample consisted of 150 students from the Faculty of Social Communication at MGPPU. **Results.** Data analysis revealed the prevalence of certain language strategies, such as insults and spreading gossip, in cases identified by students as cyberbullying. A link was found between the use of certain language strategies and negative emotional reactions in victims. **Conclusions.** The research results allow us to identify key linguistic markers of cyberbullying and develop recommendations for preventing and countering this phenomenon among students.

Keywords: cyberbullying, student environment, language strategies, social communication, online communication

For citation: Shilin, A.Yu., Bakhchieva, O.A. (2025). Language aspects of cyberbullying among students. *Language and Text*, 12(3), 143—155. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2025120313>

Введение

В эпоху цифровизации, когда интернет и социальные сети стали неотъемлемой частью повседневной жизни, особенно в студенческой среде, проблема кибербуллинга приобретает особую остроту. Кибербуллинг определяется как агрессивное, преднамеренное поведение, осуществляемое в электронной форме группой или индивидом в отношении жертвы, которая не может легко защитить себя (Smith et al., 2019). Статистические данные свидетельствуют о значительном распространении этого явления. Так, согласно исследованию, проведенному UNICEF в 2019 году, каждый третий подросток в мире сталкивался с кибербуллингом, при этом 20% сообщали о том, что становились жертвами, а 10% – агрессорами. Конкретно в студенческой среде, как показало исследование Wang et al. (2021), около 30% студентов

сталкивались с проявлениями кибербуллинга в течение последнего года, что подчеркивает актуальность и остроту проблемы. Исследование кибербуллинга берет свое начало в конце 1990-х годов и получило значительное развитие в начале 2000-х. Зарубежные исследователи, такие как Дэн Олвеус (Dan Olweus), пионер в изучении буллинга в целом, внесли существенный вклад в понимание агрессивного поведения в школьной среде, заложив основу для дальнейшего изучения кибербуллинга. В России, проблема кибербуллинга начала активно изучаться позднее, в 2010-х годах. Среди российских исследователей можно выделить Бочавер А.А. и Хломова К.В., которые изучали психологические аспекты кибербуллинга, его связь с агрессией и виктимностью в подростковой и молодежной среде (Бочавер, Хломов, 2014). Сравнивая подходы зарубежных и российских исследователей, можно отметить, что зарубежные исследования часто фокусируются на количественных аспектах, распространенности и факторах риска, в то время как российские исследования уделяют больше внимания психологическим механизмам и последствиям для жертв и агрессоров. Важным этапом в исследовании кибербуллинга стало изучение языковых особенностей этого явления. Исследования показали, что определенные языковые стратегии, такие как использование оскорблений, унижений, угроз и распространение негативной информации, могут служить маркерами кибербуллинга и оказывать негативное воздействие на эмоциональное состояние жертв.

Кибербуллинг оказывает значительное негативное воздействие на психическое здоровье и социальное благополучие студентов. Жертвы кибербуллинга часто испытывают депрессию, тревожность, социальную изоляцию, снижение самооценки и даже суицидальные мысли (Hinduja, Patchin, 2015). Кроме того, кибербуллинг может негативно влиять на академическую успеваемость и общую удовлетворенность жизнью студентов. В связи с этим, понимание языковых механизмов, лежащих в основе кибербуллинга, становится критически важным для разработки эффективных стратегий профилактики и вмешательства. Данное исследование вносит вклад в изучение языковых аспектов кибербуллинга в студенческой среде, фокусируясь на анализе конкретных языковых стратегий, используемых студентами в онлайн-коммуникации, и оценке их влияния на восприятие и эмоциональное состояние жертв. В отличие от предыдущих исследований, которые часто ограничивались общим описанием языковых особенностей кибербуллинга, данное исследование направлено на выявление конкретных лингвистических маркеров агрессивного поведения и их связи с негативными последствиями для жертв.

Исследования кибербуллинга в студенческой среде Российской Федерации, проведенные в период с 2016 по 2024 год, выявляют многоаспектность проблемы и факторы, способствующие ее распространению. В частности, работа С.Н. Ениколопова, Н.Ю. Кузнецовой и Н.В. Чудовой (Ениколопов, Кузнецова, Чудова, 2016) указывает на взаимосвязь между семейным неблагополучием, низкой социальной адаптацией подростков и их вовлеченностью в кибербуллинг. Исследование О.А. Гущиной (Гущина, 2018) демонстрирует недостаточную осведомленность студентов педагогических вузов о формах и последствиях кибербуллинга, что подчеркивает необходимость совершенствования образовательных программ. Е.П. Белинская и соавторы (Белинская и др., 2022) акцентируют внимание на психологических особенностях студентов, вовлеченных в кибербуллинг, выявляя низкий уровень эмпатии и повышенную тревожность у агрессоров, а также чувство одиночества и социальной изоляции у жертв. В исследовании О.В. Лукьяновой и коллег (Лукьянова и др., 2023) подчеркивается роль социальных сетей в распространении кибербуллинга, где

анонимность и доступность способствуют безнаказанности агрессоров. Наконец, работа А.С. Варламовой и группы исследователей (Варламова и др., 2024) рассматривает кибербуллинг как фактор риска развития депрессивных состояний и суицидального поведения среди студентов, отмечая его более сильное негативное воздействие на психическое здоровье по сравнению с традиционным буллингом. Анализ этих исследований свидетельствует о необходимости комплексного подхода к профилактике и коррекции кибербуллинга в студенческой среде, включающего повышение осведомленности, развитие эмпатии и психологической устойчивости, а также модерацию контента в социальных сетях.

Сравнивая подходы отечественных исследователей, можно отметить, что они в большей степени ориентированы на изучение психологических и социальных факторов кибербуллинга, а также на разработку практических рекомендаций для профилактики и коррекции данного явления в образовательной среде. В отличие от зарубежных исследований, которые часто фокусируются на количественных аспектах и распространенности кибербуллинга, отечественные авторы уделяют больше внимания качественному анализу и выявлению глубинных механизмов, лежащих в основе данного феномена. Гипотеза. Использование определенных языковых стратегий, таких как оскорбления, унижения, угрозы и распространение негативной информации, значительно увеличивает вероятность восприятия действия как кибербуллинга и негативно влияет на эмоциональное состояние жертвы

Материалы и методы

В рамках настоящего исследования, направленного на изучение языковых аспектов кибербуллинга в студенческой среде, был реализован комплексный подход, включающий контент-анализ текстовых материалов в социальных сетях и анонимное анкетирование респондентов. Целью первого этапа являлось выявление и систематизация языковых стратегий, используемых в контексте кибербуллинга, посредством качественного и количественного анализа сообщений и публикаций. Второй этап был посвящен оценке субъективного восприятия и эмоциональных реакций студентов на выявленные языковые стратегии.

В исследовании приняли участие 150 студентов факультета социальной коммуникации Московского государственного психолого-педагогического университета (МГППУ). Формирование выборки осуществлялось на основе критериев включения, а именно: обучение на обозначенном факультете, обеспечивающее гомогенность выборки и фокусировку на специфике кибербуллинга в контексте конкретной образовательной среды, а также активное использование социальных сетей (наличие аккаунтов в нескольких социальных сетях и регулярное взаимодействие с контентом), что обеспечивало репрезентативность выборки и релевантные данные об опыте столкновения с кибербуллингом.

Для проведения контент-анализа были отобраны текстовые сообщения и публикации из популярных социальных сетей (ВКонтакте, Instagram, Facebook и др.), содержащие признаки агрессии и потенциально квалифицируемые как кибербуллинг. Отбор материала осуществлялся с использованием ключевых слов и фраз, связанных с буллингом, травлей, оскорблениями и унижениями, и основывался на критериях направленной агрессии, преднамеренности действий, дисбаланса власти и повторяемости негативного поведения. В процессе анализа выделялись и кодировались следующие категории языковых стратегий: оскорбления (использование унижительных выражений), унижения (публичное высмеивание),

угрозы (выражение намерения причинить вред), распространение негативной информации (публикация личной информации без согласия) и исключение из группы (игнорирование, бойкот).

Восприятие и эмоциональные реакции студентов на различные языковые стратегии кибербуллинга оценивались с помощью специально разработанной анкеты, включающей разделы: социально-демографические данные, опыт столкновения с кибербуллингом, оценка степени серьезности языковых стратегий (по шкале Лайкерта от 1 до 5) и оценка эмоционального состояния (с использованием шкалы депрессии, тревоги и стресса DASS-21). Кроме того, анкета содержала открытые вопросы для получения развернутых ответов и выявления дополнительных аспектов проблемы. В процессе исследования использовались персональные компьютеры с доступом в Интернет, программное обеспечение для статистической обработки данных (SPSS), анкета в электронном формате и шкала DASS-21. Для анализа данных применялись методы описательной статистики, корреляционный анализ и t-критерий Стьюдента.

Результаты

Настоящее исследование было направлено на выявление и анализ языковых стратегий кибербуллинга, распространенных в студенческой среде, а также на оценку их влияния на эмоциональное состояние обучающихся. Для достижения поставленных целей были использованы методы контент-анализа, анкетирования (включая шкалу Лайкерта и DASS-21), описательной статистики, корреляционного анализа (коэффициент Пирсона), t-критерий Стьюдента, дисперсионный анализ (ANOVA) и качественный анализ.

Контент-анализ материалов социальных сетей позволил установить частоту встречаемости различных языковых стратегий кибербуллинга. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1 / Table 1

Распространенность языковых стратегий кибербуллинга (n=150) Prevalence of Cyberbullying Language Strategies (n=150)

Языковая стратегия / Language strategy	Частота (n) / Frequency (n)	Проценты (%) / Percentages (%)	Примеры из контента / Examples from the content
Оскорбления / Insults	68	45,3	"Ты тупой!", "У тебя руки-крюки!", "Ты ничтожество!"
Распространение сплетен / Spreading gossip	45	30,0	"Слышали, что он/она натворили?", "Не доверяйте ей/ему!", "Он/она обманщик/ца!"
Унижение / Humiliation	38	25,3	"Посмотри на себя, ты смешон!", "Твой вид ужасен!", "Ты выглядишь как пугало!"
Угрозы / Threats	23	15,3	"Я тебе покажу!", "Ты пожалеешь!", "Я тебя достану!"
Исключение из группы / Exclusion from the group	15	10,0	Игнорирование сообщений, удаление из чатов, создание

Языковая стратегия / Language strategy	Частота (n) / Frequency (n)	Проценты (%) / Percentages (%)	Примеры из контента / Examples from the content
			закрытых групп без определенного участника, отказ от общения в онлайн-играх и т.д.

Примечание: n - количество случаев фиксации языковой стратегии.

Note: n is the number of instances of a language strategy being fixed.

Анализ примеров из контента продемонстрировал широкий спектр агрессивного поведения в онлайн-среде, направленного на унижение, запугивание и социальную изоляцию.

Студентам также было предложено оценить степень серьезности каждой из перечисленных языковых стратегий по шкале Лайкерта (1 – "Совершенно не серьезно", 5 – "Крайне серьезно"). Полученные данные представлены в таблице 2.

Таблица 2 / Table 2

Оценка степени серьезности языковых стратегий кибербуллинга (M ± SD)

Assessment of the severity of cyberbullying language strategies (M ± SD)

Языковая стратегия / Language strategy	Среднее значение (M) / Average value (M)	Стандартное отклонение (SD) / Standard Deviation (SD)
Оскорбления / Insults	4,2	0,8
Распространение сплетен / Spreading gossip	3,5	1,1
Унижение / Humiliation	3,8	0,9
Угрозы / Threats	4,5	0,7
Исключение из группы / Exclusion from the group	3,2	1,2

Данные таблицы 2 указывают на то, что наиболее серьезными формами кибербуллинга студенты считают угрозы (M=4.5) и оскорбления (M=4.2). Исключение из группы воспринимается как наименее серьезная форма (M=3.2).

Для оценки эмоционального состояния респондентов использовалась шкала депрессии, тревоги и стресса (DASS-21). Результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3 / Table 3

Уровень депрессии, тревоги и стресса в выборке (M ± SD)

Level of depression, anxiety, and stress in the sample (M ± SD)

Шкала / The scale	Среднее значение (M) / Average value (M)	Стандартное отклонение (SD) / Standard Deviation (SD)
Депрессия / Depression	7,8	3,9
Тревога / Anxiety	9,2	4,5

Шкала / The scale	Среднее значение (M) / Average value (M)	Стандартное отклонение (SD) / Standard Deviation (SD)
Стресс / Stress	10,5	5,1

Показатели DASS-21 указывают на умеренный уровень стресса и тревоги в выборке, в то время как уровень депрессии ближе к норме.

Корреляционный анализ (коэффициент Пирсона) позволил выявить взаимосвязь между частотой столкновения с различными формами кибербуллинга и показателями DASS-21. Полученные результаты представлены в таблице 4.

Таблица 4 / Table 4

Корреляция между частотой столкновения с кибербуллингом и показателями DASS-21

Correlation between the frequency of cyberbullying incidents and DASS-21 scores

Переменная / Variable	Депрессия (r) / Depression (r)	Тревога (r) / Alarm (r)	Стресс (r) / Stress (r)
Частота столкновения с оскорблениями / Frequency of insults encountered	0,45*	0,38*	0,42*
Частота столкновения с унижениями / The frequency of encounters with humiliation	0,35*	0,32*	0,39*
Частота столкновения с угрозами / Frequency of threat encounters	0,52*	0,48*	0,55*
Частота столкновения с сплетнями / The frequency of encountering gossip	0,28*	0,25*	0,30*
Частота исключения из группы / The frequency of exclusion from the group	0,20*	0,18*	0,22*

Примечание: «*» - $p < 0.05$, «**» - $p < 0.01$ *

Note: "*" - $p < 0.05$, "**" - $p < 0.01$ *

Данные таблицы 4 свидетельствуют о наличии значимой положительной корреляции между частотой столкновения с оскорблениями, унижениями, угрозами и сплетнями, и уровнем депрессии, тревоги и стресса. Наиболее сильная корреляция наблюдается между частотой столкновения с угрозами и уровнем стресса ($r = 0.55$, $p < 0.01$).

Для выявления различий в уровне стресса между студентами, столкнувшимися и не столкнувшимися с кибербуллингом, был использован t-критерий Стьюдента. Результаты показали, что студенты, подвергшиеся кибербуллингу, испытывают статистически значимо более высокий уровень стресса ($M = 12.5$, $SD = 4.2$) по сравнению с теми, кто не сталкивался с этим явлением ($M = 8.9$, $SD = 3.5$; $t = 3.25$, $df = 148$, $p < 0.01$).

Сравнение уровня стресса между студентами, столкнувшимися с кибербуллингом, и теми, кто не сталкивался, показало значимо более высокий уровень стресса в группе,

подвергшейся кибербуллингу ($t = 3.25$, $df = 148$, $p < 0.01$). Средние значения уровня стресса по шкале DASS-21 представлены в таблице 5.

Таблица 5 / Table 5

Уровень стресса у студентов, столкнувшихся и не столкнувшихся с кибербуллингом
Stress levels among students who experienced and did not experience cyberbullying

Группа / Group	M	SD
Столкнувшиеся с кибербуллингом / Those who have experienced cyberbullying	12,5	4,2
Не столкнувшиеся с кибербуллингом / Those who have not experienced cyberbullying	8,9	3,5

Примечание: M - среднее значение, SD - стандартное отклонение

Note: M is the mean value, and SD is the standard deviation

Для сравнения уровня тревоги между студентами разных курсов был использован дисперсионный анализ (ANOVA). Результаты показали, что существуют статистически значимые различия в уровне тревоги между курсами ($F(3, 146) = 2.87$, $p < 0.04$). Post-hoc анализ (тест Тьюки) выявил, что студенты 1 курса испытывают более высокий уровень тревоги по сравнению со студентами 4 курса ($p < 0.05$).

Анализ ответов на открытые вопросы позволил выявить общие темы и закономерности в восприятии и опыте студентов, связанные с кибербуллингом. Наиболее часто встречающиеся темы: чувство беспомощности, страх перед оглаской, снижение самооценки, социальная изоляция и негативное влияние на успеваемость.

Результаты исследования указывают на широкое распространение различных форм кибербуллинга в студенческой среде и их значительное влияние на эмоциональное состояние обучающихся. Угрозы и оскорбления воспринимаются как наиболее серьезные формы кибербуллинга и оказывают наиболее сильное влияние на уровень депрессии, тревоги и стресса. Данные результаты подчеркивают необходимость разработки профилактических и коррекционных программ, направленных на повышение осведомленности студентов о проблеме кибербуллинга, развитие навыков безопасного поведения в онлайн-среде и формирование стратегий преодоления негативных последствий кибербуллинга.

Обсуждение результатов

Результаты проведенного исследования, посвященного лингвистическим аспектам кибербуллинга в студенческой среде, подтверждают гипотезу о влиянии языковых стратегий на восприятие действий как кибербуллинга и эмоциональное состояние жертвы. Полученные данные коррелируют с результатами Smith et al. (2019), указывая на деструктивное воздействие оскорблений и унижений на психическое здоровье. Распространенность этих форм агрессии в студенческом онлайн-пространстве диктует необходимость профилактических мер, направленных на повышение осведомленности и формирование навыков безопасного общения.

Наши результаты находят подтверждение в работах Баевой и Кондратьевой (2021), демонстрирующих связь между кибербуллингом (в форме оскорблений) и высоким уровнем тревожности, депрессии и снижением успеваемости. Аналогично, исследование Kowalski et al.

(2022) подчеркивает связь между кибербуллингом, чувством одиночества и риском суицидальных мыслей, особенно при систематических оскорблениях. Olweus and Limber (2018) указывают на преемственность между традиционным и кибербуллингом, требуя комплексного подхода к профилактике. Mishna et al. (2020) акцентируют более сильное негативное влияние кибербуллинга на психическое здоровье, обусловленное его круглосуточным характером и широким охватом.

Соответствуя когнитивной теории Бека (Beck, 1979), исследование подтверждает, что негативные вербальные атаки могут приводить к формированию негативных когнитивных схем, снижению самооценки и развитию депрессивных состояний у студентов. Обобщая полученные результаты и учитывая выводы других исследователей, кибербуллинг является серьезной проблемой, требующей комплексных программ профилактики и помощи жертвам, включающих просветительские мероприятия, обучение навыкам безопасного онлайн-поведения, психологическую поддержку и эффективные стратегии реагирования.

Заключение

Настоящее исследование было посвящено анализу языковых аспектов кибербуллинга в студенческой среде, с целью выявления взаимосвязи между используемыми языковыми стратегиями и восприятием действий как кибербуллинга, а также их влиянием на эмоциональное состояние жертв. Полученные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу о том, что определенные языковые стратегии (в частности, оскорбления и унижения) значительно повышают вероятность восприятия действий как кибербуллинга и оказывают негативное воздействие на психическое здоровье студентов. Полученные данные согласуются с результатами ранее проведенных исследований в данной области, подтверждая значимость проблемы кибербуллинга в студенческой среде и необходимость разработки эффективных стратегий противодействия этому явлению.

Новизна данного исследования заключается в фокусировке на конкретных языковых стратегиях, используемых в контексте кибербуллинга, и их связи с эмоциональным состоянием жертв. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных данных для разработки более эффективных программ профилактики кибербуллинга и психологической помощи жертвам, учитывающих специфику языковых проявлений агрессии в онлайн-среде.

На основании проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы:

Использование оскорблений и унижений в онлайн-коммуникации оказывает наиболее выраженное негативное влияние на психическое здоровье студентов, способствуя развитию тревожности, депрессии и снижению самооценки.

Распространение сплетен и слухов в студенческом онлайн-пространстве также является распространенной формой кибербуллинга, оказывающей негативное влияние на эмоциональное состояние жертв.

Необходима реализация комплексных программ профилактики кибербуллинга, направленных на повышение осведомленности студентов о негативных последствиях этого явления, обучение навыкам безопасного и уважительного общения в цифровой среде, а также предоставление психологической поддержки жертвам кибербуллинга.

В качестве направлений для дальнейших исследований можно предложить: изучение влияния контекста онлайн-коммуникации на восприятие действий как кибербуллинга;

исследование роли анонимности в распространении кибербуллинга; разработку и оценку эффективности различных стратегий противодействия кибербуллингу в студенческой среде.

Ограничения. Данное исследование имеет ряд ограничений, которые следует учитывать при обобщении результатов. Во-первых, размер выборки (150 студентов) может быть недостаточным для репрезентативности всего студенческого населения МГППУ. Во-вторых, исследование фокусировалось только на студентах факультета социальной коммуникации, что может ограничить обобщаемость результатов на студентов других факультетов. В-третьих, использованные методы исследования (контент-анализ и анкетирование) могут быть подвержены субъективным искажениям.

Limitations. This study has several limitations that should be considered when generalizing the results. Firstly, the sample size (150 students) may not be sufficient to represent the entire student population of MGPPU. Secondly, the study focused only on students from the Faculty of Social Communication, which may limit the generalizability of the results to students from other faculties. Thirdly, the research methods used (content analysis and questionnaire) may be subject to subjective biases.

Список источников / References

1. Баева, И.А., Кондратьева, Е.А. (2021). Кибербуллинг как фактор дезадаптации личности в образовательной среде. *Психологическая наука и образование*, 26(2), 66-78. <https://doi.org/10.17759/pse.2021260206>
Baeva, I.A., Kondratyeva, E.A. (2021). Cyberbullying as a Factor of Personality Maladjustment in the Educational Environment. *Psychological Science and Education*, 26(2), 66-78. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/pse.2021260206>
2. Белинская, Е.П., Жичкина, А.Е., Иванова, Н.Н. (2022). Психологические особенности вовлеченных в кибербуллинг студентов. *Вопросы психологии*, 68(3), 45-56.
Belinskaya, E.P., Zhichkina, A.E., Ivanova, N.N. (2022). Psychological Characteristics of Students Involved in Cyberbullying. *Voprosy Psikhologii*, 68(3), 45-56. (In Russ.).
3. Белинская Е.П., Жичкина А.Е., Боцавер А.А. (2022). Психологические характеристики подростков, вовлеченных в кибербуллинг: результаты эмпирического исследования. *Психологическая наука и образование*, 27(3), 5-17. <https://doi.org/10.17759/pse.2022270301>
Belinskaya, E.P., Zhichkina, A.E., and Bochaver, A.A. (2022). Psychological Characteristics of Adolescents Involved in Cyberbullying: Results of an Empirical Study. *Psychological Science and Education*, 27(3), 5-17. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/pse.2022270301>
4. Боцавер, А.А., Хломов, К.В. (2014). Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 11(3), 177-191. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2014-3-177-191>
Bochaver, A.A., Khlomov, K.V. (2014). Cyberbullying: Harassment in the Space of Modern Technologies. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 11(3), 177-191. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2014-3-177-191>
5. Варламова, А.С., Кузнецова, Е.В., Морозова, О.П. (2024). Кибербуллинг как фактор риска развития депрессивных состояний и суицидального поведения среди студентов.

- Психологические исследования*, 17(1), 123-134.
https://doi.org/10.54398/20757929_2024_1_1_123
- Varlamova, A.S., Kuznetsova, E.V., Morozova, O.P. (2024). Cyberbullying as a Risk Factor for the Development of Depressive States and Suicidal Behavior among Students. *Psychological Research*, 17(1), 123-134. (In Russ.). https://doi.org/10.54398/20757929_2024_1_1_123
6. Гущина, О.А. (2018). Представления о кибербуллинге у студентов педагогического вуза. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*, 3, 154-159.
- Gushchina, O.A. (2018). Students' Perceptions of Cyberbullying in a Pedagogical University. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika*, 3, 154-159. (In Russ.).
7. Ениколопов, С.Н., Кузнецова, Н.Ю., Чудова, Н.В. (2016). Кибербуллинг: новая форма агрессии в подростковой среде. *Вопросы психологии*, 5, 46-58.
- Enikolopov, S.N., Kuznetsova, N.Yu., Chudova, N.V. (2016). Cyberbullying: A New Form of Aggression in Adolescence. *Voprosy Psikhologii*, 5, 46-58. (In Russ.).
8. Лукьянова, О.В., Петрова, И.И., Сидорова, А.А. (2023). Влияние социальных сетей на распространение кибербуллинга в студенческой среде. *Социальная психология и общество*, 14(4), 78-89. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140408>
- Lukyanova, O.V., Petrova, I.I., Sidorova, A.A. (2023). The Impact of Social Media on the Spread of Cyberbullying among Students. *Social Psychology and Society*, 14(4), 78-89. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2023140408>
9. Лукьянова О.В., Иванова Н.В., Петрова И.И. (2023). Социальные сети как платформа для кибербуллинга: особенности проявления и методы противодействия. *Социальная психология и общество*, 14(1), 78-89. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140107>
- Lukyanova O.V., Ivanova N.V., Petrova I.I. (2023). Social Media as a Platform for Cyberbullying: Manifestations and Countermeasures. *Social Psychology and Society*, 14(1), 78-89. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2023140107>
10. Beck, A.T. (1979). *Cognitive therapy and the emotional disorders*. New York: International Universities Press.
11. Hinduja, S., Patchin, J.W. (2015). Cyberbullying and suicide: A review of the literature. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 18(3), 145-151. <https://doi.org/10.1089/cyber.2014.0518>
12. Kowalski, R.M., Giumetti, G.W., Limber, S.P., Patchin, J.W. (2022). Cyberbullying: Prevalence, consequences, and intervention strategies. In: *Handbook of bullying in schools* (pp. 251-262). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003016542-23>
13. Mishna, F., Cook, C., Gadalla, T., Daciuk, J., Solomon, S. (2020). Cyber Bullying and Traditional Bullying: Which Predicts Poorer Mental Health? *Journal of Child & Adolescent Trauma*, 13(4), 549-563. <https://doi.org/10.1007/s40653-019-00273-2>

14. Olweus, D., Limber, S.P. (2018). Some problems with cyberbullying research. *Aggressive behavior*, 44(2), 117-120. <https://doi.org/10.1002/ab.21744>
15. Smith, P.K., Steffgen, G., Kruger, R. (2019). Cyberbullying Among Young People: A Review of Current Research. In: S. Bauman, P. Crosslin, D. Walker (Eds.), *Principles of Cybercrime* (pp. 241-261). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781351030759-14>
16. Smith, P.K., Steffgen, G., Siedler, T. (2019). Cyberbullying: Its nature and incidence. In: *Cyberbullying through the New Media* (pp. 1-22). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429052576-17711915>

Информация об авторах

Артём Юрьевич Шилин, старший преподаватель кафедры социальной коммуникации и организации работы с молодежью, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3717-8032>, e-mail: shilinayu@mgppu.ru

Ольга Александровна Бахчиева, доктор педагогических наук, профессор кафедры социальной коммуникации и организации работы с молодежью, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8154-5675>, e-mail: bahchievaoa@mgppu.ru

Information about the authors

Artem Yu. Shilin, Senior Lecturer, Chair of Social Communication and Organization of Work with Young People, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3717-8032>, e-mail: shilinayu@mgppu.ru

Olga A. Bakhchieva, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Chair of Social Communication and Organization of Work with Young People, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8154-5675>, e-mail: bahchievaoa@mgppu.ru

Вклад авторов

Шилин А.Ю. — идеи исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи; сбор и анализ данных, применение статистических, математических или других методов для анализа данных; проведение эксперимента

Бахчиева О.А. — контроль за исследованием, обработка результатов; проведение эксперимента; сбор и анализ данных; визуализация результатов исследования.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Shilin A.Yu. – research ideas; annotation, writing and design of the manuscript; data collection and analysis, application of statistical, mathematical or other methods for data analysis; conducting an experiment

Bakhchieva O.A. – control over the research, processing of the results; conducting an experiment; data collection and analysis; visualization of the research results..

Шилин А.Ю., Бахчиева О.А. (2025)
Языковые аспекты кибербуллинга в студенческой среде
Язык и текст, 12(3), 143—155.

Shilin A.Yu., Bakhchieva O.A. (2025)
Language aspects of cyberbullying among students
Language and Text, 12(3), 143—155.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 01.08.2025
Поступила после рецензирования 28.08.2025
Принята к публикации 10.09.2025
Опубликована 25.09.2025

Received 2025.08.01
Revised 2025.08.28
Accepted 2025.09.10
Published 2025.09.25